ISSN0868-698x

СТОЛИЦА

№ 46–47
1991 г. 2руб.60коп.

иллюстрированный еженедельник

«СТРУИТСЯ В ЛЮДЯХ КРОВЬ МОГУЧЕЙ
СИЛОЙ СЕРДЦА,
А ДЕНЬГИ ПО СТРАНЕ, КАК СЕРДЦЕ
ДВИЖЕТ БАНК».
ИЗ ГИМНА, ПОСВЯЩЕННОГО РОССИЙСКОМУ СБЕРБАНКУ
БЕСЕДУ С ЕГО ПРЕДСЕДАТЕЛЕМ МИХАИЛОМ КОНОТОПОВЫМ
ЧИТАЙТЕ НА СТР. 47

Алексей ЕМЕЛЬЯНОВ

ЛИДЕРАМ НАДО ВЕРИТЬ, НО ОЧЕНЬ ОСТОРОЖНО

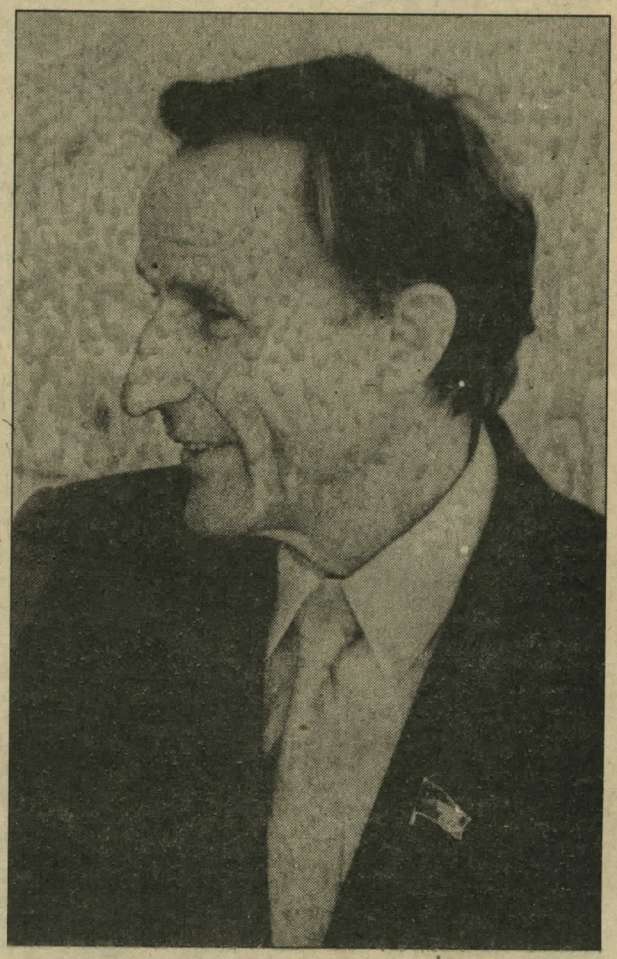


Фото Б.Кремера

Алексей Емельянов — родился в 1935 году, академик ВАСХНИЛ, профессор МГУ, член Совета Союза ВС СССР от Российской Федерации.

— Алексей Михайлович, начата реформа, за последствия которой Ельцин недвусмысленно взял на себя всю ответственность. Что ждет теперь нас, реформу и Ельцина?

— Меня удивило, когда он — Ельцин — решил взять на себя функции главы правительства. По-моему, эта идея созрела у него в последние день-два перед съездом... Во всяком случае, это его предложение одним махом разрубило неразрешимый узел проблем. Понимаете, сейчас в любом случае — кто бы ни стал премьером, он оказался бы заложником: быстро исправить положение нельзя, а подорваться на этой мине очень даже реально. Новый премьер был бы просто громоотводом в нынешней ситуации. Теперь такого громоотвода нет: Борис Николаевич взял все на себя. И тем самым резко усложнил свое положение гигантской ответственностью, когда отступать уже некуда. Очень мужественное решение. Но... вот что меня беспокоит: у него как у президента и так обязанностей навалом, он, боюсь, не сможет практически руководить правительством, вести заседания и так далее. А первый его зам, даже если это будет очень знающий человек, вряд ли в полной мере сможет компенсировать отсутствие такой личности, как Ельцин. Такого авторитета ведь ни у кого больше сейчас нет.

— Но если не Ельцин, то кто же?

— По-моему, очень подошел бы Святослав Николаевич Федоров. Он хотя и не профессионал в этом деле, но все-таки поднялся над своей профессией до уровня предпринимательства, не зашорен ничем, у него весьма смелые взгляды, которые смогли бы обеспечить существенный прорыв в нашей ситуации.

А больше всех, я считаю, на месте был бы Иван Степанович Силаев. Он свободно ориентируется в экономике, понимает ее, так сказать, макроуровень. У него огромный организаторский опыт, который необходим на этом посту, — одной романтикой здесь не обойдешься... И, кроме того, сбалансированная

СТОЛИЦА № 46—47 1991

Общественно-политический иллюстрированный еженедельник

Москва, 101425, ГСП, К-51, Петровка, 22
Телефон: 928-23-49
Телекс: 413739
Телефакс: 921-29-85

Главный редактор
Андрей МАЛЬГИН

Редакционная коллегия:
Вячеслав БАСКОВ
Юрий БЫЧКОВ
Владимир ВОЙНОВИЧ
Валерий ВЫЖУТОВИЧ
Илья ЗАСЛАВСКИЙ
Марк ЗАХАРОВ
Александр МИНКИН
Аркадий МУРАШЕВ
Анатолий ОСТРОУХОВ
(ответственный секретарь)
Владимир ПЕТРОВ
(главный художник)
Михаил ПОЗДНЯЕВ
Александр ПОЛЯКОВ
Анатолий РУБИНОВ
Петр СМИРНОВ
(зам. главного редактора)
Сергей СТАНКЕВИЧ
Галина СТАРОВОЙТОВА
Владислав СТАРЧЕВСКИЙ
(зам. главного редактора)
Татьяна ТОЛСТАЯ
Владимир ЦВЕТОВ
Владимир ЦЫБУЛЬСКИЙ
(зам. главного редактора)
Владислав ЯНКУЛИН

Учредитель: Моссовет

Мнения авторов не всегда совпадают с точкой зрения редакции.
При перепечатке ссылка на "Столицу" обязательна.
Редакция в переписку не вступает.

С предложениями о размещении рекламы звоните по телефону: 928-93-40

Эксклюзивный рекламный представитель за рубежом: Econews, Швейцария.

Подписку за рубежом осуществляет агентство Econews: box 535 Lausanne 1001 Switzerland.

Fax: 41.21—311.45.11
Tel.: 41.21—311.45.05

Номер набран и сверстан в фотонаборном центре еженедельника «Столица» на системе «Скантекст—2000», поставленной фирмой «Аутопан» (ФРГ)

Номер подписан в печать 15.11.1991

Тираж 150000. Цена 1 р. 30 к.
(для подписчиков 1991 — 95 к.)

© "Столица", 1991

Отпечатано на ордена Трудового Красного Знамени Чеховском полиграфическом комбинате Государственной ассоциации предприятий, объединений и организаций полиграфической промышленности «Аспол»
142300, г. Чехов Московской области. Зак. 4809

ЧИТАЙТЕ В НОМЕРЕ:

АКЦЕНТ

1 Лидерам надо верить. Но очень осторожно
А.Емельянов

НИ ШАГУ ВПЕРЕД

5 Новая реформа — это свет не в туннеле, а в лабиринте
Н. Петраков

ВЗГЛЯД

14 Кто же сгубил Советскую власть?
Л.Радзиховский

МЫ

24 Черный сад
А.Шведов

ПОДОПЛЕКА

60 «Ясно было, что Годунова надо спрятать»
И.Бродский

ПОЗИЦИЯ

64 Время склеивать позвонки
Ю.Карякин

ВСПОМНИМ

68 Победа далась нам огромной ценой
В.Елисеев

70 Горькая правда и сладкая ложь
А.Портнов

АРХИВ

83 Письма А.Керенского Н.Берберовой

ОТРАЖЕНИЕ

110 «Памятные записки»
Д.Самойлов

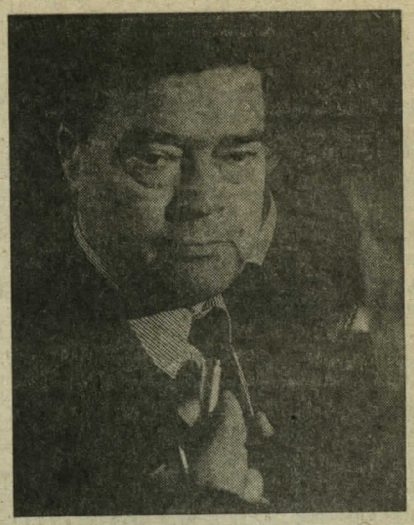
ПРОЗА

122 Мне всегда хотелось написать «Тамань» М.Ю.Лермонтова
В.Роньшин

Над номером работали:
В.ЦЫБУЛЬСКИЙ
А.ПРУЖИНИНА
Р.КАТЕЕВА

Заведующий отделом оформления
Виктор РЕЗНИКОВ

Директор издательства
Борис РАБКИН



9 Карьера министра

18 Александр Тимофеевский: «Главным и обескураживающим отличием «Коммерсанта» от всей остальной прессы с первых же его номеров было отсутствие надрывной апокалиптики».

72 Иеромонах Вениамин (Новик): «Сегодня основным вопросом русской мысли является вопрос о том, как оказалась возможной Российская катастрофа XX века».

личность, это интеллигентный человек, умеющий объединить разнополюсных людей. Но — он ушел в структуру надреспубликанскую, о чем теперь говорить...

— Вы согласны с утверждением российского лидера о том, что в аграрной области мы пока ничего не сделали, земельная реформа не идет и вообще положение на селе «аховое»?

— По-моему, все не столь мрачно. По крайней мере по сравнению с другими республиками. Я-то считаю, что именно Россия сделала идеологический прорыв в земельной реформе, когда приняла решение по земле. Допустила не какое-то там «владение» или «пользование», а признала недвусмысленно частную собственность на землю! Последующая за тем серия законодательных актов и по линии парламента, и по линии президента, и по линии Совмина России определила механизм осуществления реформы. Вспомним, например, решение о выделении колхозами и совхозами земли фермерам. Правда, делалось это в спешке, в начале марта-апреля этого года, но, с другой стороны, это решение руководства было необходимо, так как в старых структурах к тому времени только и думали о том, как бы обойти Закон о земле... Конечно, есть еще сильный тормоз, многие еще продолжают сопротивляться, но главное, я считаю, — позади. Теперь уже будут предоставлять землю. Просто делать эту работу надо заблаговременно, чтобы все хозяйства к весне могли хорошо подготовиться. Однако я бы даже сказал, что, как это ни странно, сейчас для нас земельная реформа — не главное. Если мы говорим в целом об **аграрной** реформе, то не главное. У нас почему-то все сводят к земле. А главное сейчас — с позиции самих крестьянских хозяйств — создание о б щ и х условий, то есть чтоб крестьянин з а х о т е л взять землю и её обрабатывать! Нужны *стимулы* к работе на земле. Это более принципиально. Общеэкономические условия должны быть. Ведь 30 тысяч фермерских хозяйств — это хорошо, но — капля в море!

Во-вторых, **социальная** база. В-третьих, конечно, если сам крестьянин пожелает взять землю, НЕ МЕШАТЬ ему. А тех, кто мешает, жестко наказывать. Строго по закону! Тогда будет толк.

— Как вы думаете, почему радикальная программа, предложенная Ельциным на съезде, вызвавшая у депутатов вначале даже некоторый шок и резкое неприятие, в конце концов была принята ими практически без принципиальных изменений?

— Ведь что явилось позитивным на этом съезде? По моим наблюдениям — определенное сближение позиций депутатов разной ориентации, противоположных фракций и направлений. Произошло это, во-первых, под влиянием августовских событий, подорвавших положение прежних, полозковских групп. Во-вторых, конечно, из-за осознания большинством депутатов нашего катастрофического состояния. И они, как последний шанс — кто осознанно, а кто и интуитивно, — ухватились за «соломинку», за авторитет Ельцина, а значит, за его программу. Которая, естественно, в самом начале их здорово шокировала, так как мало того, что сама по себе взрывная, так еще и, строго говоря, с демократическими принципами не очень-то связана. А еще, конечно, нельзя сбрасывать со счетов и такой немаловажный фактор, как желание переложить с себя эту огромную ответственность на Бориса Николаевича: в случае неудачи — сам просил себе полномочий, теперь сам и расхлебывай... Ясно же, что положение в экономике в ближайшее время не улучшится, а ухудшится. Но Ельцину уж, как говорится, отступать некуда, кивать не на кого. В общем, он и в самом деле камикадзе...

— Ельцин, вероятно, будет очень нуждаться в поддержке ближайших советников. Вы — один из них. Что бы вы сейчас посоветовали президенту России?

— Я действительно являюсь одним из членов вновь созданного Борисом Николаевичем Консультативного президентского совета, в который кроме меня входят еще 17 очень уважаемых людей — Геннадий Бурбулис, Георгий Арбатов, Юрий Болдырев, Олег Богомолов, Павел Бунич, Даниил Гранин, Татьяна Заславская, Марк Захаров, Юрий Карякин, Гавриил Попов, Юрий Рыжов, Анатолий Собчак, Владимир Тихонов, Валентин Федоров, Святослав Федоров, Николай Шмелев и Егор Яковлев. Первое заседание состоялось у нас 24 октября, три часа мы обменивались мнениями по самым разным вопросам, в том числе по тем, что должны были обсуждаться на съезде.

А что я бы ему посоветовал? В области **экономики** — прежде всего не превращать важнейшие элементы провозглашенной программы в очередную кампанию. Радикализм наш должен быть не в том, чтобы скорей-скорей «сверху» нажать и таким путем что-то заставить делать, а в том, чтобы энергично действовать продуманными методами, все тщательно просчитав, все последствия, по возможности, предусмотрев. Иначе мы можем еще больше дестабилизировать общество. Из конкретных мер это, конечно, в первую очередь приватизация, но тоже — г р а м о т н а я, а не кампанейская. Она ведь еще, по-моему, детально не проработана...

Далее — срочно разобраться с инвестициями в ВПК и в строительный комплекс. Чтоб туда не уходили дефицитнейшие материалы, позарез необходимые селу и не получаемые им. Если мы здесь не осуществим структурных изменений — толку никакого не будет.

Что же касается **политической** сферы, я посоветовал бы более сбалансированно осуществлять меры по нормализации соотношения законодательной и исполнительной власти, взаимодействия между разными ее этажами. То, чего, к сожалению, нет сейчас: наблюдается явный перекос в сторону принижения роли законодателей. И, конечно, следовало бы требовательней формировать кадровый состав руководства — учитывать не только политическую ориентацию кандидата на должность (демократ или не демократ), а главное — **профессиональные** качества. Словом, полученные Борисом Николаевичем дополнительные полномочия — уникальные, огромные — накладывают на него и колоссальную ответственность при принятии решений.

— Помнится, подобные же полномочия в свое время, год назад, попросил себе и получил Горбачев... Не усматриваете ли вы некой аналогии с нынешней ситуацией?

— Внешне — вроде бы действительно похоже. Схема, кажется, та же: ситуация не улучшается, принимаемых мер недостаточно, дайте мне новые полномочия, и тогда я... Правда и то, что прежние полномочия, которые были уже у Ельцина, не до конца используются. В этом есть доля истины в устах тех, кто скептически отнесся к просьбе Ельцина. Однако сейчас все-таки ситуа-

ция принципиально отличается: *личность* другая. В отличие от Горбачева российский президент облечен **народным доверием**. Большего авторитета у людей сегодня не имеет ни один из лидеров.

— А какова, как вы считаете, сегодня функция Горбачева?

— Я считаю, его единственная функция сейчас — собирать за одним столом представителей республик. То есть исключительно диспетчерская функция. С течением времени, думаю, он будет иметь все меньше полномочий и все больше будет становиться ненужным. А потом, когда республики, так сказать, переболеют своими суверенитетами, начнут постепенно понимать, что выбраться из этой трясины можно только совместными усилиями, тогда опять потребуется какой-то координатор. Может быть, это будет и не президент. И не Горбачев...

— Тем не менее сегодня союзные структуры работают, трудится сессия «обновленного» Верховного Совета СССР, которого как бы уже не существует... Вы, Алексей Михайлович, помнится, прошлой осенью говорили мне, что ушли из прежнего состава ВС, так как вам обидно тратить там свое время, которое вы отрываете от студентов, от науки. А в парламенте только просиживаете без толку, привязаны к кнопке голосования, хотя ни на какие решения все равно не можете повлиять, так как прогрессивных депутатов всего несколько человек. Однако сейчас вот вы вновь в парламенте. Что-нибудь изменилось?

— Меня делегировала сюда Россия. Нынешний «союзный» парламент сформирован на совершенно других, более демократических принципах, не то что раньше. Теперь уже и твой голос имеет значение. Да и состав парламента ныне другой: большинство депутатов, делегированных, например, Россией, придерживаются близких мне демократических взглядов, есть надежда, что и решения будут прогрессивными. Правда... делать ничего мы пока, я считаю, не можем. И уж тем более — принимать законы.

— Чем же тогда заниматься парламенту? Может, вообще зря собрались?

— А знаете, может, и зря! Не вовремя, потому что неподготовленные. Надо срочно сделать перерыв и определить, к т о же в Союзе. Для к о г о наши будущие законы? К т о должен будет их исполнять? А сейчас мы развили бурную деятельность по образованию комиссий и комитетов, выбираем их председателей, спорим, горячимся, ищем какие-то сверхточные формулировки регламента... Я с горечью участвую в этой *бессмысленной* работе. Мы работаем на самих себя, а не на государство. Его же нет... Пока, во всяком случае. Мы точно не знаем, делегируют ли нам республики какую-то роль, сами по себе сидим тут, варимся в собственном соку, изображаем деятельность. Если бы показали по ТВ эту нашу «деятельность» — взрыв был бы еще тот...

— Как вы видите перспективу совместной работы с теми республиками, которые уже вышли или намерены в ближайшее время выйти из Союза?

— Связи с ними должны сохраниться, но исключительно на добровольной экономической основе, т.е. в хозяйственной сфере. Какими бы трижды самостоятельными эти республики ни были, всем должно быть ясно — связи экономические должны быть. В самом деле, нельзя же сейчас поступить так же варварски, как в свое время, помните, Горбачев и Рыжков поступили с Литвой, провозгласившей 11 марта свой суверенитет. Им тут же было перекрыто все энергоснабжение из центра — нефть, газ и т.д. Покрутитесь, дескать, теперь!.. Но это же дикость!

— Как вы в этой связи относитесь к словам Горбачева, сказанным на открытии сессии: если, мол, республики выйдут из Союза, то расчеты с ними будут производиться по другим уже, мировым ценам, то есть во много раз большим, чем с теми, кто в Союзе остается?

— С этим вряд ли можно согласиться, хотя такая постановка вопроса несколько лучше той, какая была после 11 марта прошлого года по отношению к Литве. Но это тоже нецивилизованная с экономической точки зрения позиция нашего президента. Если бы та или иная наша республика с а м а выбирала себе специализацию, она работала бы с учетом спроса мирового рынка, допустим, не справляясь со взятыми на себя обязательствами, отвечала бы перед этим рынком, то есть перед своими заказчиками и потребителями своей продукции, но отвечала бы с а м а. Но мы же, центр, специализировали все республики «сверху», приказным порядком, искусственно делали их монополистами, не спрашивая их желания. Для нас никакие цены не имели значения, верно? Тем более — мировые цены. Их мы вообще не принимали в расчет. Значит, сначала изуродовали экономику республик, чрезвычайно монополизировав ее, а теперь мы им говорим: раз вы — самостоятельные государства, идите на мировой рынок... А с чем же, скажите на милость, они пойдут-то? На мировом рынке их продукция (да еще с советским-то качеством!), может быть, абсолютно никому не нужна. Поэтому сразу в этот процесс войти невозможно. Нужен, повторюсь, цивилизованный переходный период. Понимаете, мы *механически* переносим принципы чистой рыночной экономики стран, где она развивалась естественным путем, на наши условия, при которых люди в течение 74 лет были в тюрьме, рабами, а сейчас их вроде освободили, и хотим, чтобы они мгновенно стали полнокровными производителями, как и те, кто развивался все эти годы с в о б о д н о в условиях рынка. Поэтому слова Горбачева есть не только экономическая безграмотность, но они очень опасны и с политической, и с социальной точки зрения.

— А вообще, Алексей Михайлович, кому из лидеров сейчас можно верить?

— Лидерам, я считаю, вообще надо верить с очень большой осторожностью... Нет, я не хочу, конечно, сказать, что все лидеры — заведомые обманщики. Но беда их (а значит, и наша с вами), в том, что частенько наши лидеры некомпетентны в решении многих вопросов. Они ведь нас, весь народ, пытаются то и дело питать всевозможными программами, в которых сами... не разбираются. И в то же время не решают самых элементарных вопросов, лежащих буквально на поверхности. А сам я верю не столько лидерам, сколько в здравый смысл. А это как раз то, о чем я говорил: согласие, консолидация на экономической, то есть **взаимовыгодной** основе. И это не просто красивые слова. Это правда, от которой нам никуда не деться, раньше или позже мы к ней придем.

— Лучше бы раньше...

— Лучше бы.

Григорий КРОШИН

Академик Николай ПЕТРАКОВ:

НОВАЯ РЕФОРМА — ЭТО СВЕТ НЕ В ТУННЕЛЕ, А В ЛАБИРИНТЕ

— Выбор сделан, программа экономической реформы России обнародована. Мы ее услышали в сжатой, тезисной форме. Вероятно, поэтому едва ли не каждый раздел вызывает массу вопросов. Взять хотя бы цены. Как будет выглядеть эта самая либерализация на практике? С одной стороны, нам обещают свободные цены, с другой — существуют какие-то новые прейскуранты, согласно которым бананы стоят 30 рублей кг, масло — 40, вареная колбаса — 80... Возможны ли свободные цены при абсолютном дефиците продуктов и товаров? Кто будет определять их стоимость? Рынок? Но введение сумасшедших расценок еще не означает его появление.

— Вопросы справедливые и лично у меня, экономиста-рыночника, тоже возникают. Свободные цены работают эффективно только в условиях конкуренции. Конкуренции нет. При каких условиях она может появиться? Если есть товаропроизводители — не монополисты. У нас все супермонополизировано. Наконец, у продуктов и товаров должен быть хозяин-частник, который назначает цены. И этого нет. Хозяином и товаров, и продуктов по-прежнему является государство. Теперь Российское. Следовательно, оно и установит новые «свободные» цены.

— В чем же тогда отличие от последнего, павловского повышения цен?

— Рискну утверждать, что... ни в чем.

— Разве массовая приватизация, земельная реформа не станут условиями для возникновения свободных цен?

— Могут стать. Но приватизацию нельзя, подобно разовому раскрепощению цен, провести одним указом. Нужно время. Несколько месяцев, реальнее — даже лет. Аграрная реформа тоже требует времени. А в ней, мягко говоря, еще конь не валялся. Многие вопросы собственности в принципе не решены. Например, до сих пор неясно — как быть с крупными предприятиями? Да и оттого, что мы приватизируем КамАЗ или ВАЗ, монополизм не исчезнет. Нужно еще с десяток таких заводов. Все это означает, что никаких нормальных рыночных цен в данных условиях быть не может. Могут быть только высокие цены.

— Полагаете, популизм преобладает над здравым смыслом?

— Популизм — это подыгрывание публике. В программе, на мой взгляд, никакого подыгрывания нет. Публика не просто обеспокоена, она в панике.

— У публики есть опыт. Экс-премьер Н.Рыжков объявил о повышении цен за девять месяцев, и потребительский рынок был разрушен до основания. Рыжкова беспощадно критиковали. Теперь, в сущности, происходит то же самое... А критиковать язык не поворачивается. Президент России берет на себя колоссальную ответственность и в отличие от предыдущих — партийных реформаторов — действительно хочет добра своему народу.

— Идеи вроде либерализации цен в данных условиях — это затмение недоучившихся экономистов-либералов! Представьте самую простую житейскую ситуацию. В магазин привезли тонну картошки и установили на нее свободную цену — 100 рублей за килограмм. Заметьте, при этом совершенно не ясно — кто установил цену: колхоз, овощная база, директор магазина или трудовой коллектив соседнего жэка. Продали полтонны, получили сверхприбыль, остальные полтонны сгноили. Ведь настоящего хозяина у картошки нет и программа не предусматривает его появление.

— Но ведь заработки продавца могут напрямую зависеть от количества проданной картошки. Тогда все нормализуется: хлеб не будет черстветь, овощи — гнить, мясо — тухнуть на прилавках...

— Будут. Прежде всего потому, что в голодном городе проще увеличить на товар цену и, не напрягаясь, иметь ту же выручку. Во-вторых, вырученные деньги некуда вложить. Что с прибылью-то делать? Открыть свой, частный магазин. Но ЧАСТНОЙ СОБСТВЕННОСТИ У НАС НЕТ. Может, купить пару туфель в коммерческом магазине? Прибыль имеет смысл, когда есть возможность вложить ее во что-то надежное, скажем, расширять производство, ожидать новых доходов. Даже имея деньги, по-прежнему невероятно сложно завести собственное дело. Люди, пытавшиеся это сделать, рассказывают, какой жуткий натиск коррумпированного аппарата приходится выдерживать, сколько взяток раздавать.

— По-моему, Николай Яковлевич, вы субъективно относитесь к радикальной реформе. А ведь в ней в отличие от предыдущих программ предусмотрена социальная защита населения от резкого вздорожания. В частности, будет введена индексация доходов.

— Да, печатный станок придется использовать еще интенсивнее. Существует простая экономическая логика. Чтобы сбалансировать спрос и предложение, нужно иметь фиксированное количество денег.

Если деньги все время подпечатывать, равновесия не наступит. При Рыжкове стояли в очереди за двухрублевым мясом, при Павлове — за семирублевым...

— Зато теперь, по крайней мере в Москве, не стоят — мясо кончилось... Но вернемся к индексации. Вы полагаете, средства для нее будут получены только за счет печатного станка? Если так, то начнется гиперинфляция. Доходы тех, кто работает, и тех, кто получает социальные пособия, сравняются. Работать вообще будет незачем. Но в программе-то предложен иной путь — отыскать финансы за счет создания налоговой службы. И тогда средства для индексации будут перераспределяться — от более обеспеченных к менее обеспеченным. Так устроено во всем мире.

— Можно создать налоговую службу, но пока ничего подобного не создано. В проекте не существует. Для нас радикальная реформа почему-то означает — идти напролом. На самом деле радикальная — значит, быстрая реформа, но выполненная очень тонкими, аккуратными способами. Не топором, а скальпелем. Достаточно проанализировать послевоенные реформы Японии, Германии. На нюансах играли, детали учитывали...

— Простите, Николай Яковлевич, но критики всегда в более выгодном положении. Отвергать проще, чем предлагать. Вы лично что можете предложить?

— Во-первых, провел бы земельную реформу. Появились бы продукты, спало бы социальное напряжение, можно было бы на спокойных тонах вести разговор о подлинной либерализации цен. В России есть комитет государственного имущества. Его задача — проводить цивилизованным способом передачу государственной собственности в чьи-то руки. Желательно, в частные. (Так что вслед за земельной реформой в срочном порядке принял бы закон о частной собственности.) Существует и антимонопольный комитет. Он призван следить, чтобы проходила демонополизация. Ведь приватизировать все и вся — не самоцель. Главная задача — создать конкуренцию. Допустим, приватизация проведена и антимонопольный комитет после анализа ситуации сделал заключение: в такой-то сфере созданы условия для конкуренции. Тогда можно отпустить цены, и только тогда они будут свободными рыночными. Механизм годится для любой отрасли. Приватизированы булочные, пекарни, фермеры сдают хлеб государству, пожалуйста, по заключению все того же антимонопольного комитета можно отпускать цены и на хлеб.

— Но как все это проводить в современных условиях: строить пекарни, открывать новые булочные? Время нужно!

— Значит, надо честно сказать людям: в подавляющем большинстве отраслей мы можем получить конкуренцию только через десять лет. Не раньше. Значит, через столько же лет будут реальные рыночные цены. Пройдет земельная реформа, введем свободные цены на молоко, масло, творог, сметану, мясо. А нынче этот крестьянский союз имени Стародубцева все прогрессивные решения заблокирует.

Мы начали разговор с цен, а для становления рыночных отношений прежде всего необходимы деньги, которые что-то значат. По моим расчетам, чтобы русский крестьянин добровольно сдал государству тонну зерна — за нее достаточно предложить импортных товаров на пятьдесят долларов. Это — телевизоры, холодильники, техника, одежда... Мы же предлагаем рубли или почти ничем не обеспеченные чеки. И закупаем зерно у канадского фермера за 200 долларов за тонну. Проще говоря, продаем нефть, а ведь ее, как зерно, не вырастишь. Валюту тратим на зерно, а родному крестьянину стимулов для сдачи зерна в родные закрома не создаем. Были, правда, как-то обещаны какие-то товары под урожай—90, но ведь надувательство чистой воды вышло. Не надо выделять из бюджета валюту для закупки зерна. Надо заплатить ею в той или иной форме своему фермеру, колхознику. Четырехкратная экономия получится, вдобавок выработаем стимулы — сдать продукт государству. Так же можно поступить с мясом, картошкой, маслом...

— Но хочется ведь, чтобы было так, как сказано в программной речи: «...хуже будет всем примерно полгода, затем — снижение цен, наполнение потребительского рынка товарами, а к осени 1992 года — стабилизация экономики, постепенное улучшение жизни людей»...

— Не знаю, предупредили ли Б.Ельцина, что фраза почти дословно списана с программы Бальцеровича, автора «польского экономического чуда». Правда, когда ее произносил Бальцерович, он знал — реформа будет опираться на частный производственный сектор, который в Польше был всегда, на конкуренцию мелких предприятий, которая тоже была, наконец на частную торговлю. Ее тоже не было нужды создавать. На мой взгляд, отдельные разделы программы не что иное, как политические декларации на экономическую тему.

— Иначе говоря, вы видите иные перспективы в ближайшем будущем?

— Мне очень не хочется, чтобы мой прогноз оправдался, но к осени 1992 года расплачиваться мы будем миллионными купюрами, на улицах будут стоять полевые котлы, наполненные бесплатной кашей, об индексации никто не вспомнит. Самым ценным будет — прикрепиться к какой-нибудь столовой, где кормят сытнее. А в деревнях начнется настоящая продразверстка — с демократами во главе.

— Это и будет, по-вашему, необольшевизм?

— По крайней мере его главные черты уже сегодня налицо — неуважение к профессионалам и безудержный, демагогический экстремизм. Нас ожидает что-то вроде военного демократизма.

— Жизнь, как известно, опровергает любые прогнозы: и мрачные, и оптимистические. Особенно в России. Мне кажется, изменить ситуацию к лучшему может приток иностранного капитала. А для этого, согласно программе, условия созданы.

— С какой стати иностранцы захотят вкладывать в Россию свой капитал?! Есть по крайней мере две причины, препятствующие массовому притоку инвестиций. Политическая нестабильность в обществе и полное отсутствие законов, охраняющих эти самые инвестиции. Кто может дать гарантии, что какой-нибудь новый чиновник не отменит решение предыдущего? Один позволит открыть иностранцу кафе, другой — через год запретит. До сих пор неясно — как поступать иностранцам с заработанными рублями. Официально конвертируемости нет, надо прибегать к услугам теневых бизнесменов. Не каждый зарубежный инвестор стремится к такой, полной неожиданностей и приключений советской жизни.

— Представитель германской фирмы «Пума» в Москве рассказывал, что его фирма могла бы по вполне приемлемым ценам торговать в столице за рубли спортивной одеждой. Но загвоздка в следующем — за рубли практически ничего нельзя купить иностранцам.

— Пример частный, но показательный. Почему до сих пор не отменены, казалось бы, мелкие ограничения, которые влияют на экономику в целом?

Мне кажется, Б.Ельцину надо делать ставку на профессиональных экономистов-рыночников, таких, как Е.Гайдар и А.Шохин. Реформу вообще должны проводить экономисты, а не политики. Граф Витте, премьер России, получил доверие и полномочия от императора Николая II и блестяще осуществил денежную реформу. У нас, похоже, император сам собирается проводить реформу.

— Вас приглашали в Совмин РСФСР, хотя бы оппонентом?

— Нет.

— Видимо, из-за того, что вы человек М.Горбачева?

— Отчасти поэтому.

— Скажите, а чем занимается Политический консультативный совет при президенте СССР? Ведь вы состоите в нем?

— Состою. Мы представляем что-то вроде клуба мудрецов. Президент нас выслушивает, мы высказываем ему малоприятные вещи...

— А потом?

— А дальше он говорит: «Спасибо. До свидания». Все расходятся. Республики же, особенно в период преобразований, не в состоянии так легко разойтись.

— Реформа в России неотделима от других республик. Например, Украина уже опасается, что либерализация цен в России разрушит ее колбасный рай. Другие тоже чем-то встревожены. Любая экономическая программа любой республики должна учитывать основной принцип — придется шагать в ногу. Если объявлена, например, реформа российских финансов, то все вынуждены на это пойти. Либо искать в спешном порядке цивилизованный выход из рублевой зоны.

— Итак, программа есть, а пути ее проведения пока неясны. Значит, нет света в конце туннеля?

Он появился. Правда, не в конце туннеля, а просто в лабиринте.

Елена КОЛЕСНИКОВА

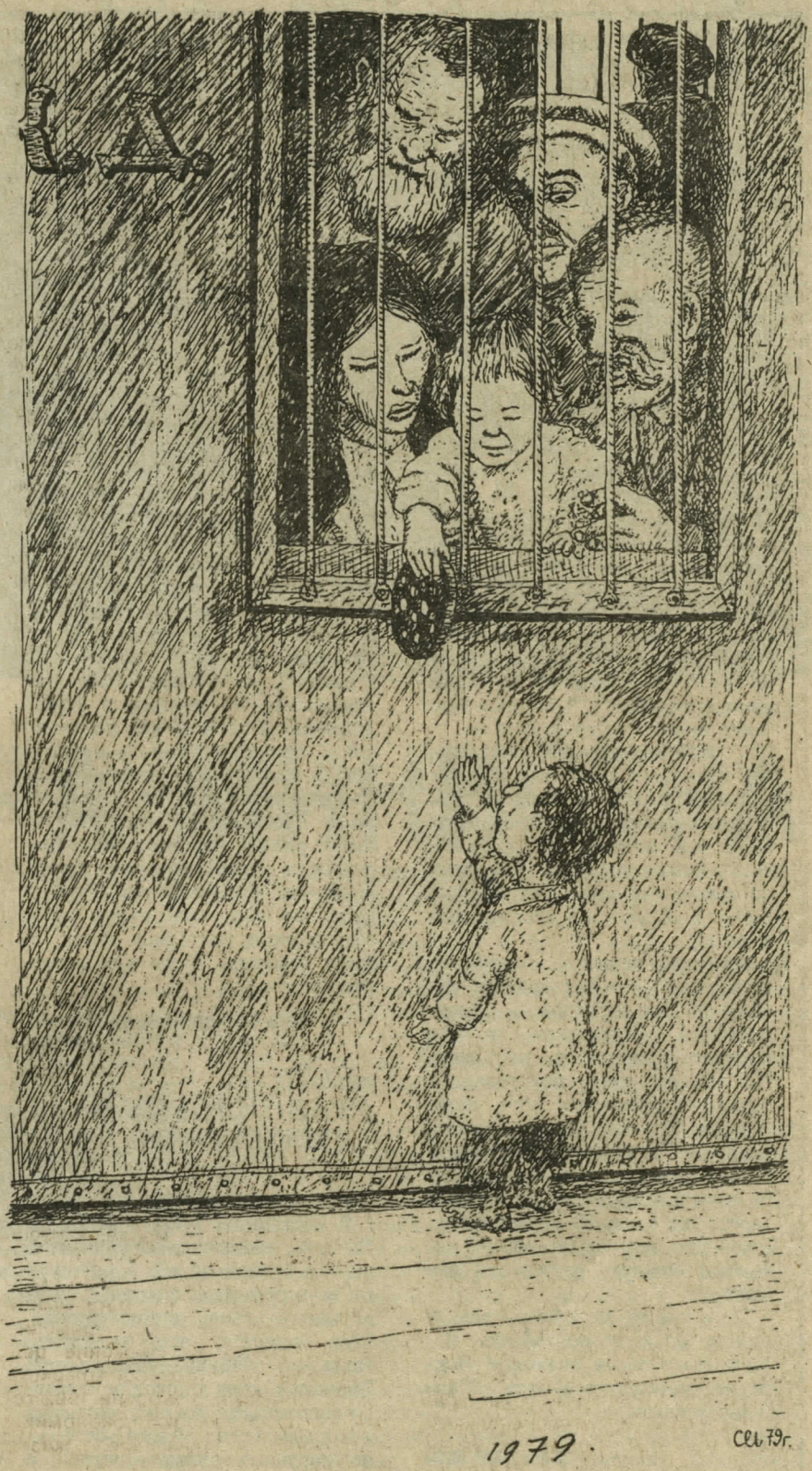


Рис. В.Сысоева

СУГУБО ЛИЧНОЕ ВОСПРИЯТИЕ

Решил высказать вам свои замечания сугубо личного восприятия содержания «Столицы».

1. Еженедельник назван «Столица», а, по сути, ему эта столица до лампочки. Получается, проблемы девятимиллионного города журналу безразличны. Все внимание — словоблудию о высоких материях — демократии и т.п. К образцам бестолкового словоблудия можно отнести статью Т.Толстой в № 33. Да, она, по моему сугубо личному пониманию, журналистка, здорово пишущая — красиво, остроумно, едко, литературно и т.п. (Бог, как говорится, дал ей перо), но совершенно бесцельно. Вот и здесь — «все и вся», и свое, и американское поругала (все у нее дураки, кроме ее самой), все не так, и чистосердечно закончила, что сама не знает, что делать. Ну на какой лях это печатать?! В «людях» про такое говорят: «Дурью мается».

2. Обидно бывает смотреть, как в киосках лежат невостребованными номера «Столицы». Так и хочется сказать: «Ну возьмите! Неплохой журнал, не пожалеете...» Однако и покупателя можно понять — а зачем ему этот дегенерат на лицевой стороне номера 34?

Редакция, вероятно, близко не подпускает к «Арт-салону» художника с нормальным восприятием окружающего и его воспроизведением в искусстве. Но это же явная патология — только авангардизм или иные «измы». Избави Бог их ругать, охаивать! У каждого свое восприятие. Но нельзя же только одно — какие-то линии, краски, завитушки и т.п. Да у меня внуки (особенно внучка) не менее интересно «пишут», разумеется, для меня.

Пожалуйста, не обижайтесь. Я никого не хочу оскорблять. Если что не так — извините! Искренне хочется пожелать «Столице» успехов.

ЦЫГАНОВ В.В.

ИМ ЕСТЬ О ЧЕМ РАССКАЗАТЬ

У меня к вам две просьбы.

Первая — поместите, пожалуйста, в одном из номеров журнала фотографию-портрет (желательно цветной) Игоря Талькова с его биографическими данными и ноты с текстом песни «Я вернусь». Он достоин того, чтобы уделить ему несколько страниц.

Вторая просьба — публикуйте почаще материалы о суде, о прокуратуре и милиции, ведь это три столпа, на которых должно держаться государство и общество. Насколько здоровы будут эти три ведомства, настолько будут здоровы государство и общество. И пусть в этих материалах будут интервью не только с «боссами» (ведь они, в массе своей, прогнили, и их единственная цель — удержаться в кресле), но и с рядовыми сотрудниками, их мнения и предложения. А то ведь как получается — берут интервью у министров, депутатов, начальников, специалистов из НИИ, а мнением и пожеланиями тех, кто на своих плечах все постановления, статьи и указы выносит, почему-то не интересуются. Другое дело, что надо уметь найти таких сотрудников, которые могут и будут говорить. А им есть о чем рассказать.

Ваш читатель, милиционер Б.КРАТ

«НЕТ!» — УРАВНИЛОВКЕ В ПСИХИАТРИИ

Уважаемые господа!

Я состою на учете в ПНД-17. Вы мне, наверное, не поверите, но там буквально все — начиная от гардеробщицы и кончая главврачом — очень хорошие люди. Мне кажется, что «команда» главврача Ирины Николаевны Зинченко этим нарушила советско-соловецкие законы, согласно которым врач обязан безбожно нарушать права человека, а делать вид, что у нас с ними «лучше всех во Вселенной».

И, кстати, хорошо было бы, если в психиатрии пресечь «уравниловку» и врачам типа «команды Зинченко» повысить зарплату.

А.В.

НАДЕЕМСЯ! А ВДРУГ?..

Сын мечтает о видеомагнитофоне, да и я сама очень люблю смотреть эти фильмы, а тут еще телевизор вышел из строя, не работает совсем.

Посоветовались с сыном и решили: не будем покупать ему в этом году ботинки, а подпишемся на «Столицу» с ее лотереей. А вдруг? Хотя в жизни никогда не везло. А вдруг повезет и нам улыбнется хоть чуточку удачи!

Будем надеяться!

Софья Ивановна и Дима ОРЛОВЫ

УЖ ЛУЧШЕ ПОДПИСАТЬСЯ

Уважаемая редакция, честно признаемся, что не собирались оформлять годовую подписку, так как почта крайне нерегулярно доставляет ваш журнал (выписывали в I квартале 1991 года): недели две ничего не получаем, а потом сразу 2—3 номера чуть ли не в один день. И никакие лотереи нас не прельщали. Обычно покупали журнал в метро у распространителей (несколько месяцев назад даже без 5—10 копеек сверху) или в киосках «Союзпечати». Но потом началось: 1.05, 1.10, 1.20, 1.30 (это еще когда журнал стоил 1 рубль), 1.50 (когда цена возросла до 1 руб. 30 коп.) — и вдруг на днях у метро «Сходненская» (даже не в центре и не на вокзале, что удивительно) — 2 рубля! Тут уже дело принципа: если бы эти деньги шли людям, которые делают журнал, а так... Короче, мы решились на годовую подписку.

Желаем успехов.

Семья РЫБАКОВЫХ

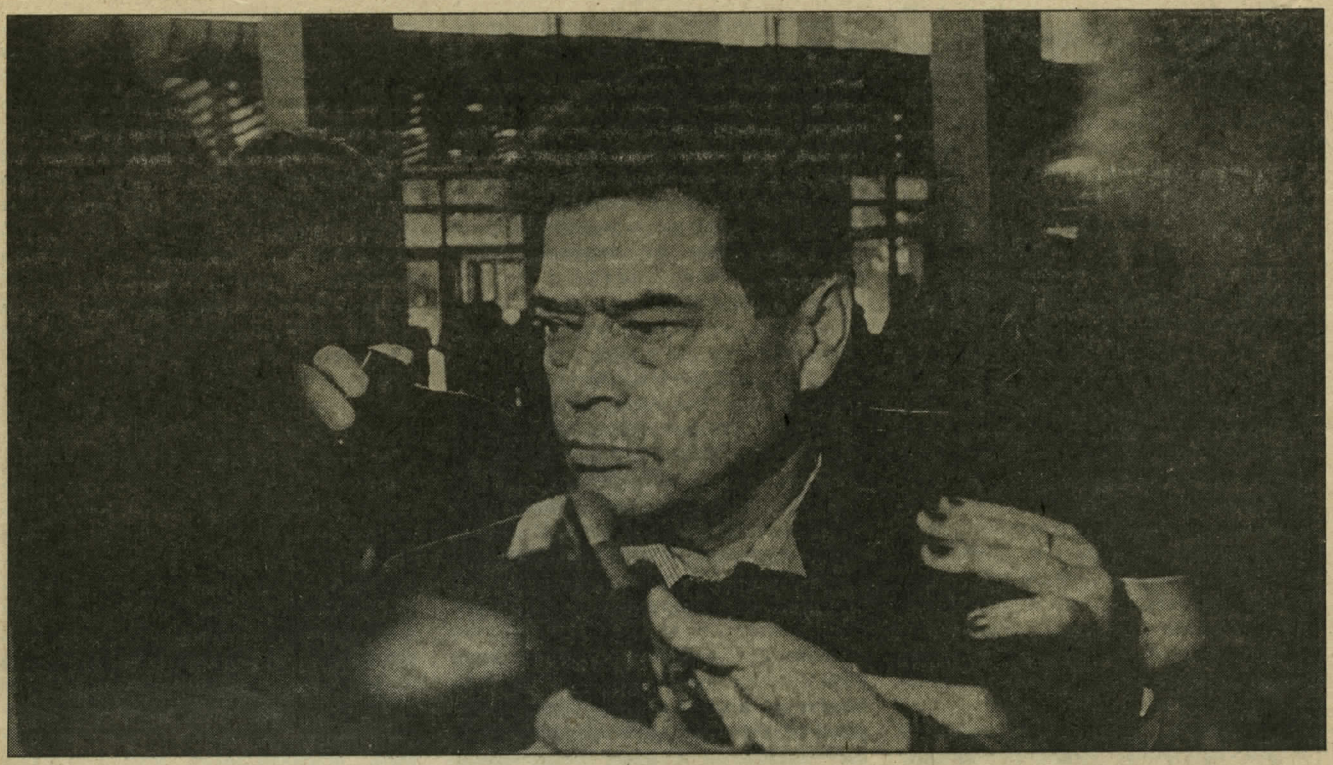


Фото В.Ахломова

КАРЬЕРА МИНИСТРА

Назначение Бориса Панкина министром иностранных дел СССР для многих было неожиданным. В отличие от своих предшественников он не был профессиональным дипломатом (как А.Бессмертных) и не состоял в политическом руководстве страны (как Э.Шеварднадзе). В шестидесятые годы Борис Дмитриевич Панкин был главным редактором «Комсомольской правды». Затем, когда в 1973 г. образовали Всесоюзное агентство по авторским правам (ВААП), возглавил это ведомство. В последние годы был сначала послом СССР в Швеции, а затем послом в Чехо-Словакии. В дни путча не поддержал ГКЧП, что получило большой международный резонанс и в результате уже 28 августа вознесло его на вершину советского внешнеполитического ведомства.

Что к этому добавить? Президент ЧСФР В.Гавел, симпатизировавший Б.Панкину, подчеркивал, что оба они по первой, так сказать, профессии — писатели. Действительно, с 1970 года Борис Панкин — член СП СССР. Принят он туда был как автор очерков о шахтерах (в соавторстве с В.Чивилихиным), обзора писем, пришедших в «Комсомольскую правду» (в соавторстве с В.Чикиным) и собственной брошюры «Мы — в лагере добра», вышедшей в «Библиотеке «Огонька».

Мы хотим добавить к биографии Бориса Панкина несколько штрихов, относящихся к разным периодам его карьеры, и для этого публикуем три документа. Первый — знаменитая статья «Куда ведет хлестаковщина», опубликованная в «Комсомольской правде» 30 марта 1963 года и вскоре вышедшая массовым тиражом отдельной брошюрой. Под статьей, положившей начало многолетним преследованиям Евгения Евтушенко за его «Автобиографию», стоят три подписи: кроме Б.Панкина ее подписали В.Чикин (нынешний главный редактор «Советской России») и Гр.Оганов (последние годы — политический обозреватель газеты «Советская культура»). Именно это санкционированное Политбюро выступление стало началом карьеры каждого из трех авторов. Во всяком случае, главным редактором «Комсомолки» Панкин стал именно после этой акции.

Второй документ — открытое письмо Владимира Войновича Б.Панкину, написанное в связи с образованием ВААП в 1974 г. В тот период участились случаи опубликования за границей книг писателей-диссидентов, которые затем читались по «голосам» и имели широкое хождение в стране в виде самиздата. ВААП, по замыслу властей, был призван «упорядочить», а точнее, приостановить утечку нежелательных рукописей за рубеж. Во главе этого дела и был поставлен Борис Панкин.

Третий документ — статья, появившаяся в августе 1990 г. в чехо-словацком еженедельнике «Респект». Статья была опубликована вскоре после назначения Панкина послом в Чехо-Словакию и, поскольку в определенном смысле компрометировала его, чуть не стала причиной осложнения чехо-словацко-советских отношений. По каналам ТАСС факты, изложенные в статье, опровергались. Руководство ЧСФР, извинившись перед Панкиным, дело замяло.

Из статьи Г.ОГАНОВА, Б.ПАНКИНА, В.ЧИКИНА

«КУДА ВЕДЕТ ХЛЕСТАКОВЩИНА»

Теперь истории литературы известны две автобиографии поэта Евгения Евтушенко. Одна из них написана для Союза писателей, другая — для парижского еженедельника «Экспресс».

...Хозяева «Экспресс» многозначительно предупреждают: «Перепечатка, даже частичная, строго запрещена без предварительной договоренности с «Экспресс». Мы вынуждены пренебречь этим предупреждением...

Евтушенко... разъясняет: «Революция принесла русскому народу много **новых тяжестей** и много **новых слез**. Это правда».

Правда или кощунство?! — первое, что хочется крикнуть, прочтя эти строки. Но, может быть, оговорка? Нет, послушайте дальше...

«Русский народ... работал с ожесточением, чтобы грохот машин, тракторов и бульдозеров заглушал стоны и рыдания, прорывавшиеся из-за колючей проволоки сибирских концлагерей...»

Если бы весь этот вздор был опубликован в нашей стране, то любой успевающий школьник уличил бы автора. Но «исповедь» опубликована в капиталистической стране, в реакционном буржуазном журнале, она написана для читателя, имеющего весьма смутное представление о нашем обществе, его истории и проблемах. Этот читатель может легко принять глупости за откровение, позерство за искренность.

Полуправда опаснее лжи. Солжет тот, кто скажет, что путь революции был устлан розами, кто умолчит об испытаниях и жертвах, принесенных народом во имя великой цели, кто закроет глаза на трагедии времен культа личности. Но трижды солжет тот, кто скажет, что не было ничего, кроме страданий, кто попытается вычеркнуть из памяти все то, что завоевано, построено, взращено на земле социализма.

Нет, недалеко ушел автор «исповеди» в своих рассуждениях от того, что ежедневно преподносит западному читателю реакционная пропаганда, пытающаяся набросить тень на все, чем живет, чем гордится и во что верит советский народ. Между тем сам Евтушенко нимало не сомневается в том, что каждое его слово — откровение, и откровение пророческое...

«Духовная жизнь народа была низведена до уровня описания различных аспектов труда. Так сталь превратилась в главного героя многочисленных романов... Живые существа играли вспомогательную роль в этих романах. Впрочем, они и не были живыми существами...»

Не были? А разве не вечно живыми останутся для советских людей герои литературы, учившие нас закалять сталь характеров, идти и побеждать на дорогах труда и борьбы!..

Конечно, были халтурщики, конъюнктурщики, временщики. Но зачем же делать вид, что они определяли развитие нашей литературы?

Зачем прикидываться слепым, уверяя буржуазную публику, будто из всей литературы тех лет доброго слова заслуживают лишь три-четыре имени?..

Признаемся, нам казалось, что дальше, как говорится, некуда... Но не успели мы дочитать до конца в «Экспресс» последней порции этой беспардонной стряпни, как почта принесла новый сюрприз. Оказывается, Евтушенко пророчествует и со страниц западногерманской «Ди цайт».

То, что напечатано в газете «Ди цайт» за подписью Е.Евтушенко, претендует на своеобразное философское (да простят нас философы) приложение к своей многословной автобиографии. Глубокомысленные сентенции, разбросанные в «исповеди» там и сям, здесь собраны в тугой и пахучий букет. Автор с бесшабашной категоричностью рассуждает о проблемах века и диктует человечеству свои рецепты...

Только раз Евтушенко набрался духу, чтобы робко посетовать на двух с половиной строчках: «Когда я ехал из Гамбурга в Бонн, то видел на дороге то тут, то там движущиеся танки, из башен которых выглядывали совсем юные лица».

Но тут же спохватившись, наш путешественник извиняется: «Я не хочу становиться в позу однобокого, ограниченного демагога-обличителя... Я убежден в том, что **любой** немец, который бы в моей стране на своем пути увидел танки, также не испытал бы особой радости».

Да, гитлеровцы в свое время не испытывали «особой радости» при встрече с советскими танками, а народы Европы встречали эти танки-освободители цветами и слезами радости. И вместо того чтобы извиняться перед реваншистами, лучше бы задумался Евтушенко о том, как оскорбителен и демагогичен по своей сути его кокетливый «объективизм», которым он щеголяет перед буржуазной публикой.

В этом ли традиция Маяковского, последователем которого называет себя Евтушенко? «У советских собственная гордость: на буржуев смотрим свысока...» — писал Маяковский, повсюду чувствовавший себя полпредом Страны Советов и всегда получавший от народа самые высокие полномочия. Но на какие полномочия нашего народа, советской молодежи может рассчитывать поэт, который, стремясь сорвать сомнительные аплодисменты, упражняется в благоглупостях и находит себе исповедальни в буржуазных еженедельниках?!

...В свое время краткую, но исчерпывающую оценку подобной болтовне дал Владимир Ильич Ленин: **«Кто... говорит о НЕ-классовой политике и о НЕ-классовом социализме, того стоит просто посадить в клетку и показывать рядом с каким-нибудь австралийским кенгуру...»**

Видимо, до сих пор Евтушенко не дал себе труда хоть сколько-нибудь серьезно разобраться во всем происшедшем. Выступая на IV пленуме правления Союза писателей СССР, он как будто бы и не скупился на громкие слова, называя «позорным легкомыслием» факт своего сотрудничества в реакционной буржуазной прессе. Однако из этой его речи явствует, что он не осознал всей глубины своих ошибок...

Гневно говорили на пленуме ССП советские писатели о позорном поступке Е.Евтушенко, о политической хлестаковщине, гражданской безответственности, замешанных на дрожжах самовозвеличения.

Пора ему наконец посмотреть правде в глаза и увидеть, как выглядит в действительности все его поведение. Ведь это — вихляние легкомысленной рыбки, уже клюнувшей

на червячка западной пропаганды, но еще не почувствовавшей острия и воображающей, что она изумляет обитателей океана грациозной смелостью своих телодвижений. А удильщикам из буржуазных газет и журналов уже не терпится насладиться добычей. Издатели «Экспресс», еще не успев опубликовать последних страниц «исповеди» этого рано созревшего человека, уже напечатали «Послесловие», где, приятельски похлопывая Евтушенко по спине, благодарят и улюлюкают, подбадривают и науськивают...

Мы не хотим усматривать в поступке Е.Евтушенко злой умысел. Но он должен понять: есть предел всему, в том числе и состоянию политической инфантильности. Он должен понять: нельзя без конца падать, а потом подыматься, отряхиваться и делать вид, будто ничего не произошло. Можно в конце концов набить себе такой синяк, что он останется навсегда несмываемым родимым пятном.

1963 г.

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО ПРЕДСЕДАТЕЛЮ ВААП

т. Б.Д.Панкину в ответ на его интервью, опубликованное «Литературной газетой» 26 сентября 1973 года

УВАЖАЕМЫЙ БОРИС ДМИТРИЕВИЧ!

Правду сказать, до появления в газете Вашего интервью я волновался, не понимая, в чем дело. Вдруг какой-то совет учредителей создал какое-то агентство по охране каких-то авторских прав.

Для чего?

Авторские права внутри нашей страны порою своеобразно, но все-таки охранялись и раньше. А за рубежом...

Именно это меня всегда волновало. Кто, думал я, больше всего может беспокоиться об охране своих авторских прав за рубежом? Вероятнее всего, те, кто больше других там издается. Например, А.Солженицын, В.Максимов, академик А.Сахаров и прочие так называемые диссиденты, извините за модное слово. Было бы естественно предположить, что именно они и вошли в совет учредителей. Но, узнав, что председателем совета избран товарищ Стукалин, я сразу отмел это предположение. Нет, сказал я себе самому, товарищ Стукалин такой совет никогда не согласится возглавить.

Ваше интервью кое-что прояснило, а кое-что еще больше запутало. С одной стороны, конечно, приятно, что в совет учредителей от писательской общественности вошли такие крупные творческие индивидуальности, как Г.Марков, Ю.Верченко, С.Сартаков и т.д. С другой стороны, непонятно, почему именно они больше других заботятся об охране авторских прав? Ведь на их авторские права за пределами нашего отечества, думается, никто особенно не посягает.

Мне приходили в голову самые нелепые мысли. Я даже подумал, что, может быть, пока я не следил за творчеством этих писателей, они создали небывалые по силе шедевры, над которыми нависла угроза попасть в Самиздат, в «Посев» или, например, к Галлимару. А может быть, они бросились на защиту чужих авторских прав из чистого альтруизма?

Я попытался уяснить себе цели агентства, которое указанные товарищи учредили, а Вы возглавили.

В своем интервью Вы говорите, что деятельность Вашего агентства будет направлена на «усиление обмена подлинными достижениями в различных сферах человеческого духа». Слово «подлинными» подчеркнуто не было, но я его все же заметил. Я подумал, что определять подлинность достижений в сферах человеческого духа — дело довольно сложное. Иногда на это уходили годы, а то и столетия. Надо надеяться, что теперь подлинность достижений будет определяться немедленно.

Кем же? Вашим агентством?

Хотелось бы знать, по каким признакам. Можно ли считать подлинными достижения А.Солженицына? Или теперь подлинными будут считаться достижения товарища Верченко?

В тексте своего интервью Вы справедливо замечаете, что автору того или иного произведения заниматься охраной собственных прав «хлопотно и неэкономично». В подтексте Вы намекаете, что автору станет и вовсе хлопотно, если он, издаваясь за границей, не возьмет в посредники Ваше агентство. В таком случае автор, видимо, считается нарушителем государственной монополии на внешнюю торговлю и автоматически переходит в разряд уголовных преступников.

Это богатая идея. Она таит в себе ряд любопытных возможностей. Например, такую. Передав свое достижение за границу, автор сам становится объектом охраны. Охрану авторских прав вместе с носителем этих прав следует признать самой надежной. В связи с этим, мне кажется, было бы целесообразно возбудить перед компетентными инстанциями ходатайство о передаче в ведение Вашего агентства Лефортовской или Бутырской тюрьмы со штатом охранников и овчарок. Там же можно было бы разместить не только авторов, но и их правопреемников. А поскольку Ваше агентство обещает гражданам государств—участников Всемирной конвенции те же права, что и собственным гражданам, то такую же форму охраны можно было бы распространить и на них.

Меня, однако, смущает следующее обстоятельство. Ваше агентство, судя по всему, является общественной, а не государственной организацией. Но поскольку монополия на внешнюю торговлю принадлежит именно государству, и только ему, то не грозит ли Вашему агентству риск самому быть подвергнутому уголовному преследованию. Если агентство станет объектом охраны, то как оно сможет охранять что-то другое? Над этим, пожалуй, стоит подумать.

И еще одно предложение.

Поскольку Ваше агентство намерено само определять, когда, где и на каких условиях издавать то или иное произведение или не издавать его вовсе, то эта правовая особенность агентства должна, очевидно, отразиться в его названии. Предлагаю впредь именовать его не ВААП, а ВАПАП — Всесоюзное агентство по присвоению авторских прав.

Всего одна лишняя буква на вывеске, а насколько точнее становится смысл!

Развивая это предложение, можно считать естественным присвоение вместе с авторскими правами и самого авторства. В дальнейшем Ваше агентство должно произведения

советских авторов издавать от своего имени и нести ответственность за их идейно-художественное содержание.

Желая внести личный вклад в это интересное начинание, прошу автором данного письма (и, естественно, носителем авторских прав) считать агентство ВАПАП.

Примите мои уверения в совершеннейшем к Вам почтении.

В.ВОЙНОВИЧ

2 октября 1973 г.
Москва

ШВЕДСКИЙ СВЯЗНОЙ

(статья в еженедельнике «Респект»)

Что сказать о новом советском после? «Млада фронта» и «Творба» приветствуют коллегу-журналиста («Творба» — даже товарища). Действительно, он был главным редактором «Комсомольской правды». Выступая по телевидению, председатель комиссии по расследованию событий 1968 года Войтех Менцл дважды отмечал, что благодаря советскому послу для нас открывается возможность сотрудничать с советскими историками. Любопытствующих журналистов интересует, как сойдется литератор Панкин с литератором в Граде. Панкин по образованию филолог. Сменить занятия после редактирования молодежной газеты ему «посоветовал Александр Яковлев, которого сегодня именуют архитектором перестройки. Встав во главе Всесоюзного агентства по охране авторских прав (ВААП), Панкин, к вящему неудовольствию своих начальников, вновь стремился открывать двери в Европу» («Творба»). Говорят, он продавал на Запад рукописи диссидентствующих авторов. В 1982 году стал послом в Швеции, откуда, говорят, писал для советских газет смелые статьи о шведской модели. А теперь срочно переведен в Прагу. «Млада фронта» Панкин признавался, что мимо него не прошли кое-какие странные толки, будто, когда он работал в Стокгольме, на шведском дне завязла одна советская подводная лодка, а кое-кто даже притягивал его имя к убийству Улофа Пальме. «Позднее мне шили еще и то, будто, приехав в Грецию, я посадил премьером советского агента Папандреу... Мне было смешно, а жена в разговоре с журналистами шутила, что приношу домой одну зарплату, хотя получаю, выходит, две...»

Начнем с другого. Греческий коммунист Янис Яникос еще с 1960 года занимался изданием советской литературы. В апреле 1975 года его посетил в Греции заместитель Панкина Василий Романович Ситников. В 1976 году Яникос заключил с ВААП договор о выпуске Большой Советской Энциклопедии на греческом языке. Ситников, который вел переговоры, был готов предоставить финансовую поддержку — но только путем перевода доходов от торговли между Советским Союзом и греческими фирмами, связанными с издательством Яникоса. Когда прежний партнер Яникоса отверг это предложение, быстро объявился новый: финансист Георг Боболас. В течение 1978 года Яникос и Боболас заключили несколько соглашений, из которых следовало, что 30 процентов дохода от торговли их фирм с Советским Союзом они будут делить поровну, а остальные 70 процентов пойдут на финансирование их изданий. По договору с ВААП на долю советской стороны приходилось 8 процентов выручки от продажи энциклопедии. Однако, как было установлено, эти 8 процентов никогда не выплачивались. В июне 1978 года Яникос с Боболасом и другими греками побывали в Москве, встречались с заведующим отделом пропаганды ЦК КПСС Борисом Стукалиным, Константином Черненко, Ситниковым, а также Борисом Панкиным. В августе Боболас пригласил прогуляться на яхте советского посла в Афинах Ивана Дачева и пресс-атташе посольства Евгения Чистякова, который позднее, в 1980 году, был выслан властями, уличившими его в попытке завладеть секретными документами из здания командования греческим ВМФ. (Кстати, предыдущий посол в Афинах Иван Удальцов был раскрыт греческой печатью как агент КГБ. Удальцов сыграл знаменательную роль в подготовке вторжения в Чехословакию в августе 1968 года.) Яникоса на ту прогулку не пригласили. А вскоре Боболас начал вытеснять его из дела. Яникос обратился за помощью к Ситникову, но тот отказался вмешиваться. Яникос отступил, оставив Боболасу свои акции. Боболас принялся развивать торговлю с Советским Союзом. Крупнейшие проекты — советское участие в расширении греческого военного завода и продажа советских градобойных ракет, — правда, не осуществились, но выгода сохранилась. В марте 1980 года по случаю выхода 17-го тома Советской энциклопедии с визитом в Афины прибыл Борис Панкин. Встречаться с зачинателем издания Яникосом он не стал. Зато общался с финансистом Боболасом. Издательство продолжало выпуск энциклопедии и других книг — например, о борьбе за мир Леонида Брежнева. Боболас расширял круг сотрудников, приглашая имевших опыт не столько в издательском деле, сколько в журналистике. А в сентябре 1981 года начал издавать ежедневную газету «Этнос». Появлению этой броской новинки предшествовала крупнейшая рекламная кампания, которую когда-либо видели в Греции. Как говорил Яникос, по содержанию и оформлению она явно повторяла газету, издавать которую он предлагал советским партнерам в 1979 году. Все это время Яникос продолжал судиться с Боболасом, тогда как новой газете скандалы были вовсе ни к чему. Поэтому Ситников, который с 1978 года контактов с Яникосом не поддерживал, теперь попытался организовать примирительную встречу в Москве. Яникос приехать отказался. В мае 1982 года Ситников лично отправился в Афины. В течение восьми дней он по отдельности совещался с Яникосом и Боболасом. Яникос горько напоминал Ситникову, что за дело коммунизма он сидел в тюрьме и ему угрожала смертная казнь, а вот теперь на глазах Советов его предприятие прибирает к рукам капиталист Боболас. Но Ситников, хотя и отдал должное его заслугам, остался непреклонным. По свидетельству сына Яникоса, он сказал: «Не забывайте, что теперь «Этнос» принадлежит господину Боболасу. И поймите, как для нас важна эта газета».

Неудивительно. В пестрой бульварной упаковке «Этнос» подавал читателям зарубежные новости под определенным соусом. Афганские

моджахеды там изображались «бандитами, наемными убийцами, которые приходят на землю Афганистана и творят против невинных людей преступления, достойные фашистов в Освенциме». Люди в администрации Рейгана — «неуравновешенные психи и придурки», по их вине политические свободы в США под угрозой больше чем когда-либо, в Америке наступает «фашизм с человеческим лицом». А когда советской ракетой был сбит корейский пассажирский лайнер — это была «заранее подготовленная провокация ЦРУ». За убийством Индиры Ганди якобы тоже стояло ЦРУ. Польская «Солидарность» — детище ЦРУ, Ватикана и мафии. О папском визите в Польшу «Этнос» не сообщал, ибо «польские события» — это американская попытка зажечь пожар в Европе, и мы в этом помогать не намерены. Когда Нобелевскую премию мира присудили Валенсе, «Этнос» вопрошал в заголовке — «Почему не самому ЦРУ?». Берлинская стена якобы не знак позора, а символ мира — она предотвратила задуманное в ночи нападение НАТО на ГДР. В 1983 году «Этнос» опубликовал документ, якобы уличающий одного кипрского политика в сотрудничестве с нацистами. Позднее выяснилось, что это подделка. Израильтян газета обвиняла в том, что они опыляют деревья в Греции канцерогенными веществами. И так далее, вплоть до того, что будто гражданский брак — «советский обычай, который также укореняется у нас». Тираж «Этноса» установился на уровне 180 000 экземпляров. За несколько лет до этого типография принадлежащей компартии Греции газеты «Ризоспастис» получила весьма выгодный кредит на 2,3 миллиона американских долларов, следы его вели через Люксембург в ГДР. Однако куда лучшую службу, чем занудная коммунистическая «Ризоспастис», в Москве могла оказать «независимая, демократическая и антиимпериалистическая» газета, принадлежащая бизнесменам без коммунистического прошлого. Через месяц после появления «Этноса» победу на выборах одержал новый премьер из левых Папандреу.

В греческой печати вскоре появились намеки на то, что за «Этносом» стоят советские деньги. Всю эту историю в 1983 году раскопал и описал кипрский журналист Паул Анастасиадис. Большинство ключевой информации и документов достались ему от обиженного Яникоса. «Этнос» подал на Анастасиадиса в суд и обнародовал подслушанные его телефонные разговоры. Анастасиадис подал встречный иск. Брайан Фримантл в своей книге о КГБ в главе о дезинформации цитирует генерала Ивана Ивановича Агаянца: «Мы должны неустанно наводить зарубежных журналистов на то, чтобы они распространяли нечто противоположное нашим замыслам, а любой, кто напишет о них объективно в западном смысле этого слова, должен быть немедленно осужден и высмеян как реакционер и фашист, ратующий за возврат маккартизма». Именно так и защищался «Этнос». Тем не менее суд в первой инстанции пришел к выводу, что книга Анастасиадиса основана на фактах, солидно документирована и не является клеветнической. Решающие доводы должен был подтвердить Яникос, который, однако, в суд не явился, поскольку Боболас выплатил ему компенсацию в размере 650 тысяч долларов. В дальнейшем Боболасу благодаря его связям в правительстве удалось дело замять.

Борис Панкин в то время уже служил советским послом в Швеции. Безусловно, это было недаром. С точки зрения стратегических интересов СССР Скандинавия представляется весьма важной стратегической областью, ибо советские подводные лодки со своей базы на Кольском полуострове плывут в Атлантический океан через Северное море. Между скандинавским побережьем и Исландией у НАТО оборудована сеть станций слежения, которые фиксируют все передвижения советских подлодок в этом районе. В январе 1982 года был арестован и изобличен в 17-летнем сотрудничестве с КГБ чиновник норвежского министерства иностранных дел Арни Треголт. Он поддерживал многолетние связи с греческими политиками из левых. От него же нити шли и в советское посольство в Стокгольме. Специалистами западных разведслужб Швеция почитается за русский рай, где «возрождаются» советские шпионы, провалившиеся в других странах.

Василий Ситников, заместитель Панкина по ВААП, был неоднократно идентифицирован советскими перебежчиками как заместитель начальника отделения дезинформации КГБ, в сферу забот которого входили страны НАТО. Роль самого Панкина в КГБ не ясна. Эксперты сходятся в том, что он является офицером КГБ и специализируется на пропаганде. Остается под вопросом, не являлся ли он определенный период руководителем отдела дезинформации КГБ.

Паул Анастасиадис был не единственным, кто судился с «Этносом». Подобные тяжбы вели британский «Экономист» и французский «Экспресс». «Экспресс» в 1985 году получил в свое распоряжение нотариально подтвержденное заявление Петра Дерябина, советского агента, который в 1959 году бежал на Запад. Дерябин свидетельствует:

Василий Романович Ситников начал сотрудничать с КГБ где-то в 1941—1942 годах. С 1949 до 1954 года работал в центральном аппарате КГБ в Москве в Первом главном управлении, которое ведает секретными операциями за рубежом, и в структурах КГБ в Восточном Берлине и в Вене. Имел звание подполковника и проходил под именем «Модест». Панкин был офицером Первого главного управления и приезжал в Вену осенью 1953 года под видом журналиста, сопровождающего советскую делегацию Всемирной федерации профсоюзов.

Я служил с Ситниковым в московском центре КГБ с 1951 по 1953 год, а в Вене — с 1953 до 1954 года. Там непродолжительное время он был моим непосредственным начальником. В 1953 году как офицер КГБ я был приставлен к советской делегации, членом которой был Панкин. Незадолго до его приезда из центрального аппарата КГБ в Москве мне пришла телеграмма с указанием помогать в оперативной работе в Вене Панкину и другому офицеру КГБ, который приехал вместе с ним.

В соответствии со своими служебными обязанностями Ситников и Панкин во всех странах, куда назначались, регулярно использовали прессу в целях пропаганды и дезинформации. И тогда, и теперь КГБ систематически проводил и проводит операции такого рода по всему миру, включая и Грецию.

Против дружеских взаимовыгодных отношений ничего не скажешь. Но нам бы следовало знать, в какие игры тут играют.

Владимир КОС
Перевод с чешского А.Кузнецовой

Леонид РАДЗИХОВСКИЙ

КТО ЖЕ СГУБИЛ СОВЕТСКУЮ ВЛАСТЬ?

Рыба с головы гниет.
Народная мудрость

Не помню, кто же сочинил этот стишок... Да и стишок-то не помню. Помню лишь, что там повторяются такие строчки: «те же все — Сейфуль-Мулюков, с головой мужик, Зорин, со своей наукой, и, конечно, — Боровик». Сначала, мол, они объясняли, что «Тэтчер — бабушка-Яга», «США — империя зла» и т.д. и т.п. Ну а сегодня, понятно — «да здравствует капитализм, светлое будущее всего человечества!», «нынешнее поколение советских людей будет жить при капитализме».

Смешно, конечно... А если задуматься? Ну чего тут задумываться — «чей хлеб жуешь, того и песенку поешь». Приказывали им — шли направо (или налево?), теперь приказывают — идут налево (или направо).

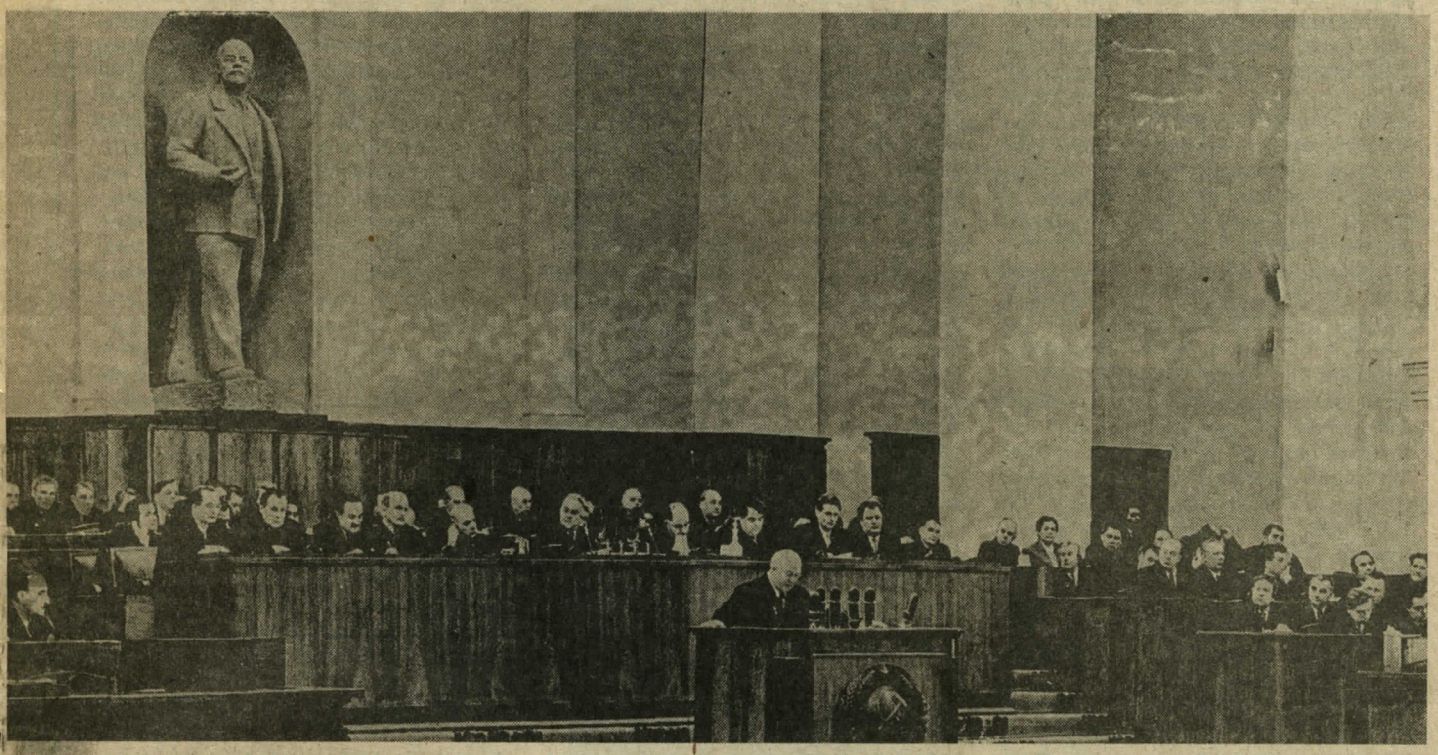
Что ж, может быть, поведение этих «политических комментаторов» (ну не всех, так некоторых из них — и не будем уточнять, чье именно, чтобы оставить лазейку для каждого) вполне просто и описывается вот этой формулой: «дважды два — сколько прикажете». Допустим. Но ведь тут есть проблема куда более общая.

Смотрите, сколько бумаги извели писатели-патриоты (скажем, Анатолий Салуцкий), доказывая, что «прорабы перестройки» были при Брежневе (а то и при Хрущеве) первыми бойцами идеологического фронта. «Прорабы» в ответ «хранили гордое терпенье» или же презрительно бросали «а ты кто такой?». А ведь по сути дела спорить не о чем. Арбатов, Айтматов, Аганбегян, Бурлацкий, Заславская, Велихов, Богомолов, Евтушенко, Коротич, Примаков — академики, преуспевающие профессора, знаменитые поэты. С чем тут спорить?! И менее известные тогда люди, вроде Попова или Шмелева, тоже были для власти отнюдь не чужими. Да, наконец, уже не «прорабы», а архитекторы, отцы перестройки — Горбачев, Яковлев, Шеварднадзе. Ведь они входили в политическое руководство — с чем тут опять же спорить? Только сейчас выдвигается новое поколение на первые роли (Руцкой, Явлинский, Н.Федоров, Мурашев — хоть и бывшие члены КПСС, но далекие от номенклатуры, не игравшие видной роли в «застойные» времена). А всю перестройку от 1985 до начала 1991 года сделали «шестидесятники», притом — вполне преуспевавшая, обласканная властями их часть.

Это уже не сплетня, не сведение счетов с кем-то лично. «Дело не в сухом расчете — дело в мировом законе». И тут есть над чем подумать.

Действительно ли в эти годы изменились взгляды этих людей — или они раньше просто более или менее лгали, вынуждены были лгать? Представляли ли они, чем все обернется, «когда пускались в дебют» в 1985 г.? Почему вообще номенклатура (часть номенклатуры) разрушила «номенклатурное царство» — если Мюнхгаузен за волосы вытянул себя из болота, то номенклатура за волосы сама себя опустила лицом под воду?

Конечно, говоря о коммунистических идеологах, ныне вышедших из КПСС, мы прежде всего имеем дело с конформизмом в его крайней, патологической, «совковой» форме, с «двоемыслием». Однако неглубоко (и потому неверно) ограничиться одной фразой типа «подлаживались к



Первый секретарь ЦК КПСС Никита Сергеевич Хрущев выступает на XX съезде Коммунистической партии Советского Союза

начальству». Это прежде всего глупо, не дает настоящего ответа: ведь и само начальство, к которому «подлаживались» бедняги-прорабы, тоже не в запломбированном вагоне из Америки прибыло. Эти Горбачев—Шеварднадзе—Яковлев тоже представляли часть номенклатуры, поэтому им с такой радостью и взялась... ну, скажем, помогать «их», морально родственная «им» часть идеологической номенклатуры. И делала это не за страх, а за совесть. Даже в большей степени за совесть, чем когда в 60 — 70-е годы от души кляли американский империализм... «И я должен сказать, меня глубоко тронули, заставили задуматься слова Никиты Сергеевича Хрущева о том, что у нас не может быть мирного сосуществования в области идеологии. Это действительно правда, потому что вся наша жизнь — это борьба, и если в нашей жизни мы забудем о том, что должны бороться неустанно, каждодневно за окончательную победу тех идей ленинизма, действительно выстраданных советским народом, если мы забудем об этом — мы совершим предательство по отношению к нашему народу» (Е.Евтушенко).

Но без шуток — совершенно неверно описывать поведение даже самых преуспевающих и начальственных «шестидесятников» только как конформизм без границ. Они не просто приспосабливались к свалившейся на них сверху идеологии «перестройки», этому очередному «бзику» начальства — нет, это была их органическая, если и не «выстраданная», то, по крайней мере, «выношенная» ими идеология. Та самая идеология, которая наконец-то и пустила под откос социализм, партию, советскую власть.

Теперь можно уже попробовать спокойно понять, что же это была за идеология — шестидесятничество, — которая легла миной замедленного действия под фундамент системы и оглушительно разорвалась через добрых 25—30 лет, в середине 80-х, разнеся всю систему к черту.

Несравненный знаток социализма и Советского Союза Оруэлл совсем коротко выразил обнаженную суть советской идеологии: она «основана на ненависти. ...Власть состоит в том, чтобы причинять боль и унижать». В сущности, он лишь повторил классическое изречение о том, что по мере приближения к социализму классовая борьба будет нарастать. Он лишь сделал из этого последний вывод: на самом деле социализм, коммунизм — это и есть не что иное, как апофеоз, высшая точка, непрерывная «последняя судорога» борьбы. «Это будет мир террора — в такой же степени, как мир торжества. ...От победы к победе, за триумфом триумф и новый триумф: щекотать, щекотать, щекотать нерв власти». В этом смысле ближе всего к коммунизму, к подлинному социализму мы стояли ровно в 1937 г. До этого момента шло «восхождение к социализму», потом началось «нисхождение с высот социализма». Именно тогда был получен портрет социализма с искаженным мукой человеческим лицом — «вообразите сапог, топчущий лицо человека — вечно».

Оруэлл же и описал условия сохранения такого строя: полная замкнутость мира социализма. Он же указал и причины его возможного (неизбежного?) краха: «Невозможно построить цивилизацию на страхе,

ненависти и жестокости. Она не устоит». Он поясняет, что этот принцип садизма власти, в окончательном виде «садизма-ради-садизма», «власти-ради-власти», «насилия-ради-насилия», глубоко противоречит природе человека. И — черт возьми! — он оказался прав. Вся история советской власти — это борьба, только не «классовая», а борьба человека с самим принципом этой власти.

«Декаданс социализма» начался еще при Сталине. Старик не смог удержаться на завоеванной им вершине — уже в 1938 г. пришлось сползать с «пика Коммунизма», с этой горы трупов, в низину «обыденной жизни». Сталин еще пару раз пытался подняться на любимую вершину, приблизиться к социализму, обострить классовую борьбу (в 1949, 1953 гг.), но рука стала не та, глаз не тот, по ним впору бы и характер укорачивать...

После смерти Папы начался откат от социализма. По самому устройству советского общества этот откат не мог произвести никто, кроме номенклатуры. Поначалу они руководствовались простым житейским — «жить охота!». В их ненависти к 1937 году, которая породила и один день Никиты Сергеевича на XX съезде, не было ровно ничего, кроме вот этого, простейшего — не хотим больше ночами трястись! Не хотим, чтобы сапог стоял на нашем лице, чтобы нас, как Лазо, отправляли в топку классовой борьбы. Но этим в сущности невинным и где-то понятным желанием жить они, сами того не ведая и не желая, уже нанесли системе смертельный удар. Обанкротился «госужас», подсистема «террор — страх» была надломлена. Это означало начало конца.

Желание чисто шкурного самоспасения, коллективной безопасности номенклатуры было первым гвоздем в гроб социализма —тоталитаризма. При этом Хрущев—Брежнев—Черненко—Андропов—Суслов и К° хотели сохранить все остальные элементы сталинизма по возможности в неприкосновенности — но сохранить в неприкосновенности и собственные головы и гениталии. Но, увы, скоро выяснилось, что, как любили писать в партийной прессе, «сказавши «а», нужно сказать и «б». Сталин и Троцкий — близнецы-братья, а «обострение классовой борьбы» это и есть «перманентная революция». Оба могли бы понимающе закрыть глаза, слушая: «В суету городов и в потоки машин, возвращаемся мы — пр-росто некуда деться! И спускаемся вниз, с покоренных вершин, оставляя в гор-рах, оставляя в горах свое сердце!» Да, их сердце навсегда было в горах наваленных ими трупов...

Социализм минус террор — таков был ... символ веры. Даже уже «минус террор... для своих». Все остальное пусть остается — противостояние всему миру, диктатура, насилие власти, ложь, все, все пусть остается... только без террора. Они надеялись сохранить власть в таком состоянии... Им это удалось — почти на 35 лет (с 1953-го где-то до начала 1989 г.).

Но этот «полусталинизм» (полусоциализм) изнутри источила... все та же номенклатура. Разложение социализма шло по двум линиям.

Прежде всего, долгое спокойное существование разлагает. Безопасности мало — тянет к комфорту. И вот, сквозь дырочки, которые они для себя провертели в железном занавесе, они стали волочь «оттуда» себе — видеомагнитофоны, мерседесы, «Плейбой», доллары, унитазы, очки, шорты... Это тащили дети и заражали отцов. Все это называлось «растленное влияние Запада».

В пьесе «Взрослая дочь молодого человека» герой гневно кричит своему бывшему комсомольскому начальнику: ну, сукин сын, теперь-то ты понял, что «кока-кола» — это просто напиток, а не идеологическая диверсия? Не знаю, что понял комсомольский босс, но Хрущев, борясь со стилягами, точно понимал, что «кока» — это не напиток. Это — идеологический яд. От «коки» и «пепси» ржавеет железная стена. Дети начальства — кровиночка! — становились какими-то бытовыми антикоммунистами, западниками, а от них порча распространялась вширь, на родителей, на подчиненных родителей и т.д. Все это может казаться мелочью, но ведь бытие определяет сознание, а в бытии поездки на Запад давно стали высшей целью. И когда советологи, живущие на процент от страха своих заказчиков, щедро описывали в начале 80-х годов ужасы предстоящего мирового коммунизма, меня всегда смущал один мелкий вопрос: черт возьми, кто же эти страшные коммунисты? Откуда их извлекут — из Мавзолея, из Кремлевской стены или из их квартир и дач с американским кухонным оборудованием, из «Вольво»? Старый анекдот: «как ты думаешь — победит коммунизм во всем мире? Да, конечно, только — где же мы будем зерно покупать?» — надо было переделать. Последняя фраза неверна. Власть имущих волновало другое: где же мы будем покупать себе костюмы, духи, компьютеры? Эти люди, чьи родные и близкие мечтали лишь об одном — чаще, часто как только возможно и еще чаще заключать сделки с Западом, получая «представительские подарки», — эти-то люди представляют опасность для Запада? Это в них-то бушует неуемная сила экспансии?

Таков был эффект «разрядки». Зря говорят, что Запад ее проиграл. Он мог проиграть в отношении ракет (никому ни для чего не нужных, как было очевидно уже тогда) и по распространению коммунизма в Анголе и Афганистане, — но он выиграл по распространению капитализма в Москве, в пределах Садового кольца и Кутузовского проспекта.

Бытовой антикоммунизм и капитализм номенклатуры (при полнейшем отсутствии всякой идеологии, кроме квохтанья дедушки суслика) — таков первый итог «застоя коммунизма», первая предпосылка перестройки.

Если так обстояло дело у собственно начальства «в чистом виде», то интеллигенция, приближенная к начальству, разумеется, воспринимала ситуацию сложнее. В отличие от «руководства», наделенного лишь пищеварительным и мочеполовым трактом, интеллигенция пыталась еще и осмыслить ситуацию. Так и родилось «шестидесятничество».

Оно было неоднородно. Чем бедней — тем искренней, чем ближе к кормушке — тем конформнее. Но это слишком очевидно, чтобы подробно обсуждать. А что скрепляло все движение?

«Шестидесятники», как известно, отрицали сталинизм, но не марксизм. Многие подсчитывали процент социализма в их идеологии, включая даже таких апологетов движения, как стукач Рой Медведев. Однако в действительности, как сейчас уже совершенно очевидно, это не имеет никакого значения. «Шестидесятники», в сущности, зеркально отражали идеологию западных либераловмарксистов, которыми были переполнены все уважающие себя уни-

верситеты и газеты замечательных 60—70-х годов. Некоторые наши «железные Феликсы» от диссидентства гневно обвиняли этих западных марксистов-либералов: идиоты, проморгавшие коммунизм, слепцы, предатели демократии и т.д. Странно! Сегодня-то уж, кажется, можно понять, насколько были правы эти люди. То есть, разумеется, если всерьез оценивать всю эту манную кашу на киселе про «правильный марксизм» и прочие деликатесы, то... Но, помилуйте! Вас что, собственно, интересует — философские убеждения шофера или куда он ведет машину?

Да, взгляды и убеждения западных «шестидесятников», мягко говоря, не выдерживают критики... Но результаты! Ведь именно они, их взгляды, и именно (и только!) потому, что они искренно считали себя «почти-марсистами», протопталитаки стежку-дорожку на советский идеологический рынок. Да, вслух их ругали наши академики-идеологи, но дружили с ними, думали почти как они... Конвергенция была бредовой идеей — верно. Но нереальна конвергенция социальных, тем более экономических систем. А психологическая конвергенция советских и западных ученых была более чем реальной! Это была единственная реальность в советской идеологии.

В советской идеологии было два уровня.

На облупившемся фасаде академики-идеологи, позевывая, вывешивали 7 ноября и 1 Мая красные флаги и бубнили все спущенные сверху (а до того — этими же академиками сочиненные и отправленные наверх) заклинания, особо не различая гласные и согласные.

В частных же идеологических жилищах — кто был образцом и законодателем интеллектуальной моды? Западные либеральные коллеги. Какова была цель советского ученого? Поездка на конгресс, симпозиум, коллоквиум в Гарвард. Каков был метод его работы? Чтение западных книг.

Начальство капитулировало перед западным бытом. Это был капитализм в отдельно взятой ванной и клозете.

Идеологи начальства, академики и писатели-шестидесятники капитулировали перед идеями западных коллег. Это был либерально-марксистский западный капитализм в отдельно взятой библиотеке. Внешним выражением его был антисталинизм.

Что ж — все верно. Когда от черепа советского интеллигента отвели сталинский молот, а от артерии отодвинули острый серп, он естественным образом потянулся к западным интеллектуальным ценностям — ибо никаких других просто не было в стране разлитого социализма.

Таким образом, советский политический истеблишмент с конца 60-х годов дважды капитулировал перед Западом — на уровне своего быта и в идейном отношении. Престижными были рубашки от Кардена и идеи от Гэлбрейта. Противостоял этому лишь атеросклероз, маразм, инстинкт власти в слепой кишке у вечно-семидесятилетних вождей, так и не одолевших слово «коммунизм», отдыхавших посреди этого тяжкого слова на мягком знаке, который они своей волей, по праву наследников Маркса, туда вставляли.

Поскольку никаких своих идей у них, естественно, тоже не ночевало, они на свой лад копировали Запад в чем могли — гнали ракеты и колониальные войны, чтоб «не хуже, чем у людей». Это были их робкие попытки приставить дрожащий старческий ботинок к блестящим туфлям капиталистических лидеров...

Но как только «гонка на лафетах» закончилась, последний Герой успокоился у Кремлевской стены — случилось то, что было несомненно очевидно еще в 50-е годы. Политики, ориентированные на Запад, с помощью экспертов-шестидесятников, ориентированных на Запад же, начали ту самую «конвергенцию» своего «запорожца» с «поршем». Результаты сказались быстро — новое мышление так новое, конвергенция так конвергенция! «Бендер учтиво снял шляпу. Персицкий учтиво снял шляпу. Бендер прелюбезно поклонился. Персицкий ответил любезнейшим поклоном. Бендер приветственно помахал рукой. Персицкий, сидя у руля, сделал ручкой. Но Персицкий уехал в прекрасном автомобиле к сияющим далям, в обществе веселых друзей, а великий комбинатор остался на пыльной дороге с дураком-компаньоном». Впрочем, интеллигентнейшие западные «партнеры по диалогу» обставили акт о безоговорочной капитуляции вполне благопристойно — на память подарили Нобелевскую премию мира, да и на постоянно-занудные мольбы советской стороны: «Мосье, же не манж па сис жур. Гебен зи мир битте этвас копек ауф дем штюк брод. Подайте что-нибудь депутации Верховного Совета», реагируют вполне приветливо, с понимающе-сытой улыбкой...

Но то уже совсем другая история.

Что же касается «шестидесятничества», то оно завершило свое развитие. С самого начала оно вдохновлялось идеей отрицания советского социализма, в его высшем сталинском проявлении. Долго оно не смело додумать до конца собственную идеологию и потому взяло себе в поводыри западных марксистов. Однако, как только появилась возможность и в СССР кошку назвали кошкой, советские шестидесятники выскочили из КПСС и побежали за новыми либералами-«рейганомистами» и антикоммунистами. И это как раз не лицемерие. Это, наверное, самый честный поступок за всю их жизнь — выявление своей подлинной позиции, доведение ее до конца. Другое дело, что с этим опоздали на 30 лет...

Как же ответить на вопрос, сформулированный в заглавии?

Погубили власть «шестидесятники», дававшие власти советы? Нет. Им просто не на что было опереться, кроме западной идеологии, за отсутствием всякой реальной альтернативы ей.

Погубили власть высшие деятели номенклатуры? Нет. Им просто хотелось жить «как люди», а «люди», согласитесь, живут с западным кухонным оборудованием и ездят в западных машинах.

Так кто же, черт возьми, погубил эту систему? А никто. Просто — система была нежизнеспособна. «Не знаю... все равно. Вас ждет крах. Что-то вас победит. Жизнь победит». Да, систему победила жизнь — быт ее хозяев и сознание ее идеологов.

■

Александр ТИМОФЕЕВСКИЙ

ПУЗЫРИ ЗЕМЛИ

(заметки о газете «Коммерсантъ»)

Рис. Н.С.

Земля, как и вода, содержит газы
И это были пузыри земли.
Шекспир. «Макбет»

Для всякого, кто хоть немного знаком с газетой «Коммерсантъ», очевидно, что три источника, три составные части «Ъ» — это макет, заголовки и политические комментарии Максима Соколова. На всех, в том числе и на советскую прессу, большое впечатление производят заголовки. Поэтому о них скажем в первую очередь.

Влияние коммерсантских заголовков на «Московский комсомолец» или на «Независимую газету», трогательно зависимую от стилистических оборотов «Ъ», столь же неоспоримо, сколь неплодотворно. Потому, что воспроизводятся одни обороты, а не мышление, их породившее. Воспроизводится введенный «Коммерсантом» тип повествовательного ироничного заголовка, например, «Попов велел мясу дешеветь. Мясо не хочет». Освоив это поприще, можно достигнуть немалых успехов, и та же «Независимая», и тот же «Комсомолец» их несомненно достигли — одна по части повествовательности, другой по части иронии. Но и только.

Мышление какое было, такое и осталось. Согласно этому мышлению, свойственному не одной «Независимой» или «Комсомольцу», а всей нашей советской прессе, и автору этих строк, разумеется, тоже, заголовок есть нечто непременно обобщающее, место, где сводится воедино все в статье сказанное и даже не сказанное, оставшееся за скобками. Факт, или сумма обстоятельств, или даже соображение не существуют для нас, взятые в отдельности. Они обязательно имеют следствия и обязательно — глобальные. Отсюда вечный апокалиптический тон нашей печати, как бы все время плачущей, причитающей даже в иронии, даже в простом изложении.

Главным и обескураживающим отличием «Коммерсанта» от всей остальной прессы с первых же его номеров было отсутствие надрывной апокалиптики. Заголовок типа «Попов велел мясу дешеветь. Мясо не хочет» примечателен прежде всего точкой посередине фразы. Точка эта в коммерсантских заголовках разделяет не два предложения, как это бывает везде и всюду. Она разделяет одно предложение надвое. Последнее — принципиально. Если вся советская пресса стремится к апокалиптическому обобщению, то «Коммерсантъ» старается избежать даже грамматического. И это относится равно к мясу и к путчу. Есть факт мяса, а есть факт путча. И множество других отдельно взятых фактов, одинаково достойных нашего внимания. Они могут складываться в цельную картину, а могут и не складываться. Из них проистекают самые разные следствия. Но чаще — не бывает никаких — мир, как видите, стоит и до сих пор не рухнул.

Отношение к факту в «Коммерсанте» заведомо двойственное. С одной стороны, он освобождается от всякой случайной эмоциональной окраски, становясь самодостаточным и самодовлеющим. С другой — самодостаточность эта довлеет весьма умеренно, зная отведенное себе место, очень, в сущности, скромное. Словно ничто не в состоянии изменить мира, благословенного в своем спокойствии. Словно мы живем не в мутном 1991, а в безмятежном 1911 году. Так что, случись и впрямь конец света, «Ъ» по привычке будет столь же сдержан в своих суждениях, все взвесит, все разделит и вынесет в заголовок: «Конец света. Воду и газ, кажется, тоже выключат».

Как в старой толстой британской газете, обстоятельность тона здесь подразумевает вековую стабильность жизни, размеренной и отлаженной, расчерченной на столетия. И эта стабильность утверждается «Коммерсантом», хоть и исподволь, и без всякого пафоса, и вроде ненароком, но неуклонно и последовательно. Стабильность мало утверждать. Ее нужно еще и чем-то обеспечить. Для этого как будто специально призван главный политический обозреватель «Ъ» Максим Соколов.

«Коммерсантъ» начал выходить с января 1990 года, когда московских интеллектуалов «левые» уже раздражали почти так же, как и «правые». «Мне нравятся очень обои», — говорил всеми своими комментариями Максим Соколов, и это было и внове, и кстати. В прогрессивных наших изданиях тогда не принято было писать без вытаращенных глаз и высунутого языка, без всей той велеречивой патетики, которая неизбежно сопутствует Говорению Правды. Максим Соколов стал первым политическим обозревателем, манкировавшим этой обязанностью. Из номера в номер он безучастно излагал и комментировал события. Впоследствии некоторые журналисты переняли флегматичность Максима Соколова, хотя время от времени на них накатывают приступы пафоса, как то случилось сразу после путча, когда по страницам наших газет замелькало торжественно повторяемое бонмо Адамовича, сгоряча назвавшего события 19—21 августа «революцией с лицом Ростроповича». Впрочем, утраченная флегматичность быстро вернулась к нашим обозревателям из числа спокойных — отметим это не одной справедливости ради, а больше ради того, чтобы представить нынешнее положение Максима Соколова: сегодня не только ему «нравятся обои», и сегодня он вроде бы не должен выделяться, как в 1990 году. Однако выделяется.

И не тем лишь, что пишет чаще, лучше и значительно умнее других, хотя сама способность выдавать по два-три текста в неделю — или очень хороших, или просто совершенно блистательных, — сама механистичность, компьютерность этого вдохновения, поставленного на поток, не может не изумлять. Но куда больше изумляет другое. Политическому обозревателю Максиму Соколову удается то, чего не могут добиться наши литературные, кино- и арт-критики, называющие себя «новыми» и всерьез озабоченные писанием как бы на чужих черновиках, мол, своей «бумаги не хватило». Свободное использование цитат, отсылок, скрытых или пародийных реминисценций в политических обзорах Максима Соколова и особенно в колонке «Что было на неделе», всегда анонимной, но почти всегда написанной очевидно им, оказывается здесь куда уместнее, чем в культурологических статьях «новых». При этом набор используемых цитат — А.К.Толстой, опера Глинки, латинские, французские, немецкие афоризмы, Пушкин, расхожие места из Шекспира — все один к одному из старорежимной интеллигентской детской. А.К.Толстой, совсем не случайно чаще других поминаемый, тут фигура во всех отношениях ключевая, так что и Глинка, и Пушкин, и даже Шекспир звучат совершенно на манер А.К.

Для понимающего читателя А.К. сегодня фигура почти назывная и нарицательная. За мифологемой А.К. стоит здравый смысл, он же хороший вкус, если угодно, заговор интеллигентской детской против безумного и безвкусного настоящего. Заговор тем более убежденный, что в России, где гражданское общество традиционно отсутствовало, здравый смысл всегда искал опору в хорошем вкусе и, соединяясь с ним, сказывался преимущественно в стихах, а не в политических программах. Шуточная «История государства Российского» А.К. совсем не такая шуточная и к тому же не

очень история. Это дневник современника, стилизованный под летопись, вылазка, набег, атака здравого смысла на отечественную традицию.

Беря черновик А.К., Максим Соколов, в сущности, делает то же самое — и в виде колонки, и в виде обзора — дневник, стилизованный под летопись. И, как у А.К., здесь нет ни выверенной идеологии, ни тем более политической программы. В отличие от других парламентских обозревателей Соколов, кажется, менее всего озабочен тем, чтобы влиять на парламент и общественное умонастроение, решать какие бы то ни было политические задачи и делать верные прогнозы. Его прогнозы, как правило, и не сбываются, к вящему злорадству завистливых коллег. Праздному, я бы сказал, злорадству. Потому, что они и не рассчитаны на то, чтобы сбыться, — их «спереди и сзади, читая во все дни, исправи правды ради, писанья ж не кляни».

Как у того же А.К., это атака здравого смысла на современную политику, и не вина Максима Соколова, что она никакой атаки не выдерживает, сплошь и рядом оказываясь еще глупее и непредсказуемее. Смысл соколовских прогнозов не в том, чтобы угадать, а в том, чтобы совершить атаку. Это не одна из политических позиций сегодняшнего дня, а стилистическая оппозиция времени как таковому — то, что в конечном счете определяет весь облик «Ъ».

Безукоризненный автоматизм письма Максима Соколова сродни дневниково-эпистолярному старорежимному автоматизму. То, что некогда было общим местом, сегодня выглядит товаром подчеркнуто штучным. «Коммерсантъ» снимает эту штучность и нивелирует ее, распространив невозмутимую манеру Соколова на всю газету в целом. Это, собственно, самая грандиозная идея «Ъ». Возникает иллюзия, что все в «Коммерсанте» максимы соколовы. Возникает иллюзия, что только тема — лизинги-клиринги — не позволяет им быть столь же литературными, столь же мило старорежимно образованными. Возникает иллюзия не просто общего тона, а чего-то бесконечно большего — другой жизни, которую двести лет поливали и стригли, жизни, где есть настоящие биржи и банки, солидные презентации и всамделишные ликвидации, где, углубившись в кресло, хочется углубиться в газету и отыскать привычное известие в привычном месте, где вообще есть место привычке и время ей потакать.

Все это десятикратно усиливается благодаря оформлению, на редкость удавшемуся. Речь не о новом макете, возникшем в октябре 1991 года, со множеством разнообразных шрифтов, но разочаровывающе бессмысленном, чуть лучше «советской газеты» и вполне сопоставимом с ней. Речь о старом чудесном макете, из трех шрифтов составленном, появившемся сразу во всей красе, как Паллада из головы Зевса. Со временем он незаметно менялся, неуклонно в сторону упрощения, но всякий раз сохраняя свой уникальный вид.

Уникальность эта не сводилась к дурацкой игре в модерн, которой заняты многие издания, от «Курантов» до «Московских ведомостей», старательно и тупо эксплуатирующие модерновые шрифты, полагая, что это и есть стилизация. В таком случае стилизацией занимается и газета «Правда» со своим модерновым заголовком. Уникальность прежнего коммерсантского макета заключалась в том, что, не прибегая к прямым заимствованиям, он создавал ощущение сегодняшнего модерна, некоего ирреального, существующего только на страницах газеты стиля, которого, разумеется, нет и не может быть. Стиль этот прямо соотносился с модерном историческим, как его единственный правопреемник, наглядно заявляя преемственность самого «Ъ» по отношению к полумифическому «Коммерсанту», издаваемому с 1909 года.

О важности для «новых богатых» не игры в модерн, а именно и буквально современного модерна проницательно писал в нашем журнале художник Никола Самонов: «Последний стиль ушедшей России, он будоражит чувства проснувшейся буржуазии, воспрянувшей не то чтоб из хрустального гроба, королевичем не целованной, тщетно и страстно желающей «спокойствия и света», — чтобы плотный короткоостый бобер надежно согревал горло, снег неслышно летел из-под полозьев неслышно бегущих санок, пар стоял бы в трактире, встречающем свежезаваренным чаем, и там, на втором этаже, в «чистом» отделении, — тихий разноязыкий говор, тихий серебряный звон ложки о стакан, крахмальное ребро скатерти, стылое озеро витрины, все в жарких искрах ликерных бутылок, и выше — белый рельеф бордюра: упругие стебли, цветы и пониклые листья».

Надо полагать, «Коммерсантъ» и создавался для проснувшейся буржуазии, тщетно и страстно желающей «спокойствия и света». Отныне она могла этого желать столь же страстно, но уже совсем не тщетно. «Спокойствием и светом» были залиты все страницы «Коммерсанта», газеты, исполненной самого бодрящего оптимизма. От материала к материалу здесь разворачивалась «другая жизнь», пленительная и вожделенная. Исходя из этого, не имеет никакого значения распространенный упрек «Коммерсанту», что он, мол, много врет. Неважно, если и так — важно, что врет уверенно и красиво. Неважно, сколько неточностей сказано про лизинги-клиринги, важно, что все читается, как стихи, как захватывающая и сладкая культурная мистификация.

Но «это были пузыри земли». «Коммерсантъ»— газета, имеющая конкретного читателя с конкретными запросами. И чтобы их удовлетворять, точные сведения о лизингах-клирингах нужнее, чем соколовский здравый смысл, в сущности, глубоко элитарный. Это противоречие обнаружилось в новом макете, в котором возникла путаница шрифтов и рубрик, а с «другой жизнью» стало худо. Пруст как-то заметил, что светский человек судит о салоне не по тому, кто там бывает, а по тому, кто там не бывает. «Коммерсантъ» был единственной у нас газетой, которая жестко следовала этому закону. В отличие от других изданий, стремящихся к ложно понятой универсальности, «Ъ» железной рукой отсекал все, что шло не по его ведомству. Заполнив сейчас свои страницы классическим советским набором — греча, шпроты, карамель, «Коммерсантъ» испортил так чисто спетую песню. Резон очевиден: королевич уже поцеловал проснувшуюся буржуазию, и пора исходить из ее простых нужд и интересов — наборы нужны всем. По-моему, «Ъ» ошибся в главном: поцелуй еще не состоялся.

Простым земным следствием культурной мистификации, которой «Коммерсантъ» занимался два года, было то, что она навязывалась реальности. Подобно старым мастерам, благоразумно льстившим своей модели, «Ъ», рисуя идеал, вынуждал ему соответствовать. Это зеркало можно, конечно, назвать кривым, но точнее — выпрямляющим. Поспешив признать не до конца состоявшийся факт, «Коммерсантъ» оставил свою модель уже с руками и ногами, но без носа и твердого плана, как его заполучить. И «другая жизнь», которая со временем могла стать здешней, кисло улыбнувшись на прощание, похоже, пока ушла за горизонт.

■

Фото Э.Кудрявицкого

КАДРЫ РЕШАЮТ. ЧТО?

Еще недавно Александр Волгин заведовал отделом кадров Кабинета министров СССР. Приглашение в аппарат получил от экс-премьера Н.Рыжкова, ушел из аппарата при В.Павлове. Накануне ухода знавшие его аппаратчики держали пари — дескать, такую должность добровольно не покидают. Она дает слишком многое — власть, связи, максимальную осведомленность, социальные блага... Все это не оставляют ради интересного дела. Александр Петрович все-таки сменил место работы. И стал заниматься тем, к чему испытывал склонность. Он возглавил Государственное агентство по подготовке руководящих кадров при Кабинете министров СССР. По правде сказать, звучит солидно только на бумаге. У Агентства есть помещение, зачислено в штат несколько опытных работников, которые представляют, что надо делать и как, но... больше ничего. Нет денег, нет, в сущности, теперь хозяина.

— Александр Петрович! Может, Агентство нам ни к чему?

— Когда мои коллеги из других стран узнают, что в нашей стране практически никогда специально не готовили и не готовят руководителей, государственных служащих и других управленцев, они только изумляются: «Как же вы тогда живете?»

— Разве сами не видят — так и живем...

— Сейчас все начинают работать на результат, но он прежде всего зависит от профессионализма людей. Одними лозунгами «Давай больше, давай лучше!» уже ничего не добьешься. Нужны знания: как делать лучше, как дать больше. В последнее время у меня было много встреч с руководителями государственных организаций и представителями новых экономических структур. Как же они отличаются друг от друга!

— В чем разница?

— Например, на встрече с биржевиками у меня возникло ощущение, что все они... студенты. Молодые люди, с неординарным мышлением, смелыми подходами к любой проблеме. Держатся свободно, уверены в своих силах, знают, чего хотят. Недавно еще начинали с нуля, а уже многое сделали.

— Успех вполне объясним — в этих структурах должности занимают те, кто им соответствует. В государственных учреждениях по-прежнему действует принцип номенклатурных назначений, хотя никакой номенклатуры вроде и нет.

— Номенклатурные назначения можно отменить, запретить в одночасье, но ничего не изменится. Потому что менять надо совсем другое — психологию классического советского руководителя. Он привык: как бы ни складывалась его деятельность, удачно или совсем наоборот, защита «сверху» обеспечена. Постепенно выработался стереотип — руководитель отчитывается только перед теми, кто его назначил. Просто, как профессионалу, отчитаться за свои навыки, знания ему страшно. Проявляется эта особенность, казалось бы, в пустяках. Скажем, ни один руководитель добровольно не соглашается на тестирование. Управленцы боятся проверки панически.

— Еще бы. Однажды при мне в Академии народного хозяйства директору крупного объединения при тестировании компьютер вывел на экране: «Ни в коем случае нельзя руководить людьми». На что испытуемый довольно зло ответил: «Руководил и буду руководить. А машина глупая».

— Типичная реакция. Другая особенность советского управленца — это нежелание учиться. Кстати, молодые биржевики, банкиры, менеджеры едва ли не с порога интересуются: «Агентство может помочь с учебой?»

— А на Западе руководителей-профессионалов учат?

— Регулярно. И знаете, там тоже приходится применять едва ли не насильственные формы. Например, в ФРГ управленческий персонал вывозят на учебу внезапно, далеко за город. Вскоре появляется президент компании, делает краткое сообщение, после которого «сопро-

тивляться» вроде бесполезно.

— Сколько же человек вывозят таким силовым способом?

— Тридцать—сорок. Примерно дня три они отчаянно брыкаются, предрекают, что производство без них остановится, а потом втягиваются в учебу. На четвертый день они уже чувствуют себя студентами, у них появляется интерес к обсуждаемым проблемам. Кстати, в современных западных центрах обучение поставлено очень увлекательно. Скажем, руководителей учат, как держаться перед камерой, выступать с трибуны, как общаться с подчиненными, начальниками. Когда проходят две недели, «учеников» выпроводить невозможно. Они признаются: многое делали неправильно, совещания проводили неэффективно, с бумагами возились слишком долго... Обучение стоит дорого, но фирма платит, так как задешево можно приобрести только «дешевые» знания. Наше Агентство готово построить учебу таким же образом, есть программы обучения, кассеты, видеокурсы, литература... Но, знаете, возникает ощущение, что никто, кроме, повторяю, представителей новых экономических структур, в учебе не заинтересован.

— Допустим, и вам силой удалось «затащить» на учебу аппаратчиков с многолетним стажем. Полагаете, усадив их за парту, можно вскоре ожидать иных результатов в управлении? Ведь взгляды у большинства из них консервативные, многие не хотят ни частной собственности, ни расслоения общества на бедных и богатых... Стереотипы порой сильнее здравого смысла и сказываются на работе аппарата.

— Убеждался много раз — первична не консервативная натура человека, а та среда, в которой он работает, та система отношений, в которой человек вынужден себя реализовывать.

— А не наоборот? Разве не по взглядам и убеждениям мы выбираем среду?

— Нет, но так ставить вопрос, если он касается государственных служащих, даже некорректно. Во всем мире управленцы, начиная, грубо говоря, с президента и кончая самым рядовым чиновником, представлены двумя категориями. Первый слой — политический. Он самый малочисленный, и тут действительно важны политические пристрастия его представителей. У нас он заканчивается где-то на уровне заместителей министров. Смена президента означает — этот слой может быть полностью заменен. Ничего обидного в такой замене нет, она закономерна. Когда я беседовал с руководителем аппарата президента США господином Сунуну, спросил: «Какой главный критерий отбора в «команду» президента?» Он ответил: «Понимать и разделять философию президента». Ушел президент, изменилась философия. Ушли и люди, ее разделявшие.

— Для этого президент прежде всего должен иметь определенную философию. У нас такое тоже редкость.

— Полтора года назад я пришел на встречу с Валерием Болдиным — тогда он был руководителем аппарата президента СССР. Принял меня очень сухо, сдержанно, поинтересовался — кто прислал. Отвечаю: по собственной инициативе пришел. Он очень удивился. Я стал говорить, что кадровая политика партии кончилась, а государственная не началась, ситуация опасная: не вырастим новых профессионалов, потеряем старых. Он перебил: «Это не моя тема».

Кстати, сейчас, когда повсеместно идет обновление руководящих кадров, создалась уникальная возможность сформировать современный госаппарат. Однако повторяются ошибки прошлого. Правил набора на госслужбу как не было, так и нет. Опять главная ставка делается на подбор хороших людей, а не на создание эффективной системы управления кадровой политики. Но люди склонны меняться не только в лучшую сторону, тем более, что в период приватизации, тотального дефицита соблазн для злоупотреблений у нового аппарата еще больше.

Нужен четкий, всем понятный Закон о госслужбе. Именно сейчас, когда старый аппарат уходит, а новый еще не набрал силу. Через год-два будет поздно.

А почему?

Регламентация в работе — вещь не из приятных. Я и сам, как чиновник, не в восторге от ежегодных аттестаций, отчетов перед населением, запретов на коммерческую деятельность и т. п. Но, как специалист по управлению персоналом, не один год изучающий эту проблему, убежден — не решив ее, мы всегда будем нищими. Хорошо, чтобы это поняли наши законодатели и общественность.

Но вернемся к западному опыту. Второй слой — это наш аппарат в самом традиционном понимании. Здесь никакой политики. Людей набирают согласно Закону о государственной службе, на конкурсной основе. Логика формирования аппарата продумана детально. Все понимают, что роль и ответственность госаппарата в рыночной экономике очень велики, и не хотят доверять свою судьбу первому встречному. Причем во время отбора нельзя предъявлять требования, не объявленные заранее.

— И большой бывает конкурс?

— До сотни претендентов на одно место. Я просто поражаюсь: что нам-то мешает перенять эту практику? Все кругом негодуют — какой ужасный аппарат, косный, консервативный... Но надо усвоить — качество бывает только при конкуренции. А чтобы выдержать конкуренцию, надо всегда быть «на уровне», нужны результаты.

— Что же вы в свое Агентство — орган государственной службы — конкурс не объявили?

— Представьте, объявили. Мы напечатали объявление в газетах и провели конкурсный отбор примерно так, как это делается во всем мире. Сначала — конкурс документов, когда участники рассказывают сами о себе в произвольной форме. Следующий этап — конкурс рефератов. Это своего рода размышление о своей будущей работе, о понимании рабочих задач, возможно, программа действий на ближайшее время и на перспективу. Третий этап — собеседование. Причем открытое. Конкуренты могут зайти и послушать, как отвечают другие.

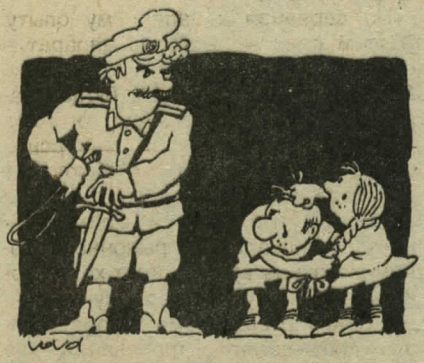
— Много было желающих работать в вашем Агентстве?

— На шестьдесят мест претендовало сто человек. Для начала неплохо.

— Александр Петрович! Отчего так — вроде бы нет смысла спорить — Агентство необходимо, его сотрудники постоянно пребывают в страхе: то ли Агентство упразднят, то ли вообще закроют?

— Кадровую политику у нас едва ли не каждый понимает по-своему, как вздумается. Многие даже не допускают, что грамотное управление — это точно такая же наука, как любая другая. Вот и получается, что кадры вроде бы решают все, а ничего решить не могут.

Е.БОРИСОВА



СТАВРОПОЛЬСКИЙ КРАЙ

МОЖЕТ, ЛУЧШЕ ДИКТАТУРА ПРОЛЕТАРИАТА?

С тех пор как у казаков стало проявляться самосознание, они не упускают случая помахать шашкой.

В Ставрополье организована казачья дружина, которая, по идее, должна в скором будущем заменить милицию. Как сказал атаман Есаулов, это будет выглядеть следующим образом: казаки, вооруженные плетью и кинжалом, ходят патрулями в городах и весях, «стабилизируя своим видом обстановку». А в случае чего «казаку некогда протокол составлять: он перетянет нарушителя плеткой по спине — тот и успокоится».

Сергей БОНДАРЕВ

СТАВРОПОЛЬ

МАГДАЛИНУ «ПОВЯЗАЛИ»...

В один достаточно холодный день в районе ставропольского автовокзала стояла молодая и очень красивая женщина, вокруг которой, в свою очередь, стояла толпа. Красивые женщины на Ставрополье — не редкость, но эта отличалась от остальных тем, что стояла на морозе совершенно голая и читала Библию...

Не обошлось без пострадавших: ставрополец Николай Веретенников, засмотревшись, врезался на своих «Жигулях» в автобусную остановку. Бедняга оштрафован на двести рублей и на четыре месяца лишен водительских прав.

Когда голую богомолку «брали», она стала взывать к небесам. Надо отдать должное ставропольским «бобби»: они терпеливо ждали окончания молитвы и лишь после этого «повязали» несчастную.

В приемном покое краевой психиатрической больницы вашему корреспонденту, не вдаваясь в подробности, сообщили лишь, что, хотя обнаженная и не числится среди пациентов больницы, но ей давно пора быть среди них.

Александр КАТАЕВ

МИНУСИНСК

...А В СИБИРИ ХРИСТОС ВОСКРЕС

И не просто так, а воистину. Первыми об этом узнали жители Минусинска, что на юге Красноярского края. Местный свободный художник Сергей Тороп, отец двух детей, однажды вдруг сообщил землякам, что теперь он — Христос. Правда, новое имя он взял себе не Иисус, а Виссарион.

— До 1990 года мне было предначертано пройти постижение основных духовных истин, очистить с себя все ложные наносы, — скромно говорит новоявленный, — а в год своего тридцатилетия я был благословлен Отцом Всевышним на начало свершений и понемногу, через проповеди, вступил на сей путь.

Виссарион убежден, что в скором времени он будет встречать людей не на пороге своей двухкомнатной квартиры, а в храме, который будет построен в 150 километрах от Минусинска (и Христос развернул по этому поводу бурную деятельность), в святом месте возле озера Тиберкуль. И тогда православные, уверен В.Христос, потянутся сюда, как мусульмане в Мекку — со всех концов земли.

Борис ЯРОВ

НИЖНИЙ НОВГОРОД

АХ, ЭТИ ДУШКИ-ВОЕННЫЕ...

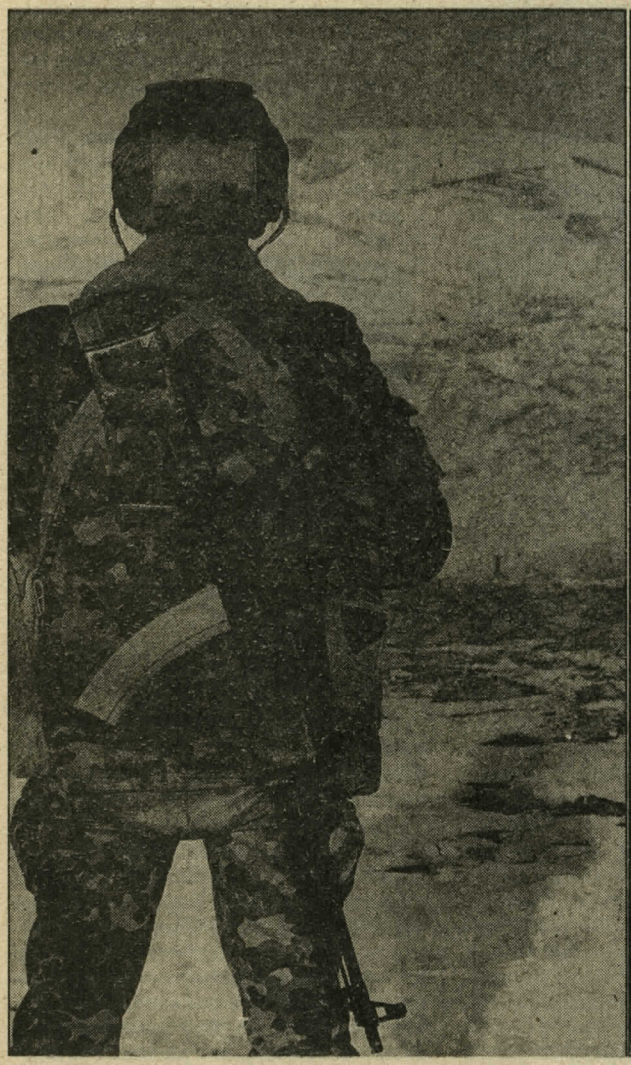
Снова — дезертирство. И снова по душераздирающим причинам: но если раньше с новобранцами развлекались «деды» Советской Армии, то теперь — «прадеды».

В общем, нижегородец Н. попал служить в стройчасть, расположенную в Красных Баках (почти час езды до Нижнего Новгорода). В части чуть ли не объятиями встречали два лейтенанта — командир взвода и замполит. Они сказали Н., что он может ездить домой, но при этом обязательно должен привозить гостинчик: водку или вино. Мало того, даже когда Н. и не собирался в Нижний Новгород, его поднимали среди ночи, чтобы он сгонял на электричке за бутылкой.

Столь частые поездки домой обернулись тем, что лейтенанты окончательно спились, а Н. решил жениться. На свадьбе командир и замполит нагло вертелись у праздничного стола, хватали водку и клянчили денег. А на второй день взяли как бы в долг несколько сот рублей и уехали в часть.

Все это доконало несчастного Н., и он сбежал из доблестных Вооруженных Сил, чтобы сдаться райвоенкому. Последний выслушал исповедь Н. с пониманием и сочувствием: часть в Красных Баках давно привлекала к себе профессиональное внимание военной прокуратуры.

Олег КАПИТАНОВ



Андрей ШВЕДОВ

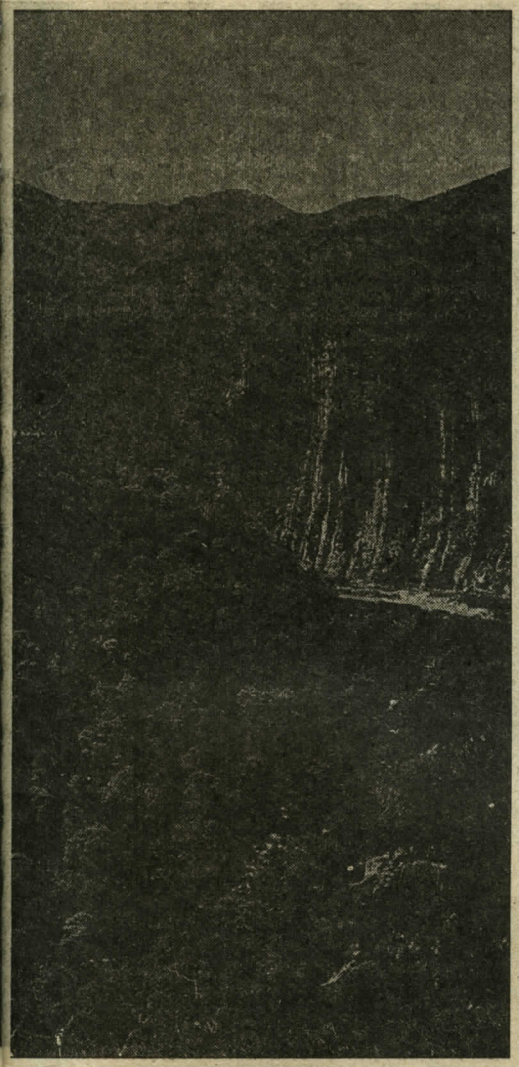
ЧЕРНЫЙ

Наш вертолет на Вериншен взлетал в четыре. Я правильно пишу название. Верин — верхнее, шен — село. Ныне принятое: Веришен — расхожая ошибка. Утро в Камо само по себе похмелье. После ереванской жары, когда всю ночь проводишь в ванне (правда, с голубой водой), горная прохлада напоминает измотанному телу о родном севере.

Мы прилетели сюда вчера в восемь вечера. С первых шагов по Эребуни ты чувствуешь, что переходишь из мира в мир, из обычного колбасно-тряпичного в загадочный и влекущий, как утро в Камо, сам по себе отрезвляющий, мир, что зовется войной.

Наша группа: Комчатов (российский депутат), Шимаев (родная хрипота на Манежной площади), два венгра (журналисты), Арсен Мелик-Шахназаров (местный князь) и (русский поэт, прикрывшийся корреспондентской корочкой уважаемого здесь журнала «Столица») — я. Ну и как в песне: «Только прилетели — сразу сели». Не так уж страшно в Арцахе. И пуль, и БТРов, и даже азербайджанского ОМОНа нам удалось избежать (хотя нарывались), но укрыться от шашлычно-тутовой атаки и миновать ежедневную, по крайней мере трехразовую, столовую блокаду не удалось еще никому. Добрый совет за нами едущим: и не пытайтесь.

— Извините, сейчас не полетим.



САД

Опасно. Придется пролетать над военными постами, они, если видят наш вертолет, обстреливают. Полетим рано утром. А сейчас прошу, пойдемте немного отдохнем, покушаем.

Говорит закрепленный за нами фидаин. Какое завораживающее слово! В переводе с персидского на японский оно означает примерно камикадзе. На русском такого понятия, к сожалению, нет. Защитник-смертник, примерно так. Это те, кого азербайджанская и бывшая советская партийная печать называет «боевиками», придав этому слову страшный смысл, а проснувшаяся свободная не совсем точно — партизанами.

Идем в единственную в Камо гостиницу. Обшарпанная, разрушающаяся, с отваливающейся штукатуркой, без воды и наполовину без света, удивительно, что она вообще стоит в этом полностью блокированном пограничье.

— Прошу к столу, прошу. Что? Руки помыть. Карина!

Из-под земли появляется женщина с кувшином воды и полотенцем через плечо. Несмотря ни на что, обслуга у них здесь сказочная. Нам, российским европейцам, привыкшим к сонным рожам разожравшихся лакеев и хамским огрызаниям в ответ на любую просьбу, поначалу просто приходится краснеть и не знать, куда девать глаза и руки от такого ухаживания. Потом, правда, привыкаешь.

Садимся. Начали. И потекли сотовым медом кавказские тосты. Оказывается, мы герои. Бросили дома и семьи и рискуем своей драгоценной жизнью ради спасения этого уголка и крепости Веры Христовой в замусульманенном Закавказье. Но... а что? Очень даже может быть...

Пир во время войны! Что может быть прекрасней?

Я не променял бы обед в окруженном БТРами Атерке у Арега, с тутовкой и хашламой, обед за пять минут до окончания срока ультиматума, поставленного генералом Стариковым, и начала штурма села (увы, не состоявшегося), на обед у любимой мной по картинкам принцессы Ди (увы, не приглашен).

Но вертолет на Вериншен взлетал в четыре. Первым просыпаюсь я. Русская привычка: хмель прошел — глаза навылуп. Бужу моего князя и местного паренька, помогающего во всех вопросах. Работа есть работа — и горный воздух. Я еще никогда так легко не переносил подобные алкогольно-бессонные нагрузки. В Москве давно бы лежал в лучшем случае под валидолом.

Потихоньку будят всех. В вестибюле собираются и закуривают помятые красноглазые физиономии российских депутатов и лидеров демократического движения.

По машинам и к вертолетам. Вокруг нас в светло-сером разминающемся утре — фигуры в защитной форме с автоматами через плечо, бородатые, голубоглазые, в голубеющих из-под курток тельняшках, с ножами на ремнях и, как с кулонами, гранатами на шее — по живописности с ними могут поспорить только сами горы Арцаха.

Какой тут может быть бодун? Опохмеляешься стаканом доброй зависти. Летим. Везем оружие, патроны и бензин, самую дефицитную вещь в блокированном Арцахе. Железная дорога сюда из России проходит через Азербайджан. Давно уже, кроме газет «Правда» и «Бакинский рабочий», там ничем с армянами не делятся. Недаром нынешний хозяин Шаумяна — Шаген предлагает Моссовету поменять пять тысяч литров отличного карабахского вина на бензин чуть ли не один к одному, только бы обеспечили перевозку с военной охраной. Вот был бы бартер!

Летим. С обеих сторон в задние иллюминаторы в зарождающееся, выбирающее из серого синь горное утро высунуты подобные ему по отливу два дула автоматов. Как только пролетаем над постом — фидаины привстают на одно колено, и палец на курок. А рядом качаются, уцепившись за брезентовые петли, сонные лица журналистов и депутатов. Курят, стряхивая пепел прямо на мешок с патронами.

Светает. Здесь мягче часовые пояса — горы Арцаха вообще нежные — зимой и летом нет привычной разницы между тьмой и светом. Пока летим, Арсен рассказывает.

— Мы приземлимся возле Гюлистана. Здесь в 1813 году был подписан договор о присоединении Карабаха к России. Кстати, тут же тысячелетняя армянская церковь. И восьмисотлетняя крепость, в которой и был подписан договор. В Вериншене церковь — по-моему, уже отреставрировали — четыреста лет. В Эркече восьмисотлетняя церковь — но там сейчас турки, мы не сможем посмотреть.

Армяне зовут азербайджанцев турками, связывая их духовно с Турцией и намекая на тюркское кочевое происхождение.

И вот мы в Шаумяновском районе. Видны и церковь, и крепость. Выгружаемся. А в вертолет заносят раненного в последней операции по отбою угнанного скота, беременную женщину, заходят еще несколько женщин с детьми и смена фидаинов. Другим нельзя. Тайные спецрейсы предназначены только для защитников и особо нуждающихся. Да вот

таких, как мы, еще катают. До нас тут были Смирнов с Шабадом. Смирновское выступление по «Вестям» я смотрел еще в Ереване — он был в первой обойме тех, кто назвал здесь вещи своими именами.

А с А. Шабадом, как всегда, приключение. Когда он сюда приехал, азербайджанцы объявили, что его захватили в плен армянские боевики, и славная 4-я армия под этим предлогом двинула танки на село спасать российского депутата. Анатолию Ефимовичу пришлось бежать навстречу своим бронированным освободителям, размахивая красной книжкой, и кричать во весь голос, и по всем рациям и телефонам, что он здесь не заложник, а гость дорогой. На время вроде убедил...

Кстати, посылать в самые горячие точки депутатско-журналистский буфер — его идея. Хорошая идея.

Шабада и тех, с кем мы сейчас вместе летели, я впервые встретил в Иджеване. За пару дней до этого полета мы были там и разбирали расстрел лейтенантом Деминым автобуса с десятью армянскими милиционерами.

Шабад там всех замучил выяснением деталей, но это было нужно. Литер врал еще на Верховном Совете, что автобус остановился, развернулся, оттуда вышел боевик с автоматом и первый выстрелил. Мы приехали на место. Там нельзя ни остановиться, ни развернуться.

Склон сорок пять градусов, и ширина дороги такова, что двум «жигулям» не разойтись. Слева — обрыв, справа — дорога. Кто здесь будет останавливаться и разворачиваться? Зато засаду устроить — милое дело! И расстрелять из десяти АКМов в пять утра спящих людей.

— Ах! — скрипнул зубами зам. начальника городской милиции. — Говорит, что вышел и начал стрелять. Если бы этот Демин знал, как Жорик стреляет!..

Такая обида — самая резкая для сердца кавказца: слабый побеждает сильного с помощью подлости.

Должны были состояться переговоры, но азербайджанцы, видимо, заметив, что с армянами куча русских, в том числе депутаты, не пришли. Мы прождали их час. В это время главмент города водил меня на границу.

Помню ощущение: жарко и тихо-тихо. Мы идем от поста по раскаленной бетонке. До границы — метров сто. Справа — заросшая кустарником гора, слева — обрыв и чудесный вид на Нижнюю и Верхнюю Аскипару (азербайджанские села) и Воскепар (армянское).

— А нас они сейчас видят?

— Конечно, видят. Мы уже давно на мушке.

Знаете, на что похоже чувство «на мушке»? Да ни на что не похоже! Быть «на мушке» — это быть «на мушке». Ну, может быть, немножко, когда вы без билета в тамбуре, поезд уже подходит к вашей платформе, а контролер уже подходит к вам...

— Ну вот, граница. Вот они, лепесточки.

Граница — щель между бетонными плитами. «Лепесточки» — три бетонных лепестка у дороги, национально расписанных.

Я иду дальше, подхожу к обрыву, любуюсь видом на села. Вдруг около меня появляется мой провожатый.

— А ты что сюда пришел?

Беру под руку милиционера, вытаскиваю из опасной зоны. Кто б поверил!..

Шабад рвался поговорить с азербайджанцами по поводу оставшихся в живых пленных. Его не пустили. Местные власти были предупреждены, что несут за него персональную ответственность. Попробовал я.

— Слушай, с одной стороны, кому я нужен. С другой — если они меня тронут, шуму будет выше крыши, а это вам только на руку. К тому же, в случае чего, я смогу предложить и бабки, и все что надо. Я это умею делать...

Вроде убедил. Поехали в город, стали звонить, но та сторона явно от всех переговоров увиливала. То не брали трубку, то говорили, что никого нет, то они вообще ничего не знают — короче, не получилось. Но за геройские дела вечером я сидел за столиком под тутовым деревом, горели свечи, как горы Арцаха. Вокруг были горы копченой осетрины и шашлыка, и, как родники Арцаха, непрерывными струями текли кизиловая водка и «Ахтамар», и, как мед Арцаха, заполняли воздух душистые тосты...

Я, как Пушкин, беру пример с эмира: если пишешь о войне и хочешь, чтобы тебя читали долго, — пиши побольше «о» разных кушаньях и пробках».

Шабад все-таки на следующее утро прорвался на переговоры, но ни до чего не договорился.

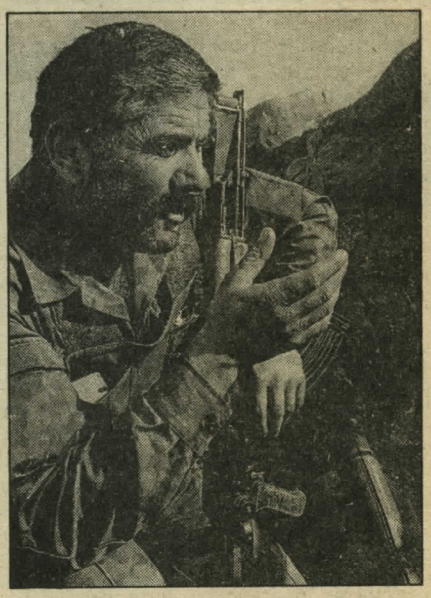
Наш вертолет уже ушел в обратный рейс. Мы с фидаинами расселись по машинам и — в село. Подъехали к больнице, там побросали шмотки и, как только вышли, тут же с головой окунулись в море местных жителей.

Гюлистан — село беженцев. Впервые я столкнулся с ними в Эребуни, когда еще летел в Иджеван.

Прости нас, Господи!

— Карабах — турецкое слово. Кара — черный, бах — сад, говорил князь, когда мы сидели на горке за Вериншеном и в нас лениво постреливали с вражеских позиций.

Когда я увидел огромные черные



следы беды — круги под глазами стариков и женщин и тени их в испуганных зрачках детей (о, как похожи они на огромные обводины вокруг глаз моей матери!) — Ка-ра-ба́х, Ка-ра-ба́х, Ка-ра-ба́х, Ка-ра-ба́х — с бесконечностью товарного поезда (с черными мазутными цистернами) застучало по полотну лобовой кости.

Потом я видел — по пути в Степанакерт — огромные пятна выжженных хлебных полей. Трагично и красиво. Я знал, пшеница вырастает, и пьянящий горный ветер еще будет гонять волны жидкого молодого золота, но Карабах, написанный на лицах, так и ляжет в землю своих предков.

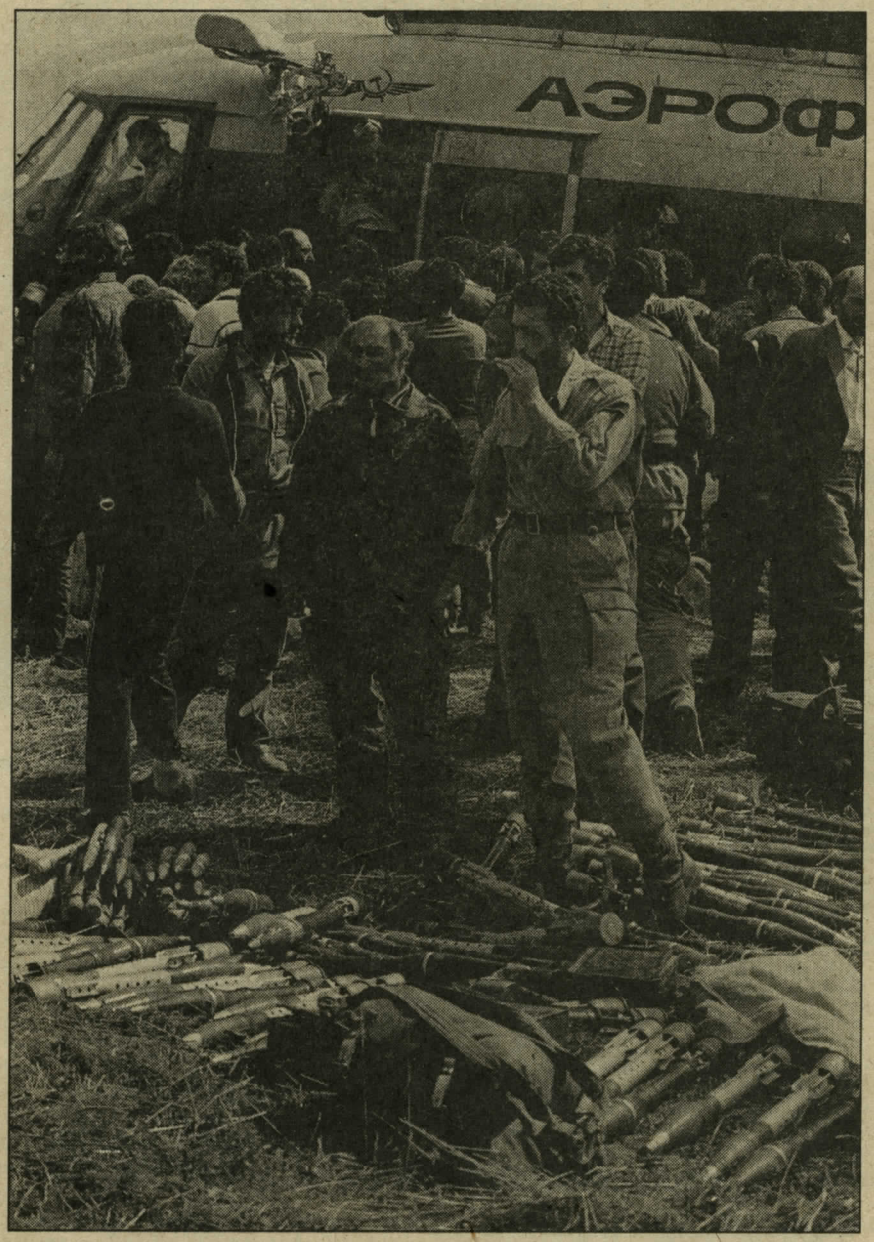
Но вот мы снова погружаемся в машину — теперь уж в Вериншен, в штаб фидаинов.

Представь себе, дорогой читатель, что ты попал в боевой стан к Илье Муромцу, Алеше Поповичу и Добрыне Никитичу. (Я понимаю, у читателей «Столицы» это может вызвать косую улыбку воспоминаний о пророческой обложке. Пока забудьте.) Былинные богатыри! Откуда что берется?

Огромные голубоглазые бородачи (по голубоглазости с вериншенцами могут поспорить только алкоголики с моей родной Рязанки). Они меньше всего похожи на наших современников. Как черноморские витязи Пушкина из моря, словно выходящие из гор или воскресшие из могил, дабы защищать обижаемых потомков, великие воины великого Урарту!..

Начинаю с ними разговор. С ума сойти! Из десяти семь имеют высшее образование. Учитель, пианист консерватории (учителей и представителей власти больше всего), доктор наук, филолог, режиссер... Главное отличие интеллигенции Кавказа от нашей? Она не гнилая! Хорошее отличие. Соединить бы нам лицо Ростроповича с телом Алеши Поповича.

Кирилл Михайлович Алексеевский (КРИК[1]), давно здесь пропадающий, и я, после беседы и обеда, сидим на горке за селом. Под нами пшеничное поле, обстреливаемое с обеих сторон, на котором бойцы 23-й дивизии семь часов продержали последний армянский анекдот — депутата Моссовета Льва Балашова-Мыльницу и К°, а за полем — очень красивая, с мягкими переливами синего цвета, гора. На ней в бинокль видно две пулеметные точки и БМП. Вообще тоже анекдот: может быть, лежит у одного из пулеметов какой-нибудь сопляк с соседней улицы и смотрит на меня в прицел, матерясь и сплевывая. Хотя вряд ли. Москвичей в 23-й дивизии мало. Это хитрая дивизия. 60% в ней — азербайджанцы, а 40% — русскоговорящие, в основном из Гянджи и Баку. Их семьи там практически заложники. Но мы, кажется, намозолили им глаза, и по нас начинают слегка постреливать. Расстояние — километра два, и мы поплевываем.



Погода прекрасная. Природа прекрасная, и Арсен просвещает нас очередной исторической справкой.

— Армяне жили здесь еще до нашей эры: и в Нагорном Карабахе, и в Низменном — от Армении вообще осталась одна пятая часть. Азербайджанцы появились в XVIII веке. Вообще тюркские племена появились на территории Азербайджана в XI веке, а в XV сформировались в один народ. Теперь они — доктора исторических наук — пишут та-

1 Комитет российской интеллигенции «Карабах».

кие вещи: у нас, мол, были одни общие предки — албанцы. Потом албанцы, которые приняли мусульманство, стали азербайджанцами, а албанцы, которые приняли христианство, превратились в армян. Да... На полном серьезе. И эти, говорят, древние церкви — тоже албанские, это потом националисты-армяне, все подминая под себя, приходили и выбивали армянские буквы и крестики. Про Гюлистанский договор я говорил. А в 1918-м Карабах и Зангезур были частью Елизаветпольской губернии, Нахичевань — Ереванской. Кстати, в это время Азербайджан только и получил государственность. И партия мусаватистов потребовала включить и Карабах, и Зангезур в состав Азербайджана. Началась война. В Зангезуре были такие полководцы — Андраник и Гарегин Нжде. Им Армения обязана Зангезуром. Карабахцы тоже отбились. Тогда азербайджанцы позвали на помощь турок. В Баку они вместе устроили резню. Там погибло 30 тысяч армян. Но карабахцы опять отбились. Потом, когда Турцию в первой мировой войне разбили, ее место заняла Англия. Азербайджанцы обратились за помощью к ней. Надо сказать, что англичане им почему-то помогали.

— Так леди Кокс[1] сейчас ошибки предков исправляет?

— Наверное. И вот тогда под английским давлением, окруженный войсками, VII съезд армян Карабаха до окончательного решения вопроса на Парижской конференции решил временно считать себя в границах Азербайджана. Но азербайджанцы тут же потребовали окончательного утверждения. Карабахцы не согласились, азербайджанцы напали. Тогда нашим на помощь приехали Дро из Еревана и Нжде из Кафана со своими частями. Азербайджанцев разбили, и в 1920-м IX съезд карабахских армян провозгласил Карабах неотъемлемой частью Армении и создал правительство во главе с Дро.

Потом, в мае 1920-го, Азербайджан стал советским и, уже объединившись с Красной Армией, они вынудили Дро отвести войска. Но когда в августе 1920 года Армения стала советской, сами азербайджанцы послали телеграмму в армянский Ревком, в которой говорилось, что теперь все вопросы решены и Нагорный Карабах, Зангезур и Нахичевань считаются частью Армянской Социалистической Республики. Орджоникидзе отправил тогда телеграмму Сталину, где сказал, что Азербайджан декларировал передачу Карабаха Армении, и у Сталина есть статья, в которой говорится, что Азербайджан добровольно отказывается от Карабаха. Потом, правда, азербайджанцы очухались, сказали, что надо провести референдум. Ну какой референдум, в Карабахе тогда было 95 процентов армян.

— А сейчас?

— 77 процентов. Референдум, конечно, не проводили, и в 21-м году постановлением Кавбюро — турки уже уговорили Сталина — Карабах передали Азербайджану и дали ему только автономию. Кавбюро — партийный орган, поэтому все это, конечно, незаконно. Но это уже была ленинская уступка Турции. Кстати, ей тогда по Московскому договору была подарена Западная Армения, Карсская область и Сурмалинский уезд. Азербайджану — Нахичевань...

Стреляют лениво. Жарко. Мы поднимаемся и уходим. На обрат-

[1] Баронесса Кэролайн Кокс — член английского парламента, известный правозащитник.

ном пути Алексеевский знакомит нас с русским волонтером Сашей. Он сбежал из советской казармы от дедовщины и диких приказов заливать руки кровью невинных людей. Молодец. Высокий парень с удивительно крепкой ладонью. Тот, про которого один из моих многочисленных тезок в передаче по «Эхо Москвы», видимо, еще не очухавшийся от тутовки, сказал — «с растущими из ушей руками».

Спускаемся в село. Ох, эти горные дороги! Я раздолбал о них последние кроссовки. И каждый раз, когда нам с Арсеном (иногда сутками) приходилось, обливаясь потом, мотаться вверх-вниз по этим серым горным рекам пыли, у меня стучал в висках всплывший из глубин отрочества стих: «А мы идем по Африке, по Африке, по Африке, и только пыль, пыль, пыль из-под шагающих сапог...». Я даже хотел назвать эту вещь «Красный пес», по Киплингу. Но сейчас он вроде подыхает (хотя еще огрызается). А пинать подыхающую, пусть даже красную, собаку — не в моих правилах.

Спустились в село и вновь попали в окружение. Увидев нас, люди выходят из домов и, скучковавшись, робко начинают.

Я даже не могу придумать синтаксис, чтобы передать этот наплыв тревоги, горя и надежды из разных уст, как из разных рек, сливающийся в общее море беды, поэтому пишу, как слышу, — всех от одного лица.

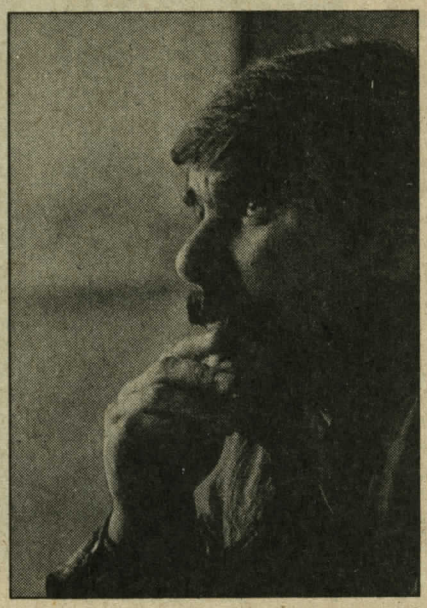
— Здравствуйте. Здравствуйте. Здравствуйте. Вы русские, да? Откуда? Из Москвы. Скажите, а почему русские воюют против нас вместе с азербайджанцами? Разве мы стали вам враги?

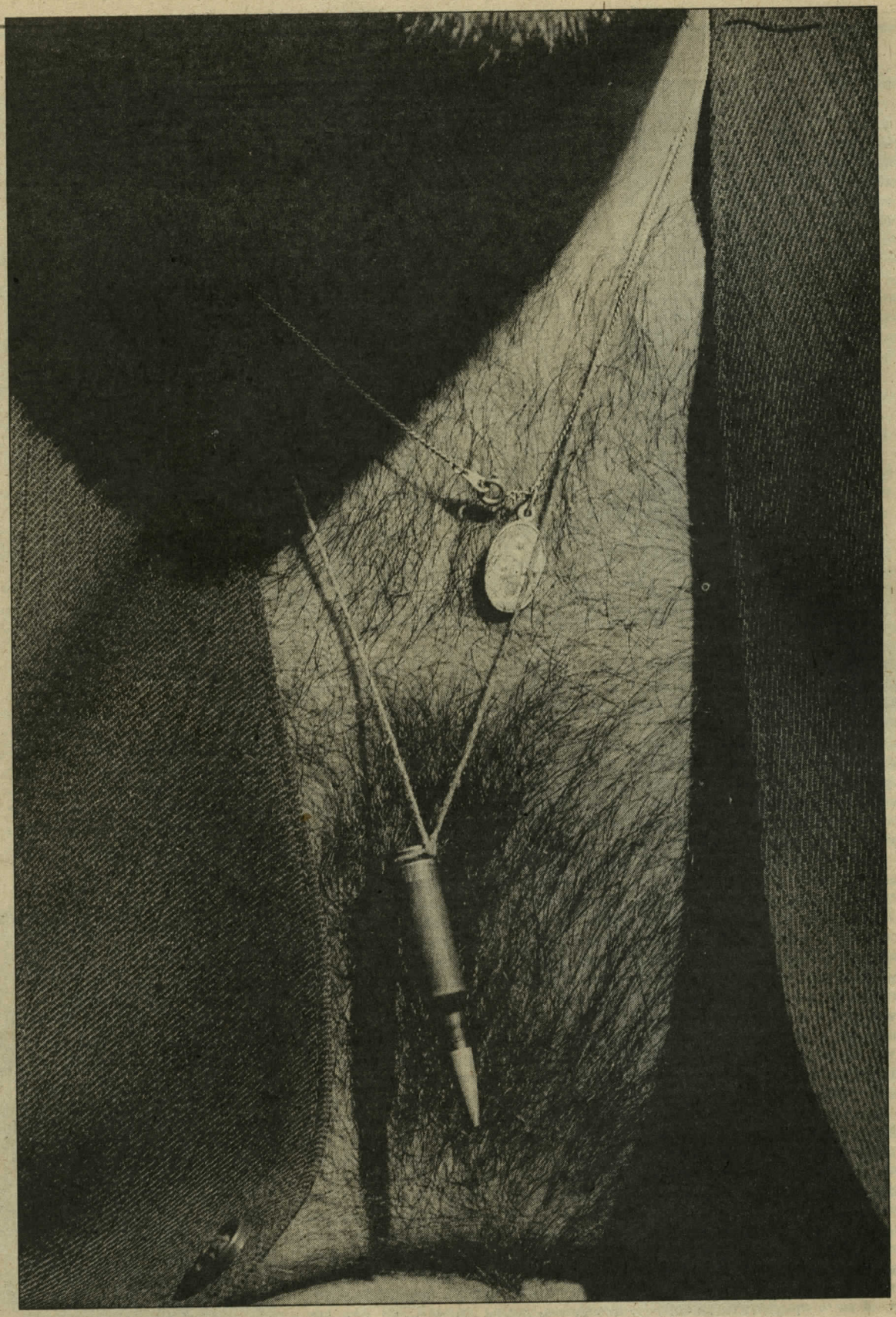
— Это не русские — это советские.

— Ну как же — русские. Приходят на БТРах, на вертолетах, заходят в дом, грабят, насилуют, убивают. За ними уже — азербайджанцы. Ведь сами азербайджанцы без русских ничего не могут — они бы одни не пришли.

Говорят, проверка паспортного режима — зачем обманывают? У кого они проверяли паспорт? Заходят в дом, все бьют, все ломают, все хорошие вещи забирают. Да это еще ладно. Они людьми торгуют. У меня мужа взяли прямо на работе в поле солдаты. Продали азербайджанцам за десять тысяч рублей, а они уже потребовали пятьдесят тысяч. Где я возьму? Вот, обратилась к людям — собрали. Отдала им деньги. Мне его вернули. Так посмотрите, он уже полумертвый. Все у него сломано. Везде ножом кресты вырезали. Специальные уколы делали. Он уже ходить не может — он умирает...

Выделяю как самое черное дело Красной Армии — СПЕКУЛЯЦИЮ ЛЮДЬМИ. Мне лично известны несколько десятков случаев (я разговаривал или с потерпевшими, или с их родственниками), когда военные брали жителей (фидаина взять слабо), продавали как армянского боевика ОМОНу, а те изуродованный полутруп (а часто — труп), упятерив или удесятерив цену (в Атерке за





одного директора просили миллион), — родственникам.

Так что, дорогие мамы, когда ваш сын, служа в Закавказье, ежемесячно отсылает домой две-три тысячи (только в Степанакерте на почте зафиксировано 90 тысяч, высланных солдатами), знайте, что эти деньги он получил за то, что продал ребенка другой мамы. А также, дорогие соотечественники, не забывайте, что этот «прошедший школу мужества» ребеночек вернется к нам в Москву, в Питер, на Смоленщину, Рязанщину — и нам с ним долго-долго вместе жить. А кушать нечего...

— А я русская. Я вам скажу. Вы знаете, что они делали? К нам в село тоже вошли солдаты, а потом ОМОН. Всех мужчин, кто не успел спрятаться, забрали, а нас — меня, семидесятилетнюю старуху и еще одну женщину — собрали во дворе. На охране встали два солдата с автоматами, так вот, омоновец пошел, насрал в сарае и заставил нас троих жрать свое говно... и когда я кричала этим солдатам: посмотрите, я же русская, я же мать ваша — они смеялись...

Есть у армян комплекс: мы не можем стрелять в русских. И Кирилл Алексеевский (русский человек) ходил по селам и уговаривал:

— Стреляйте. Тот, кто врывается в ваш дом, чтобы грабить и убивать, — бандит. Стреляйте. Паспорт у него посмотрите потом.

И я ходил и в Вериншене, и в Гюлистане, и в Шаумяне, и в Атерке и тоже говорил: стреляйте! И в русского, и во француза, и в марсианина — в любого, кто придет вооруженный злом на вашу землю.

Немного ознакомившись с историей, нетрудно сделать вывод: после 70 лет Советской власти Карабах возвратил себе статус-кво. Он возвратил себе войну. Причины и противники все те же. Средства — тоже.

Циничная мысль: в китайской медицине есть понятие — для того, чтобы человек был здоров, точка на коленке, точка цзу-цань-ли, должна быть возбужденной. Для того чтобы остальные жили в мире — кто-то должен воевать.

Красный террор был таков, что никто не мог и помышлять о такой роскоши, как война. Цзу-цань-ли была покойна, и все мы были больны.

Но в путь. Арсену надо в редакцию, в Степанакерт, мы и еще четыре фидаина глотаем пыль, скучковавшись в одном газике, который отмачивает «бочки» и выписывает «петли Нестерова», расправляясь с горными дорогами. Какой русский не любит быстрой езды? Но эти парни рассекают. Я долго буду помнить это автородео по-карабахски. И музыка! Всю дорогу в кабинах звенят национальные шальные мелодии. Правильно. Пить бойцам не дают, а музыка — отличный допинг.

— Знаешь, в чем наша беда? — говорит молодой фидаин, парень с высшим музыкальным образованием. — У армян долго не было государства и потеряно это чувство. При внешнем сплочении каждый думает только о себе. Едет в автобусе русская женщина с ребенком, автобус битком, жара, ребенок задыхается, говорит: «Мама, мне душно». Она ему: «Потерпи, сынок — всем душно». Был бы армянин или армянка, всех бы растолкала-распихала, подвела бы его к окну. Так и здесь, его из дома выгнали, ему плохо, он кричит всем — помогите, завтра ему дом вернешь, он ни о чем больше думать не хочет.— Наверное, не совсем так.

— Не совсем, но все-таки.

Едем. Восприятие движения у меня здесь выражалось ритмами стихов и мелодий. Когда пешком, я уже говорил: «Мы идем по Африке, по Африке, по Африке...», когда кувыркаемся на машинах: «О, партизаны, та-та-та-та, о белла, чао, белла, чао, белла, чао, чао, чао...», а в вертолете: «Ах, Арцах, мой Арцах!..»

Из Вериншена в Степанакерт мы добирались двое суток. Сначала до Мардакерта с ночным купанием в горном бассейне и великолепным застольем вокруг него, с адресами новых друзей, песнями и хохмами по дороге. Это опасная, но свободная фидаиновская земля Шаумяна. Мардакерт — уже Карабах. Уже район ЧП. Уже БТРы, солдатня, и конец вольницы. Оттуда уже кое-как, впятером в кабине МАЗа, который вез коров на бойню.

Ох, и дорога была, господа! Как раз та, где по ошибке подорвали БТРы и погиб журналист из Перми (там яма до сих пор), с выжженными пшеничными полями по обочине, с красивейшими видами, но с наступающей жарой, с больной головой, с пылью и тягомотиной черепашьего движения. Попробуй, полихачь на МАЗе, да еще с прицепом уже ждущих смерти, как избавления, буренок. Мы были примерно в таком же состоянии. И, наконец, приехали на бойню. Там, к счастью, наши дороги разошлись, и мы с князем вышли в город.

Оккупация. Другого слова нет. Город оккупирован внутренними войсками МВД СССР. Как святыня, у обкома партии с кровавым полотнищем охраняется статуя Ваалу. Печенками чувствуешь, что эта piccolla Bestia концентрирует, стягивает вокруг себя зло. Первичный омут. Пастернак во Флоренции, глядя на фрески Тинторетто, почувствовал первичный омут творчества, в Степанакерте я, любуясь медным Лениным, почувствовал первичный омут зла. И знакомая путанка, и родные, украшенные автоматными стволами, рыла олигофренов из ВВ. «Зона, зона, зона...»

(Окончание следует)

Фото С.Абовяна, А.Федорова

«Еще несколько месяцев назад мы жили в громадном, веками создававшемся государстве...», «Государственной власти в настоящем смысле слова у нас сейчас нет, мы пришли к полному ее разложению...», «Могущественное государство, огромная военная сила, захват смежных областей, беспредельность границ, подавление народностей, входящих в состав русского государства, — вот объект любви и народной гордости старых русских людей...», «Продовольственные опыты бюрократии. Вместо хлеба чиновники кормят Россию совещаниями и отписками», «Бакинская трагедия и борьба с крамолой», «Наши газеты и журналы. Публикуются письма генералов, которые рекомендуют ввести диктатуру».

Кто сможет с уверенностью сказать, откуда эти цитаты и заголовки? Написано давно, а вновь напечатано недавно — в первом номере журнала «Русское богатство» за 1991 год. Его предыдущий номер вышел в 1918-м. Похоже, что прошедшие 73 года доказали: в нашей стране мало что меняется, разве что к худшему. Однако возобновление издания, закрытого как «выступающее против диктатуры пролетариата», внушает некоторые надежды.

Старое название нового журнала вроде бы диссонирует с нынешним положением вещей: какое ж богатство, когда «все расхищено, предано, продано»? Тем не менее в России подлинная литература всегда отличалась именно тем, что не отменялась и не уничтожалась никакими декретами. Редактор-издатель нового «Русского богатства» Анатолий Злобин верит, что такая литература существует и сегодня. Поэтому каждый последующий номер журнала будет целиком отдан одному писателю, то есть ставка делается на творческий универсализм. Что из этого получится — книга типа «Избранного» или все-таки журнал, где все разделы и рубрики несут печать одной творческой индивидуальности, — покажет время. А пока почти готов второй номер «Русского богатства», полностью отданный автору — Леониду ЛИХОДЕЕВУ.

Алена Ангелевич

Леонид Лиходеев

ТАНКИ, АВТОМАТЫ, БЕЗМЕН И АРШИН

Говорят, когда Россия завоевала Туркестан, аборигены ходили там в цинделевском ситце, морозовском сатине и имели кое-что из кузнецовской посуды.

До русского солдата в тех краях побывал русский купец.

Конечно, художник Верещагин изобразил в назидание потомкам апофеоз войны — гору черепов. Штук сто. Ровно столько, сколько наваливал за раз наш доблестный интернациональный батальон в Афганистане.

Советский солдат являлся в чужие края не с ситцем и не с фаянцем. Он являлся с железом. Он вкатывался на танках, вооруженный самым передовым марксистско-ленинским снаряжением.

И теперь это железо выходит боком.

Туркмены вспомнили, что они — туркмены; казахи, что они — казахи; грузины, что они — грузины; литовцы, что они — литовцы. И даже русские, от чьего имени золоченые сановные мерзавцы покоряли окрестности, задумались: может быть, хватит?

Национальные проблемы решаются не шанцевым инструментом и не автоматными очередями. Они решаются безменом и аршином. Но большевизм первым делом ликвидировал безмен и аршин. Он объявил торговлю жупелом. Он вверг в рабство работный люд и отнял у него все, что составляло смысл бытия: результат труда. И жизнь лишилась смысла. Большевизм заставлял городить бетон и уродовать землю.

Большевизм забил головы идиотским вздором. И когда случилась передышка, выяснилось, что головы опустели от небытия. Люди потеряли смысл. Они уже забыли, что когда-то были скотоводами, ремесленниками, хлеборобами, торговцами, виноградарями. Они ухватились только за то, что тлело в их замученных головах — кто какой нации, кто какого племени, кто какого клана и кто чего лишился.

Если бы эта дикая власть ослабила свои свирепые когти и дала бы кормиться людям от рук своих, питаться плодами труда своего, строить производства по своим понятиям, а храмы — по вере своей, чтобы не грабить, не обмишуривать, а торговать, — страна не знала бы национальных проблем. Потому что Господь создал мир таким образом, что договориться в этом мире могут только купцы. Не генералы, не идеологи, не политиканы, а только купцы. Потому что безмен показывает вес, а аршин показывает размер везде одинаково.

Утописты не решат национальных проблем, пока не появится купец. Собственник. Торговец. Коммерсант. Политиканы не решат национальных проблем, пока не уберут из правительства фискалов и фининспекторов, пока не отпустят удавку, пока не заставят городового полицейского охранять частную лавочку, фабрику, мануфактуру от идеологов, рэкетиров и пролетариев всех стран.

Но наши утописты не захотели решать эту проблему. Слабоумие, которое десятилетиями насаждали большевики, — последний козырь этой чудовищной власти.

Гражданская война началась с погрома торговли. Торговля была объявлена спекуляцией. ЧК называлась чрезвычайной комиссией по борьбе с контрреволюцией и спекуляцией. Спекуляция (то есть торговля) была приравнена к контрреволюции. И началась война брата с братом.

В кипении ревности центральной власти к республиканским властям главная причина — все та же торговля: какой принимать налог? Убийственный или мало-мальски приемлемый. Центр хочет убийственного налога. У центра есть адепты — они привыкли обирать население. Обобранное население не пригодно ни на что, кроме попрошайничества и воровства. С первого своего дня большевики объявили обывателя мошенником. На этом постулате строились все их законы: докажи, что ты не украл. Кому доказывать? Комиссиям, комитетам, собраниям. Можно доказывать всю жизнь — и не докажешь. За взятку — можно доказать вмиг. Безмен и аршин здесь ни при чем. Наука и здравый смысл здесь ни при чем. Революционная совесть? Чья совесть? Совесть чиновников, экспроприаторов, грабителей. Совесть толпы — вороватой, попрошайнической. Никого так не истязают в этой стране, как работящего инициативного человека. На него навалилось тупое железное государство. На него навалились убогие нищие, предводительствуемые этим государством.

Когда-то Шпенглер пророчил: двадцать первый век — век цезаризма. Наш век был насыщен цезарями под завязку. Они убивали торговлю, они натравливали восторженных оболваненных подданных на своих врагов. Но ни один из этих цезарей не ликвидировал собственность. Когда этих сволочей прогнали, выяснилось, что народы еще дышат. Они еще способны к возрождению. Побежденные воспряли и посылают милостыню нам — победителям. Почему? Потому что у них оставалась частная собственность. Ни один цезарь не решился ее ликвидировать. А у нас, у победителей, собственности не было. Ленин начал с ее уничтожения. И мы оказались нищими. Ликвидация в семнадцатом году безмена и аршина лишила четыре поколения нормальной осмысленной жизни. Ликвидация безмена и аршина — это убийство и кровь, кровь, кровь... это насаждение лжи, лжи и лжи. Мы выбираемся (если выбираемся) не из-под ленинско-сталинского цезаризма. Мы выбираемся (если выбираемся) из-под кровавого утопизма, вооруженного разрывными пулями, которые отлили сами для себя, для своих детей и внуков. Мы продолжаем расстреливать сами себя. Восемнадцатилетние недоросли, не державшие в руках ни безмена, ни аршина, сразу после детских пистолетиков взяли в руки боевые автоматы. Они умеют только убивать.

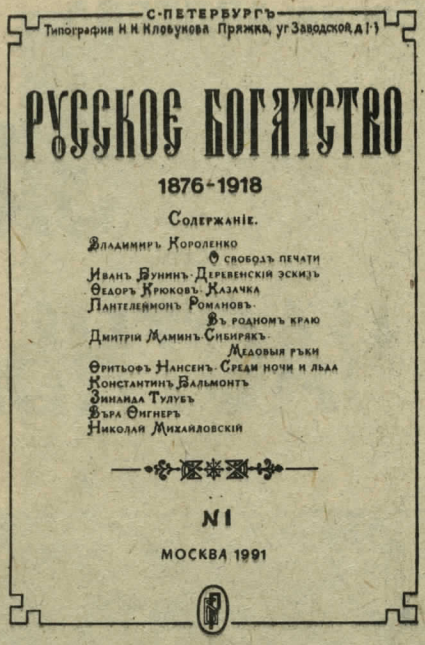
Сейчас снова трещит радио: компартия должна перейти в наступление!..

В какое еще наступление?

Геноцид? — Уже сделали.

Земля? — Уже изуродовали.

Генофонд? — Уже изувечили.


С-ПЕТЕРБУРГЪ
Типографія Н. Н. Клобукова Пряжка, уг. Заводской, д. 1

РУССКОЕ БОГАТСТВО

1876-1918

Содержаніе.

Владиміръ Короленко
О свободѣ печати
Иванъ Бунинъ-Деревенскій эскизъ
Ѳедоръ Крюковъ-Казачка
Пантелеймонъ Романовъ-
Въ родномъ краю
Дмитрій Маминъ-Сибирякъ-
Медовыя рѣки
Ѳритьофъ Нансенъ-Среди ночи и льда
Константинъ Бальмонтъ
Зинаида Тулубъ
Вѣра Фигнеръ
Николай Михайловскій

N 1

МОСКВА 1991

В какое еще наступление? Чего еще надо? Последней крови? А может быть, уже не крови — сукровицы?

Ну, допустим, они «вылезут из окопов» и снова возьмут власть. Они возьмут власть в разваленной, разворованной, обезумевшей стране. Они уже не те, что были даже десять лет назад, когда рабов заставляли вкалывать призывами и бичами. Как ею управлять? Об этом «вылезшие из окопов» не имеют даже понятия...

Мы научились только врать. Вранье стало понятием, признаком ума. Обжулить, обдурить, облапошить, размахивая непобедимым знаменем марксизма-ленинизма. Эта светлая наука стоит на двух действиях: стрелять и врать. Детское слабоумие вознесено в ранг государственной политики. За вранье дают звания, за слабоумие повышают в чинах.

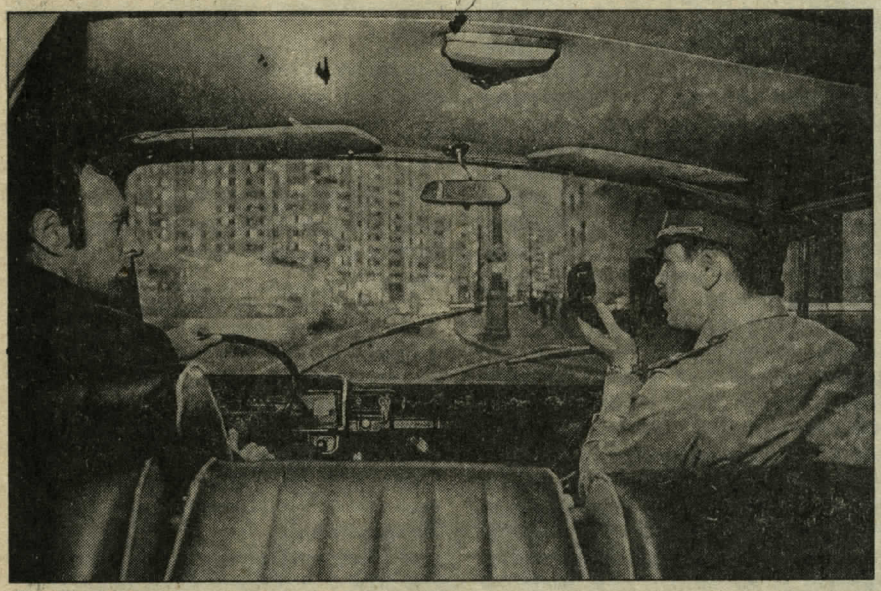
Сорок пять лет войны с мирным населением — вот и весь ленинизм.

Ну, допустим, они взяли власть. Где же они возьмут портянки и кашу? Этого уже никто не будет делать. Потому что у них не хватит автоматчиков, чтобы приставить к каждому рабу.

■

Елена АВДЕЕВА

ЗАБАСТОВКА ЧАСТНЫХ ДЕТЕКТИВОВ



может состояться, если на сессию Верховного Совета будет вынесен «незрелый» проект Закона о негосударственных детективных службах, подготовленный МВД России.

— Ибо этот документ напрочь противоречит здравому смыслу, — прокомментировал это решение член Совета директоров Федерации независимых профсоюзов России Андрей Ильич КОСЯКОВ.

В чем же дело? Частная детективная деятельность существует в стране всего полтора года, но уже в 1990 году, на стадии своего формирования, негосударственные структуры принесли государству около 10 миллионов рублей дохода — об этом сообщило МВД СССР. Все это время частные детективы существовали вопреки всем законам страны, но вот республиканский парламент вспомнил и о них: в мае 1991 года увидел свет Закон о милиции РСФСР, в двух пунктах которого упоминались детективные службы. В Постановлении о порядке введения этого Закона в действие оговорен срок, в течение которого Комитет по вопросам законности, правопорядка и борьбы с преступностью совместно с Комитетами по безопасности и по законодательству должны были разработать и представить на рассмотрение Верховного Совета РСФСР проект Закона о негосударственных детективных службах в РСФСР.

Срок — два месяца — истек 16 июля. И вот я держу в руках проект Закона, «ни слез, ни смеха не скрывая».

Первое нарушение, которое сразу бросается в глаза, — в составе комиссии, готовившей этот проект, нет ни одного члена вышеупомянутых Комитетов Верховного Совета РСФСР. И еще одна деталь — из двадцати членов комиссии лишь пять человек — «люди без погон», все остальные так или иначе имеют отношение к МВД или КГБ. Может, именно этим объясняется абсурдность документа, который они сотворили?

Начинаем читать: **Статья 5. «Руководитель указанных объединений должен иметь стаж работы в органах внутренних дел или госбезопасности не менее 15 лет либо высшее образование и стаж работы в этих органах не менее 10 лет. Для этих лиц, имеющих высшее юридическое образование, стаж работы не может быть менее 5 лет».** А теперь посчитаем: в милицию юношей берут только после службы в армии — это им уже как минимум 20 лет — и еще плюс пятнадцать: вот и тридцать пять, когда уже отягощен заботами и семьей, а энтузиазма поубавилось. Вот теперь можешь броситься в бурное море частного предпринимательства и создавать свое детективное агентство, но только в том случае, если МВД РСФСР разрешит.

Статья 6. МВД РСФСР «выдает разрешение на создание объединений частных детективов... и открытие частных учебных заведений, занимающихся подготовкой кадров для негосударственной детективной деятельности». Во-первых, даже если у тебя есть необходимая выслуга лет, но чем-то не устраиваешь МВД РСФСР (хотя бы фактом добровольного ухода из органов внутренних дел в частные детективы), то разрешения ты можешь и не получить. Во-вторых, статья 6 грубо нарушает Закон — Комитет по народному образованию постановил, что право на создание любого, даже частного, учебного заведения имеет любой гражданин СССР, не спрашивая на то согласия Министерства внутренних дел.

Но МВД РСФСР не думает ограничиваться только выдачей разрешений. **Статья 10. В системе МВД РСФСР «образуются специальные подразделения, сотрудники которых наблюдают за исполнением настоящего Закона и установленными в нем требованиями, относящимся к негосударственной детективной деятельности».** Стилистически красиво написано, и становится однозначно ясно, что ни к чему, кроме очередного раздувания штатов МВД РСФСР, подобная мера не приведет. И потом — функция наблюдения за законностью возложена на прокуратуру. Так зачем же в системе внутренних дел создавать структуры, дублирующие прокуратуру, — и только для негосударственной детективной деятельности? Но и это еще не все! **Статья 10. «Лица, осуществляющие контроль, в любое время имеют право доступа в объединения частных детективов. Они могут знакомиться со всеми необходимыми для выполнения возложенных на них функций документами».** Две фразы, и в них снова два нонсенса! Что значит — в любое время? КГБ СССР в законодательном порядке еле-еле отвоевал себе право входа в помещение в случае чрезвычайных обстоятельств: в случае преследования человека, по суду признанного преступником, и в случае, если в помещении в данный конкретный момент совершается преступление. А частные детективы, очевидно, не люди и живут не в Советском Союзе — они-то должны открывать дверь всегда для осуществления контроля (контроль же сам по себе мера далеко не чрезвычайная). Что значит — знакомиться со всеми необходимыми документами? Как, позвольте спросить, знакомясь со всеми документами, МВД РСФСР собирается обеспечивать сохранность конфиденциальной информации частных детективных агентств, которые будут в какой-то мере конкурентами милиции? Смею предположить, что никак, а это значит, что конфиденциальная информация агентств и — что хуже — клиентов частных детективов будет уходить направо и налево, подрывая престиж негосударственных служб.

Ладно, прочитают члены Верховного Совета РСФСР данный проект, посмеются над статьями типа **«частным детективам запрещается продолжать свою профессиональную деятельность в случае вторжения в сферу деятельности органов внутренних дел или государственной безопасности»** (интересно, как на практике требование этого положения будет осуществляться в стране, где абсолютно все — сфера деятельности МВД или КГБ), повычеркивают половину «туфты», но ведь останется краеугольный камень этого Закона — вопрос о лицензиях.

Статья 6. «Лицензия выдается органами внутренних дел за плату на срок до пяти лет или для выполнения конкретного задания с определением порядка, объема и способа его выполнения». На деле получится так — раскроешь какое-то дело, которое оказалось милиции не по зубам, так называемый на профессиональном жаргоне «висяк», а у тебя в отместку, «шоб не совался наперед батьки», лицензию на деятельность через пять лет и отберут. Или обратится к тебе старушка с просьбой найти пропавшего месяц назад сына, и ты первым делом побежишь в милицию за разрешением, на ходу описывая, сколько времени и по каким конкретно подвалам будешь ползать в поисках предполагаемого трупа.

Но и это еще не конец абсурда. Трудно представить, но МВД РСФСР предлагает подвергнуть лицензированию каждого работающего в России частного детектива. Если этот пункт будет законодательно принят, то руководителям негосударственных структур времени будет хватать только на то, чтобы униженно обивать всяческие милицейские пороги с просьбами выдать лицензию на каждого нового работника. Но **«лицензия не выдается:**

— подвергшимся административному аресту» (понятия «административный арест» не существует в природе вообще. Отдельно существует арест, отдельно — административное задержание. В случае административного задержания ситуация будет выглядеть так: вас остановили на улице сотрудники милиции и попросили предъявить документы, которых у вас при себе не оказалось. Вас попросили пройти в отделение милиции для установления личности. Это и есть административное задержание. Лицензию на детективную деятельность вам уже не получить. Арест — это когда с санкцией прокурора вам предъявляют обвинение со всеми вытекающими отсюда последствиями. Остается только догадываться, что именно имело в виду МВД РСФСР);

— «уволенным из правоохранительных органов и Вооруженных Сил за проступки, дискредитирующие звание сотрудников этих формирований» (всей стране известно, что до недавнего времени только за дискредитацию и можно было уволиться из армии, КГБ, МВД по собственной инициативе; что людей вынуждали дискредитировать звание, а заодно и поливать себя всеми мыслимыми и немыслимыми сортами грязи, а потом образцово выгоняли, «забыв», что до этого люди годами писали рапорты с просьбой об увольнении во все инстан-

ции);

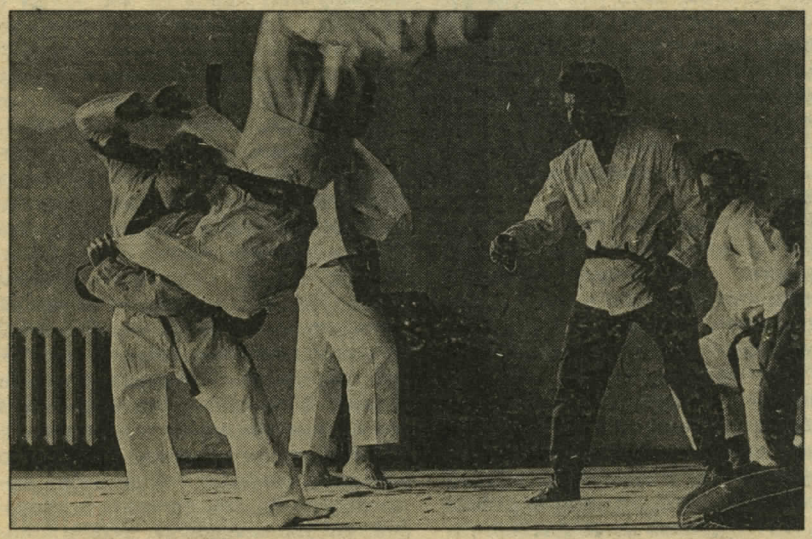
— **«бывшим работникам правоохранительных органов, со дня увольнения которых не истек годичный срок, а сотрудникам, осуществлявшим оперативно-разыскную деятельность, — до истечения трех лет»** (я этот пункт понимаю так — попробуй не подохнуть с голоду без работы год, а то и все три, а только потом, изрядно дисквалифицировавшись, можешь попытаться стать частным детективом);

— **«не представившим анкету установленного образца, фотографии и отпечатки пальцев рук»** (Бог с ней, с анкетой, но представлять отпечатки пальцев человеку, обязанному бороться с преступностью, вопреки сложившейся мировой практике, когда отпечатки пальцев берут у лиц, подозреваемых в совершении преступления лишь только после предъявления официального обвинения, а в некоторых странах — лишь после вынесения судом обвинительного приговора! Мало того, что эта фраза нарушает статью 7 Всеобщей декларации прав человека (подписанную, кстати, Советским Союзом): «Все люди равны перед законом...», но и снова остается лишь догадываться, за кого МВД России принимает всех негосударственных детективов — за потенциальных преступников? за дураков?);

— **«не имеющим поручительства или рекомендации органов местного самоуправления по месту жительства»** (а вот это нарушение статьи 12 той же Декларации: «Никто не может подвергаться произвольному вмешательству в его личную и семейную жизнь». Да и кто может с полной уверенностью сказать, что ни один сосед не держит на тебя зла и, когда придет время составлять рекомендацию, не припомнит всех грехов типа музыки после одиннадцати часов вечера или залитого десять лет назад потолка?);

— **«не прошедшим специальную подготовку и не сдавшим квалификационные экзамены»** (этот пункт — для тех, кто прорвался через все предыдущие. Что это за специальная подготовка: физическая, огнестрельная, криминалистическая? Кто за эту специальную подготовку будет платить? Из чего будут состоять квалификационные экзамены? Кто будет входить в комиссию по приему этих экзаменов? По каким параметрам будут оцениваться экзаменующиеся? Обо всем этом проект Закона стыдливо умалчивает).

Столько требований и запретов — и ни одной социальной гарантии: ни в случае получения телесного повреждения, ни в случае причинения морального ущерба, ни в случае нанесения материального ущерба, ни в случае смерти на рабочем месте. Получается так: запрещать все будем на государственном уровне, а минимальные оставшиеся после запрещения права пусть обеспечивают сами детективные объединения. А после всех запретов у негосударственных детективных служб остаются, похоже, только два права: звонить по телефону и ездить в автотранспорте.



У меня возникает вопрос к организационно-инспекторскому управлению МВД РСФСР, сочинившему сей проект Закона, — на что вы рассчитывали и для кого старались? Вы решили, что реально перестроить под требования этого документа десятки тысяч частных детективов, входящих в Федерацию независимых профсоюзов России? Вы думали, что этой бумагой поставите «на место» структуры, успешно работающие полтора года, невзирающие на все палки, которые вы успели вставить в их колеса?

Акционерному обществу «Сыскное бюро «Алекс» тоже надоело существовать и работать без закона, регламентирующего его деятельность. «Алекс» требует немногого — снятия запрета на профессию частного детектива и выработки справедливого закона, по которому МВД РСФСР и негосударственные детективные службы будут независимы друг от друга. «Алекс» не согласен на монополию МВД в области негосударственной детективной деятельности, ведь уже принятый антимонопольный закон гласит: «любые действия, направленные на сохранение монополий на товар, продукт, информацию, технологию, — нарушение закона».

— Если Верховный Совет России примет проект Закона о негосударственных детективных службах в том виде, в котором его представляет МВД РСФСР, то нам останется только одно — сменить название и уйти в глухое подполье, выполняя ту же самую работу, которую делаем сейчас, только нелегально. От этого пострадают в первую очередь люди, обращающиеся к нам за помощью, — сказал на прощание А.И.Косяков. — И еще пострадают те, кто должен сейчас прийти к нам на работу — после предстоящей новой волны сокращений из рядов Вооруженных Сил. По самым скромным подсчетам, мы можем предоставить бывшим военнослужащим 250 тысяч новых рабочих мест только по России. Охранник «Алекса» получает от 1.200 до 2.500 рублей в месяц. Если проект будет принят, то все эти 250 тысяч мужчин пойдут регистрироваться на биржи безработных. Государство гарантирует им в лучшем случае 160-рублевое пособие. Неужели депутаты Верховного Совета России при голосовании об этом не задумаются? ■

Олег ПЕТРОВ

КРЕСТНЫЙ ОТЕЦ ЖИВЕТ В МОСКВЕ

(Продолжение. Начало в № 45)

Виситов Ваха Шарпудинович.
30.04.68 г. — 26.09.91 г.

В прошлом номере мы начали публиковать серию статей о чеченской преступной группировке в Москве. Пока первый из серии материал находился в типографии, политическая ситуация в Чечено-Ингушетии, к нашему превеликому сожалению, резко обострилась. Признаемся честно, была мысль отложить продолжение «чеченской» темы до разрешения конфликта.

Но, здраво поразмыслив, мы решили, что наша «чеченская» тема к политике не имеет никакого отношения. Мы пишем о преступниках и только о них. Понятия «негодяй» и «мерзавец» интернациональны. Они позорны для любой нации, и, к несчастью, ни одной, даже самой цивилизованной нации, еще не удалось избежать этого позора.

Путь известен — бороться с преступниками можно только всем миром, сообща.

Мы продолжаем публикацию.

Часть вторая

«ОТХОДНЯК БЫЛ УЖАСЕН»

Операция началась в 23.00. В час «икс», известный любому студенту, живущему в общежитии. Потому что в 23.00. гости, пожелав хозяину спокойной ночи, обязаны покинуть помещение, нравится им это или не очень.
В 23.00, подарив гостям 20 минут на разъезд, автобус с ОМОНом и несколько оперативных машин подкатили к центральному входу. ...Крошечный смуглый бангладешец, пугливо озираясь, пробирался по коридору. Слегка обалдевший от топота сапог по лестницам и обилия угрюмых, «пятнистых» фигур, заполонивших общежитие, он обрел дар речи сразу, как только понял, что, собственно, происходит.
— Проходите, проходите, — закивал головой, всовывая ключ в замок трясущимися руками. И запричитал быстро-быстро, коверкая и глотая слова. — Вон, сколько замков поставил, потому что боюсь. Врываются в комнаты, бьют, забирают, что хотят. Они не люди — звери. Брата связали и все вещи забрали. Вьетнамца убили. Вот у меня газовый баллончик, и вот, и вот. Выйти из комнаты страшно. Сделайте же что-нибудь!!!

«Глубокоуважаемый Борис Николаевич!
Вынуждены к Вам обратиться студенты-механики Московского института инженеров железнодорожного транспорта, проживающие в общежитии № 1.

Уже около года в общежитии сложилась невозможная обстановка для проживания в связи с самовольным заселением в общежитие чеченской мафии. Они захватили несколько комнат, постоянно пьянствуют, изготавливают и употребляют наркотики. Все, не скрываясь, ходят с холодным и огнестрельным оружием. Угрожая оружием, насилуют студенток. 10 мая изнасиловали, угрожая ножами, двух студенток в душе. Так как им угрожали расправой, это стало известно только через несколько дней.

16 июня при попытке сопротивления изрезали ножом и только случайно не убили студента Алиханова. Многих студентов зверски избили, вскрыли и обворовали целый ряд комнат. Попытки студентов сопротивляться приводят к садистским издевательствам над человеческим достоинством и угрозам перестрелять всех из автоматов. Мы уверены, что это не пустые угрозы, а против автомата с голыми руками не пойдешь, хотя у нас достаточно здоровых и всему обученных ребят.

В конце июля после ссоры с чеченцами застрелился из самодельного пистолета (как говорят) наш студент Балаханов. Мы не верим, что он сам застрелился. Мы неоднократно обращались в самые разные инстанции за помощью...»

Из письма Б.Н.Ельцину, подписанного 346 студентами.

ДНЕВНИК КОМНАТЫ 6010. (начат в январе 1991 года)

Ночь с 31 декабря на 1 января (новогодняя). Кафе «Печора».

В начале вечера ни у кого не было настроения. Халявы не намечалось. Но вдруг откуда ни возьмись появился молодой человек — араб из республики «Еймен» (авторская орфография сохранена. — *Ред*). И приглашает Таню на медленный танец.

Лена Б., не долго думая, грациозно поднимается со своего столика, подходит ко второму арабу и уводит его, улыбаясь, танцевать. После этого, удобно устроившись за столиком у молодых людей, пьют за Новый год.

И тут начинается настоящее празднование Нового года. Таня И. раздавала телефоны направо и налево, Ирина Ч. и Ирина Б. пили за здоровье. Лена Б. — уж очень ей понравилась чалма — постоянно снимала ее со своего спутника и одевала себе на голову. Нина Л. объясняла соседу по столику, где она живет. Нина с Таней допились до такого, что делали неприличные знаки мужчинам за соседними столиками, невзирая на то, что те были с девушками.

Все шло своим чередом, не считая того, что из-за Тани И. одному из арабов набили морду так, что у него не было видно глаза. После этого кто-то подал клич: «Домой!» Но Лена Б. еще не была удовлетворена нормой на сей вечер и пошла наверх принять еще во внутр. Тут Таня И. показала всем, на что она способна в гневе. Она побила все рюмки на своем столике, за исключением той, что держала Лена.

Машины объезжали нас, как могли, ни один дурак не остановился. Пришлось ехать на метро. В метро пристали какие-то мужики, и арабы обратились за помощью к менту, ехавшему рядом. Но мент посчитал нас нехорошими девушками.

После этого мы кинули свою халяву (арабов) и ушли.

Наутро — отходняк.

Ночь с 13 на 14 января.

Лена всю ночь приставала к Тофику. Короче, все упились.

16 января. День рождения Гии.

Присутствовали: с нашей стороны трое отважных — Лена, Таня, Ира, с их стороны 10 человек (сначала). Долго искали подарок, но потом решили, что сами мы подарки, и с наглыми рожами заперлись в гости. Нам были рады. Начали пить куль-

турно, но быстро опьянели. Главное: — Танька захотела Бесо, но забыла об этом и весь вечер не могла вспомнить, что ей от Бесо надо. Бесо страдал.

— Ника захотел Таню, устроил драку с русскими. Она, спасаясь от Ники, залезла в шкаф, и Ленка никак не могла ее оттуда вытащить. Пострадал шкаф.

— У Лены целью вечера был Тофик. Но Гия почему-то пожалел друга и утащил его от Лены, которая сразу же пообещала устроить Гие... (пропуск по цензурным соображениям. — *Ред.*)

Наутро Ира не сдала очередной экзамен. У всех легкий отходняк.

25 января. «Татьянин день». Кафе «Перекоп».

Как всегда, вся «мафия», за исключением Люси Л. Навострили лыжи в свое любимое пристанище, где и были встречены приветливо своим постоянным официантом Борей.

Таня поехала в юбке и, пренебрегнув общественным мнением окружающих, при танце «Лезгинка» кружилась так, что у нее было видно не то, что находится сверху, а то, что находится снизу.

Ирина Ч. сидела за столом, спокойно попивая водку, и спокойно, не торопясь пришла в такое состояние, при котором лишь выделяла нечленораздельные звуки. Из них окружающие поняли только фразу: «Где мой Гия? Я его убью!» При этих словах она схватила нож и начала усердно тыкать им в стол.

Боря-официант, видимо, решив, что он нам очень поможет, сказал, что Лену и Таню хотят снять за марки два очень симпатичных человека (20 марок каждой). Пришлось сказать, что этим делом не увлекаемся.

К Тане в туалет ворвался какой-то мужчина, которого она еле выгнала оттуда.

При выходе из кафе с Леной решили пошутить, отняв у нее номерок. Но так как с этими девушками шутки плохи, обычно сразу же начинается драка. Причем дерутся не сами девушки, а их кавалеры, которых девушки затем всегда кидают.

На этом все. Хочу лишь добавить, что у Иринок и Нины наутро были госэкзамены.

8 марта.

Собрались в «Перекоп», взяли с собой 3 бутылки водки. Круто обломались: кафе было закрыто, точнее, там были одни негры.

Расстроенные приехали домой. Сообразили закуску на 4-м этаже, у монгольцев. Выпили, потом еще выпили. Потом начали приходить: Гия с Тофиком и с бутылкой, Лом-эли с шестью букетами и с шампанским, Вовка с какими-то чеченцами. Потом уже вообще пили все подряд.

В 10-й вынесли дверь, так что ночь спали, как в купе, — отодвигай дверь и входи. Наутро оказалось, что выпили всего 8 бутылок.

«Профилактическое мероприятие» по наведению порядка в общежитии было назначено на 26 сентября. Жизнь внесла некоторые коррективы в хитро выверенный план-расчет отдела по борьбе с организованной преступностью.

«Телефонограмма.

59-я ГКБ* сообщает, что 25.09.91г. в 23.25 самотеком поступил Ибрагимов Саламбек Султанович, 23 года, проживает в Чечено-Ингушской республике, не работает. Со слов: 25.09.91г. в 22.30. в общежитии № 1 МИИТа в комнате 8016 был порезан неизвестным. Диагноз: колото-резаная рана правого предплечья».

«Телефонограмма.

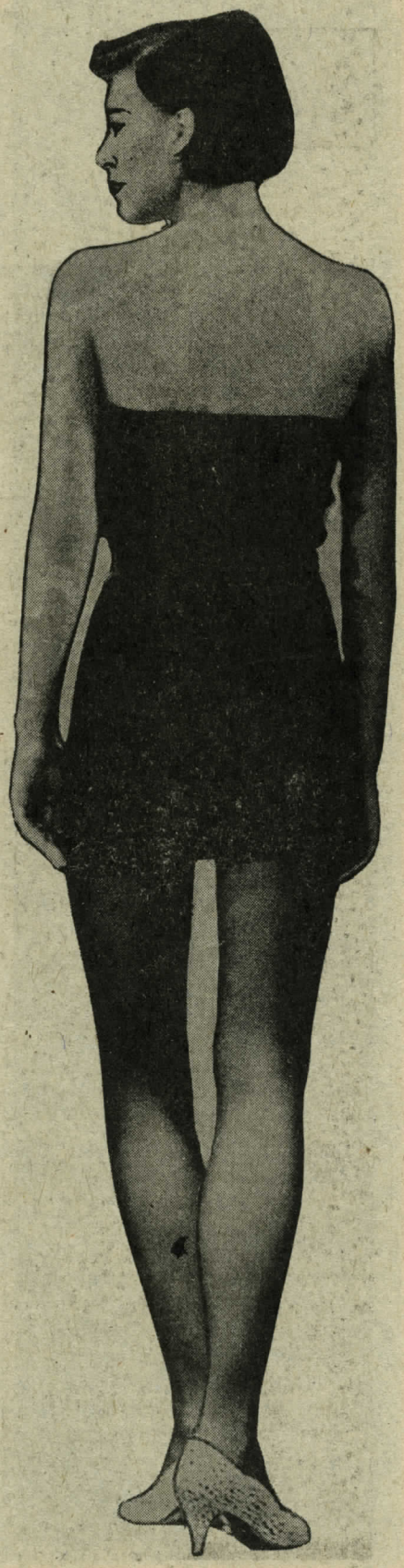
Институт им. Склифосовского сообщает, что 26.09.91г. в 00.35 «скорой» № 139685 из 59-й ГКБ доставлен гр. Вистов Ваха, 23 года, место жительства неизвестно. Со слов «скорой»: порезал неизвестный в общежитии № 1 МИИТа. Диагноз: резаная рана брюшной стенки, алкогольное опьянение. Госпитализирован в операционное отделение».

Из объяснения.

«Я, И-ва Т.В., 25 сентября 1991 года находилась в комнате 6016. Сидели, играли в карты: я, моя родная сестра, Елена Б., Лом-эли, Саламбек и Ваха.

Где-то в начале одиннадцатого вечера в дверь постучали. Вошел молодой человек, лет 20. В джинсовой куртке, крепкого телосложения, среднего роста, волосы русые, слегка кудрявые. Он поинтересовался, кто здесь Ваха, и попросил выйти его из комнаты поговорить. Буквально секунд через пять Ваха ввалился в комнату уже раненый. Сквозь открытую дверь было видно незнакомого молодого человека с ножом...

Саламбек с Лом-эли выскочили в коридор, но ничего не смогли с ним сделать. Через некоторое время в комнату вошел Саламбек, тоже раненый. Незнакомец побежал, разма-



* Городская клиническая больница

Хожа Нухаев — один из лидеров московской чеченской общины — дает указания старшим боевых групп.

Мовлады Атлангериев («Руслан») и Хожа Нухаев обсуждают предстоящую операцию. В марте 1991 г. оба осуждены за вымогательство (к 8 годам лишения свободы каждый).

«Тимур» — боевик московской чеченской общины. В апреле 1990 г., скрываясь от правосудия, выехал в Париж.

хивая ножом, вниз, за Лом-эли...»

В тот день Чечено-Ингушская республика не досчиталась одного из своих заблудившихся в московской дали сыновей. Гр. Вистов Ваха, 23 лет, утром 26 сентября скончался. Он стал восемнадцатой жертвой с чеченской стороны в непрекращающейся междоусобной войне.

ИЗ ДНЕВНИКА КОМНАТЫ 6010.

13 марта.

Вовка купил для нас всю «Печору», все песни на дискотеке и танцы. МИИТ кайфовал. Люсе потайными путями (под столом) передали на хранение пистолет, который она, не долго думая, засунула в сумочку к Лене.

Естественно, не обошлось без драки. Дагестанцы решили перебить песню, заказанную для нас. Вовка с этим смириться не мог. В результате толпа человек в пятьдесят носилась по залу со всевозможными действиями. Мы, конечно, с любимым нашим выражением: «Да ну их, девочки, на...» — сидели и спокойно пили.

Вовка тряс диск-жокея с криком: «Малинина давай!»

У входа в общежитие нас с Валерием Воротниковым, заместителем декана МИИТа, встретил суровый сержант с дубинкой и потребовал предъявить пропуска. Пропусков не было, поэтому нам пришлось рассекретиться.

Признаюсь честно: таких кошмарных следов недавнего обитания «гомо сапиенс» я не видел еще никогда. «Веселый» пятый курс отбыл, теперь уже в качестве молодых специалистов, в места дальнейшего проживания, оставив после себя выбитые двери, перевернутые кровати, порушенные шкафы, грязную посуду, протухшую еду, опостылевшее нижнее белье и прочие интимные принадлежности студенческого быта.

В коридоре шестого этажа, возле кухни, прямо под табличкой «У нас не сорят, уронил — подними» — гора мусора вполовину человеческого роста, наглухо перекрывающая проход. Худенькая девчушка из обитаемой еще комнаты ловко скакнула через гору и, поскользнувшись на арбузной корке, тем не менее удачно приземлилась по ту сторону.

— Я же предупреждал, — вздохнул Валерий Геннадьевич, — что мне стыдно сюда вас вести. И, бережно стерев пыль с обложки поднятой с пола «Политической экономии», привычно отметил для себя: — Надо в библиотеку сдать.

Открыли очередную дверь — и отшатнулись оба. Вместо пола — черная дыра до нижнего этажа. Был пожар, и деревянные перекрытия выгорели дотла.

Комната 5015 — заклятое место, никто не соглашается в нее селиться. Там жили чеченцы, и все боятся, что они вернутся.

— Не вернутся, — упрямо вскидывает подбородок Валерий Геннадьевич. — Петровка, 38, здорово здесь все почистила. Мы охрану поставили. Да и сами ребята поняли, что чеченцы не вечные, что и на них есть управа. Вот ремонт сделаем — у нас теперь малое предприятие, деньги будут, — я здесь порядок наведу, я вам обещаю. Придете тогда посмотреть?

В должности замдекана по общежитию Воротников ровно месяц. Сам прожил здесь все студенческие годы и помнит еще костровое стройотрядовское братство, когда все было не так — и деревья выше, и люди добрее.

Он из породы неутомимых романтиков, и очень хочется ему верить...

Чеченцы вернулись через месяц. Прорвались в общежитие, начали скандалить, пырнули ножом первого попавшегося студента и уехали опять.

ИЗ ДНЕВНИКА КОМНАТЫ 6010.

14 марта.

Напоили Лома. Начали с небольшого, но наутро оказалось, что выпили 6 бутылок. Все были просто хороши. Постоянные разборки. Кто-то вынес опять дверь. Снова проснулись «в купе» (засыпали нормально).

15 марта.

Утром Лом принес бутылку и конфеты, предложил похмелиться. Короче, часам к двум мы были о-го-го. Сходили в магазин за колбасой — испугали всю очередь.

24 марта.

Выпили 2 бутылки водки и 5 (!) шампанского. Обпились им. Предложение выпить шампанского воспринимается теперь как личное оскорбление.

Наутро мама разбудила нас учить сопромат. Спали 2 часа. Отходняк был ужасен.

15 апреля.

Лену с Таней забрали в 157-е о/м. Приехали оттуда они без настроения. Пили водку.

24 апреля.

Поздно проснулись, решили по-

кушать. Пришел Лом и поставил бутылку. Потом еще одну. Напились.

Пока мы с Ленкой отсыпались, всех забрали в 157-е. Потом отпустили.

25 апреля.

Вовка с Вахой принесли в 6015 канистру пива. Лена с Ирой снимались на Курском, потом сваливали с блатхаты. Вовка заехал Ире по голове дверцей машины. Потом еще сидели, пили на втором. Утром — небольшой отходняк.

26 мая. День рождения Лом-эли.

Лом-эли сначала разливал нам бренди, потом Ваха с Семеном принесли еще 2 бутылки водки. Пили без закуски. Люся, Лена и Ирина пошли в шоферку, пообещав всем остальным принести обязательно покушать. Но там встретили «жениха» и поехали кататься на автобусе. Плюс еще два мента из 157-го. С ними выпили коньяк. И еще сидели, пили в 2047.

Ленка отрубилась. Люся с Ирой выдержали все.

Следующий рейд пришелся на общежитие Плехановского института. Сомнительные комнаты — выявлены, омоновцы — розданы в помощь оперативникам, пес Лелик, презирающий запах наркотиков, ждет команды. И — вперед.

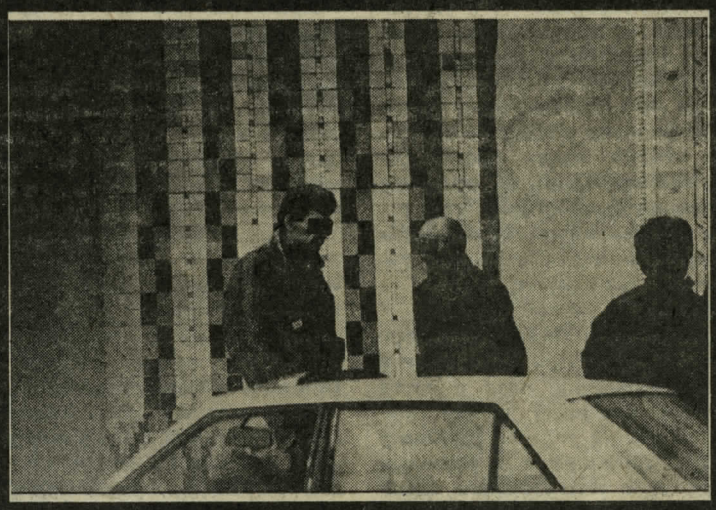
Стены 809-й расписаны страстными призывами: «Дорогой Казик, позвони мне...», «Жду всех завтра с 7 до 7.30 в Космосе...», «Позвони по телефону... не забудь, что за тобой».

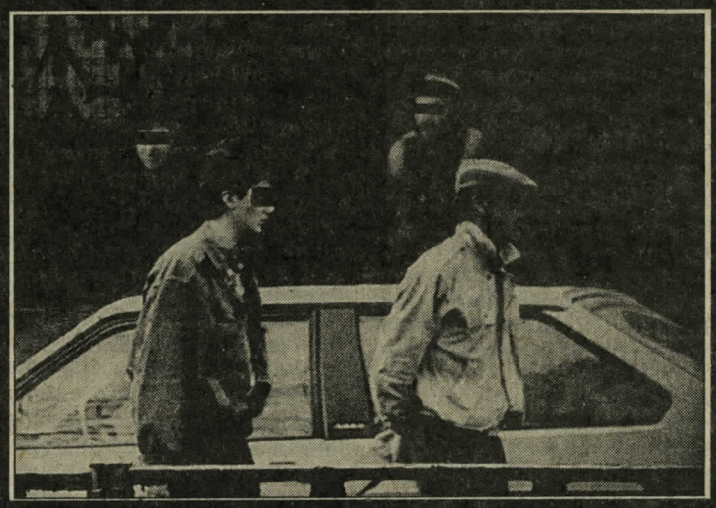
Жильцов нет дома, зато их очаровательная соседка из смежной (?) комнаты изо всех сил старается быть гостеприимной.

— Симпатичные такие ребята, вежливые. Нет, они к соседям хорошо относятся. Мы же им то рубашку погладим, то еще чем-нибудь выручим. Нет, о том, что грабят и насилуют, не слышала. А что, за ними, правда, что-то серьезное?

Со шкафа достается отломанная металлическая ножка стула — неплохое, между прочим, оружие в потасовке.

Хозяин 801-й под предлогом поиска ключа от захлопнувшейся двери исчезает навсегда. Принимается решение — дверь выбивать. Худощавый омоновец, разбежавшись сколько можно, в полете обрушивается сапогами на обреченную деревяшку, и та, страдальчески выгнувшись, собирается сдаться, но ключ поворачивается изнутри, и полуобнаженный громила в наспех за-





Чеченские боевики охраняют сходку лидеров группировки в ресторане «Узбекистан».

пахнутом одеяле добровольно вываливается в коридор.

В комнате — тюки, коробки, чемоданы — все забито вещами: тряпьем и обувью, слегка поношенными, но вполне еще сохранившими товарный вид. Сколько обкраденных студентов найдут здесь свое? Отдельно, завернутыми в тряпочку, хранятся несколько ножей.

— Ты кто такой? — интересуются у залетного молодца, стоящего лицом к стене, уже одетого.

— Чеченец, — шепчет тот.

А двумя этажами ниже, в красивой комнате с зеркалами и дорогими обоями, под вкусное вино и запах «Мальборо», красивый хозяин принимает красивых гостей. Барышню из Канады, приехавшую в стольный град по линии институтского комитета комсомола, ее спутника и верного московского рыцаря, а также... курсанта высшей милицейской школы, который вчера охранял вход в общежитие, а сегодня выходной.

Пятнистые люди растоптали сказку, а пес Лелик перенюхал всю экзотическую парфюмерию.

Канадская барышня отнеслась к ситуации с пониманием — говорят, у них очень уважают законы. Больше всех переживал застуканный там, где быть ему вовсе не полагалось, молодой охранник порядка. Суетился нервно и всем предлагал свои услуги.

А красивый хозяин-чеченец не находил слов, чтобы выразить чувства. Выражал жестами и, прощаясь, любезно подарил оперативникам свою фотографию. На память.

Итог рейда — 9 чеченцев, задержанных в неурочное время в общежитии, никогда не державших в руках студенческого билета МИНХа и вообще не понятно с какой целью оказавшихся в Москве.

ИЗ ДНЕВНИКА КОМНАТЫ 6010.

28 июня.

В общаге была ментовская облава, но нас проверили успешно. Пили на лавочке с П., которого потом забрали в 157-е. Ира Б. и Валя до трех ночи бродили по общаге с бутылкой, но так и не нашли, с кем ее выпить.

5 июля.

День рождения Ирины Б. Было решено отметить его на природе, куда и выехали на машине «Скорой помощи» наша компания, чеченцы и две чеченские бабы. Все упились. Осталась масса приятных воспоминаний.

23 августа.

Приехала Ира Б. с подъемными молодому специалисту, и, естественно, мы сорвались в «Печору». Начало было культурным, а потом понеслось. Наташа сразу пошла приглашать мужика на танец — он оказался кагэбэшником. Позже подключили и Лену — ей достался подполковник.

Лена устанавливала дружеские отношения с монгольцами: «Май нэйм из Лена». Люся работала с представителями Кубы. Ира танцевала лезгинку с аварцами. Таня с Ниной как самые трезвые только успевали за всем следить.

Лену пытались познакомить с каким-то мужиком, но она ему заявила: «Мне усатые не нравятся». Мужик офигел. «Печора» нам аплодировала.

На следующий день отходняк. Стыдно и смешно.

Вряд ли стыдно и совсем не смешно. Потому что смерть не бывает смешной, а на войне (что ж, что необъявленной?) гибнут люди. И в общем-то неважно с какой стороны. Слезы русских и чеченских матерей абсолютно идентичны по своему химическому составу, и неизвестно, чья вдова дольше проносит траур — в одежде ли или в сердце.

...Девятнадцатую жертву нашли 30 октября. Молодого чеченского парня, изрешеченного пулями в упор. Личность выясняется.

Вот страшная хроника последнего лишь года.

Началом перелома в соотношении сил можно считать октябрьское (1990г.) побоище в кафе «Восход», куда в черных масках слетелись вновь окрепшие «пушкинские» и скомандовали: «Всем чеченцам встать!» Три трупа (двое погибших — грузины, застреленные по ошибке!) и семь раненых. Последующая сходка чеченцев на Ярославском шоссе, приговорившая к смертной казни пятерых русских, как показали дальнейшие события, ничего не изменила.

Ноябрь 90-го года. С территории 4-го таксопарка увезены в больницу с травмами черепа два чеченских боевика.

Декабрь 90-го. Четверо русских просят администратора поселить их в гостиницу «Байкал», но подходят «хозяева»-чеченцы и отказывают чужакам. В начавшейся потасовке один чеченец зарезан насмерть, двое тяжело ранены. 4 января противоборствующие группировки продолжают выяснять отношения в ресторане той же гостиницы. Снова чеченцы получают ножевые ранения.

Март 91-го. Сокольники. Объединенные силы московской преступности дают бой чеченцам. С обеих сторон участвуют порядка 70 бойцов. Гибнут двое чеченцев. Кстати, сразу после этого был арестован один из главнейших чеченских лидеров.

19 мая. Измайлово. У гостиничного корпуса «А» расстрелян в упор из машины чеченец.

11 июля. Бауманский район. Опять бой местного значения. Из огнестрельного оружия убит на месте чеченец.

Конец августа. На Юго-Западе один из чеченских боевиков получил от «солнцевских» 4 картечины в голову и шею. Чудом остался жив.

26 сентября. Чеченец, приближенное лицо лидеров общины, с огнестрельными и ножевыми ранениями доставлен в 1-ю горбольницу. Где и кем ранен — не говорит.

Совсем недавний октябрь. Таксистские погромы на рынках. Избиваются все подряд кавказцы. Чеченцы, как известно, на рынках не торгуют, они «лишь» собирают дань, поэтому не пострадали.

25 октября. Тимирязевский район. В столкновении с армянами чеченец — мастер спорта по борьбе получает пулю в пах.

Этого достаточно? Надо ли вспомнить былые потери с противоположной стороны и скрупулезно высчитать, кто у кого в кровавом долгу?

Может, пора остановиться?

(Окончание в следующем номере)

Редакция благодарит ОБОГП УУР ГУВД Москвы за предоставленные материалы.

НАШ СПИД — ОН ЛУЧШИЙ В МИРЕ

Источник его — такая гадость с научным названием — «диоксин». И люди благонравные, и люди падшие могут его употребить с теми остатками еды, какие они найдут в обычном магазине. И подхватить болезнь — сродни СПИДу.

Как говорили старые цирковые шпрехшталмейстеры, «нервных просим удалиться». То есть не читать эту статью. В противном случае вам гарантируется снижение эндорфинов в крови (это гормоны удовольствия) и гибель нескольких миллионов нервных клеток...

Один из великих полярников сказал однажды, что человек может привыкнуть ко всему, кроме холода. Постоянный раздражитель перестает вызывать в нас ответную реакцию, хотя опасность от него не становится меньше. На фоне всеобщей нехватки продуктов, а кое-где и голода нам становится безразлично, что же мы едим и какого это качества. Экологическая грамотность населения, как выражаются математики, монотонно убывает и стремится к нулю. К примеру, что вы знаете о нитратах? Я, конечно, понимаю, что отсутствие картошки есть более актуальная проблема, чем присутствие в ней нитратов, но все же рискну задать вам вопрос: что будет, если скушать пузатый арбуз или гигант-помидор, эти жертвы перевыполнения плана по внесению удобрений? Расстройство желудка, понос, рвота, головная боль, ответите вы. А что будет, если есть такие овощи и фрукты постоянно? Будет все по Гегелю: переход количества в качество. Ваше здоровье пострадает по многим параметрам, но это, извините, мелочь по сравнению с тем, какими родятся ваши дети. Если у вас родится слабоумный ребенок, считайте, что вам повезло. Хуже, если получится дебил. Или урод. А ежели у вас уже есть дети, можете смело есть нитратные овощи — губить будете только себя...

Более серьезную опасность несет с собой диоксин. Вы, возможно, помните, что впервые это слово возникло после войны во Вьетнаме, когда американцы опрыскивали джунгли дефолиантами, дабы лишить деревья листьев и успешнее бороться с партизанами. Многие ветераны этой войны, имевшие дело с «эйджент оринджем», стали болеть черт знает чем. Я уж не говорю о вьетнамцах. А 10 июля 1976 года в итальянском городке Севезо в результате аварии в атмосферу было выброшено около 25 килограммов диоксина. Если капля никотина убивает лошадь, то капля диоксина... Тогда всем было не до метафор.

Чем же вреден диоксин? Результаты эпидемиологических обследований людей, живущих на зараженных территориях (правда, речь идет о территориях на Западе, поскольку у нас обследований по диоксину еще не проводили, ну а если проводили, то результаты держат за семью печатями), говорят, что диоксин вызывает депрессию иммунной системы. То есть действует как вирус иммунодефицита человека, вызывающий всем нам известный и даже как бы уже родной СПИД. Кроме того, диоксин способен повреждать печень, нервную систему, вызывать атрофию лимфоретикулярной ткани, бесплодие, выкидыши, врожденные уродства, замедленное послеродовое развитие, эндокринные болезни и рак. Диоксин способен накапливаться в организме и пребывать там всю оставшуюся организму жизнь.

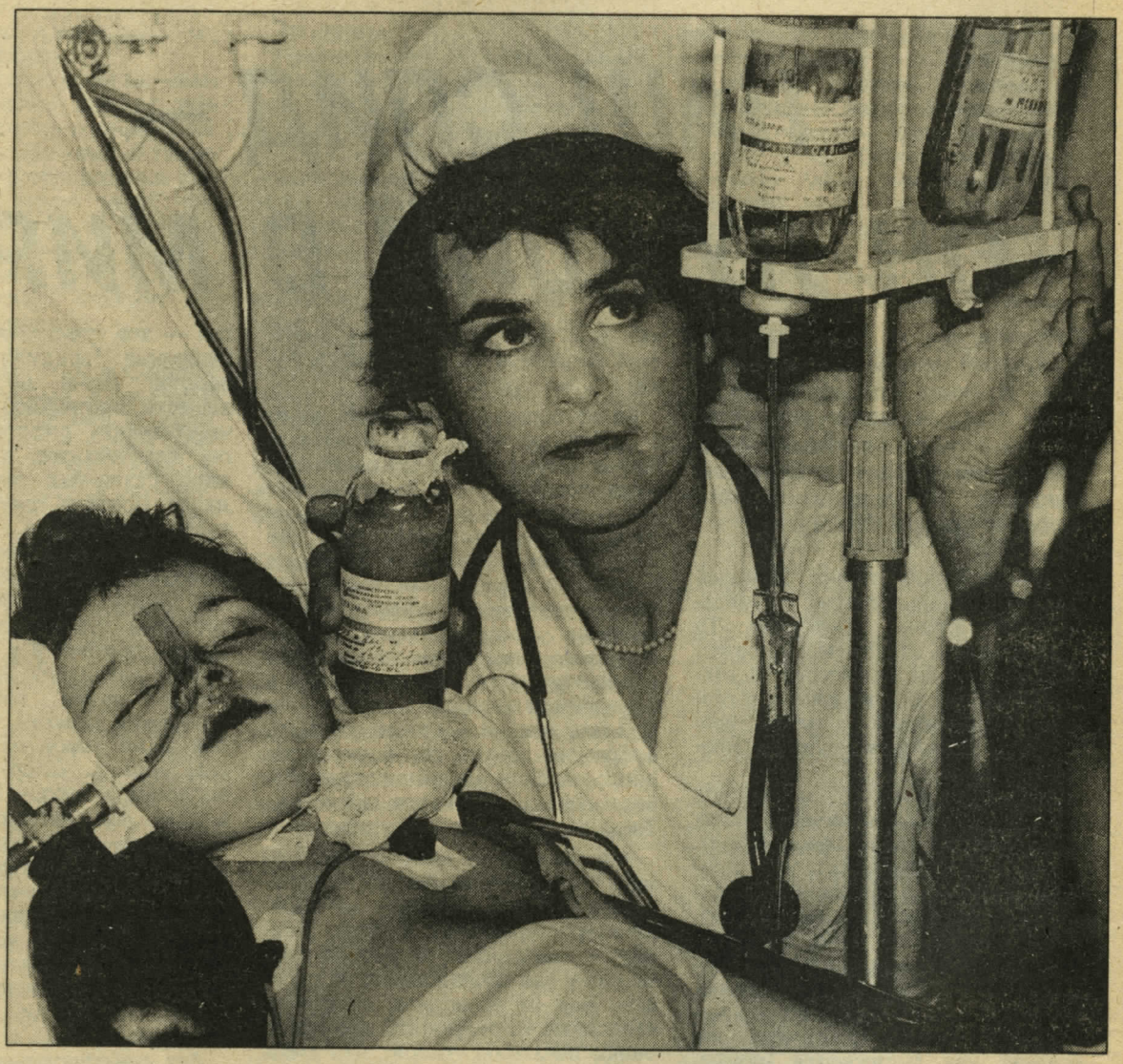
Откуда же берется этот самый диоксин? Если вы захотите узнать, кто его производит и зачем, у вас ничего не выйдет. Но это не самое страшное. Многие производители диоксина сами не знают, что производят диоксин. И дело не в секретности, а в некомпетентности. Диоксин — это технологическая примесь (побочный продукт) при производстве очень широкого класса веществ: пестицидов (в том числе «вьетнамских дефолиантов) и других ядохимикатов, а также пластмасс, различных полимеров и так далее. Подобно тому, как при изготовлении самогона в нем остаются сивушные масла, так и тут. Только диоксина образуется очень мало, его трудно обнаружить (поэтому и проблема эта встала за рубежом совсем недавно, а у нас до сих пор никому нет дела). Ситуация осложняется двумя обстоятельствами. Во-первых, диоксин токсичен в любой, даже самой малой концентрации, уловить которую — большая проблема. И второе. В химии нет вещества под названием «диоксин». Есть большая группа нескольких десятков «близнецов-братьев» гомологов, которые называются полихлорированные бифенилы и еще другими многоэтажными словосочетаниями и аббревиатурами: дибензо-п-диоксин, дибензофуран, ПХДД, ПХДФ, ТХДД и т.д. Их токсичность различна.

Для любознательных приведу одну пикантную подробность. Диоксин — один из продуктов, образующихся при горении пластмасс, пенопласта, поролона, различных полимеров. Так что если ваши окна выходят на мусоросжигательный завод или, что более вероятно, на обычную городскую свалку, которая, понятное дело, перманентно горит, то я выражаю вам свои глубокие соболезнования. Могу дать только один совет: не позволяйте детям играть на свалках и жечь пластмассу. Рекомендация выбрать виллу в более живописном месте прозвучит как циничное издевательство, так что я промолчу.

Вот и весь сказ. Как говорится, чем меньше знаешь, тем спокойнее спишь. Желаю вам здоровья в рамках ваших возможностей.

Все там будем.

Константин АРТАМОНОВ



За год доноров стало на треть меньше. Медики предупреждают — нехватка донорской крови катастрофична. Уже сегодня хирурги вынуждены откладывать плановые операции по этой причине.

Служба крови попала в порочный круг — чем хуже дела в стране, тем больше требуется донорской крови, плазмы, их препаратов — тем меньше остается людей, которые хотят или могут дать «жидкую ткань».

...В палате Станции переливания крови публика оказалась склонной к шуткам и острой на язык. Тут же стали учить фотокорреспондента, как надо снимать, заодно досталось и прессе — дескать, вместо того, чтобы сдавать кровь, журналисты заваливают соотечественников газетами и журналами. Потом на пакетах с кровью появятся фамилии этих шутников. Но вряд ли спасенные люди когда-нибудь узнают их. У нас не принято отыскивать «своих» доноров, не принято говорить им слова благодарности.

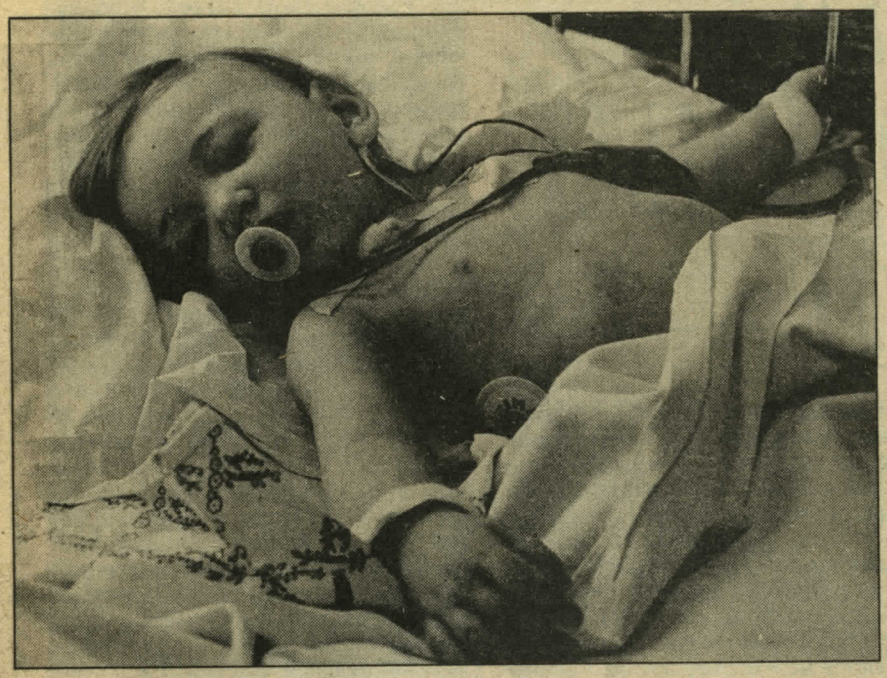
Потенциальные доноры, особенно молодежь, не спешат сдавать кровь — боятся заразиться СПИДом. Хотя двадцать миллионов одноразовых систем приготовлены на станциях переливания крови. Другие, наоборот, испытывают страх перед тестированием на СПИД — ведь теперь донорская кровь обязательно проходит такую проверку.

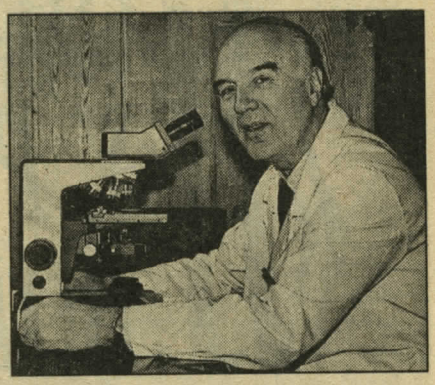
Причины эти, мягко говоря, несерьезны. Увы, донорство перестало быть социально-престижным делом. И не только потому, что за сданную кровь сегодня положены крохи — мизерная сумма денег, отгулы да талон на обед.

В цене нынче другое милосердие. Но пожертвовать миллион богатому спонсору все-таки легче, чем отдать каплю собственной крови.

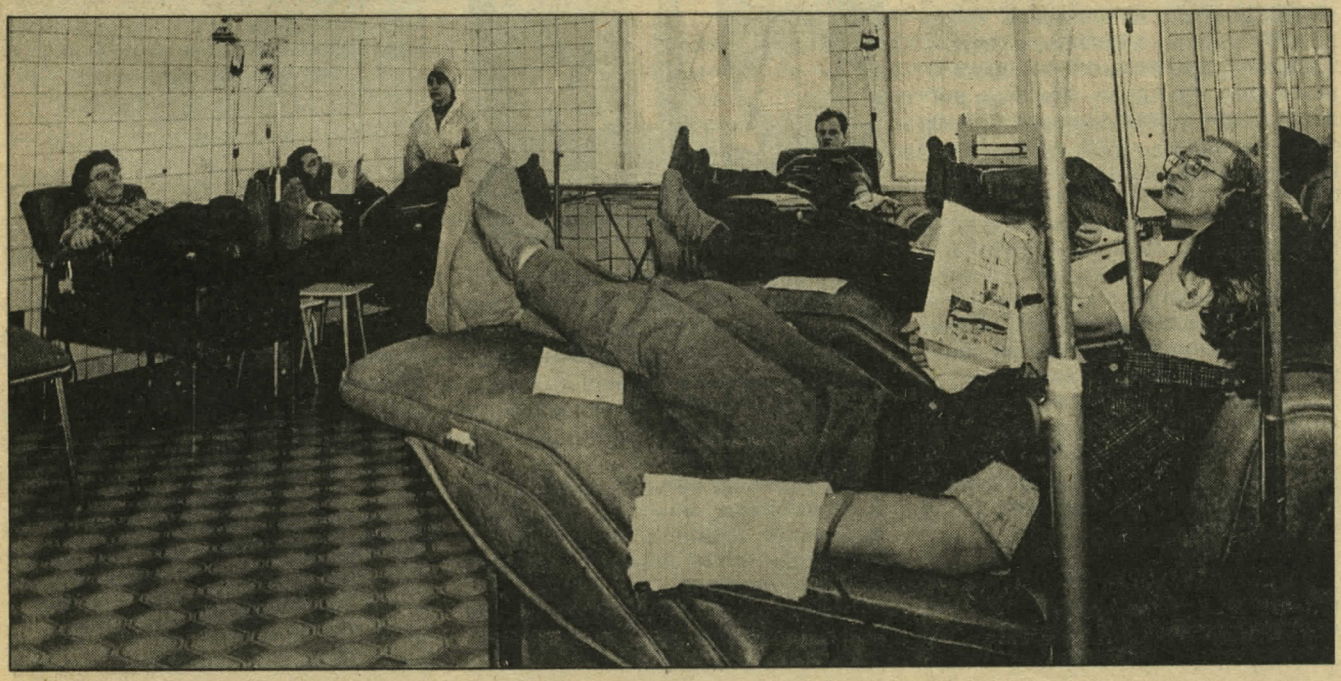
В развитых странах считается само собой разумеющимся не только сдавать кровь совершенно безвозмездно, но и делать это в свободное от работы время и даже никому не сообщать о благородном поступке. Мы пока не можем себе этого позволить. И вынуждены напоминать о благородном предназначении донорства, привлекать к этим людям внимание. Возможно, стоит подумать и о более серьезном материальном поощрении. Можно обойтись без всего, без донорской крови — нельзя.

В.КОВНАТ
Фото автора





МЫ С ТОБОЙ ОДНОЙ КРОВИ? ПРЕЖДЕ — ДА. ТЕПЕРЬ — НЕТ



«Я опять у родимых ворот» —

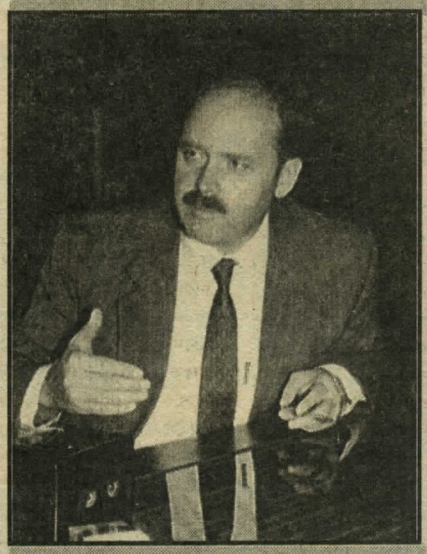
процитировал поэта директор Всесоюзной школы арендаторов и предпринимателей Кирилл Москаленко, имея в виду то, что занятия по приватизации в его школе ведутся по адресу Готвальда, 17, — то есть в бывшей ВПШ, которую сам Москаленко когда-то посещал в качестве слушателя. Остальные учащиеся Всесоюзной школы (арендаторы и предприниматели, биржевики и брокеры) слушают лекции в не менее достойных местах: одни — в здании ЦК профсоюза работников агропромышленного комплекса, другие — в доме отдыха «Валуево»... Сегодня в школе три факультета: арендаторов и работников малых предприятий и акционерных обществ; биржевиков и брокеров; приватизации. На очереди — открытие четвертого — по внешнеторговым операциям.

Школа была создана на базе малого предприятия «Велла-М» и журнала «Социалистический труд» (с 1992 года — «Человек и труд»). Запомнив хрестоматийное изречение о том, что идея — это сила, когда она овладевает массами, директор «Веллы-М», уже упомянутый К.Москаленко, и главный редактор журнала Глеб Подвойский (потомок, между прочим, знаменитого революционера) решили научить побольше людей коммерции. Начиналось все достаточно скромно, но за год дело приобрело размах, и с октября прошлого года школа выпустила почти две тысячи человек.

Слушатели школы, москвичи и приезжие, появляются каждое воскресенье, учатся до субботы и опять же в воскресенье уезжают, переполненные знаниями и впечатлениями.

— Кирилл Алексеевич, не мало недели для того, чтобы научить человека предпринимательству! Есть ли в вашей школе, кроме лекций, семинары, на которых разбираются конкретные деловые ситуации?

— На семинары, к сожалению, не остается времени. У нас все «сжато» так, чтобы, занимаясь по десять академических часов в день, люди могли уложиться в неделю: на больший срок их вряд ли отпустят с работы, ведь практически все они работают в новых структурах, где нет безразмерных штатов и множества



заместителей. Но это не значит, что на лекциях слушатели чего-то не получают — просто все говорится только по существу. Кстати, преподаватели охотно отвечают на вопросы, а вопросы — как раз по конкретным деловым ситуациям.

— Чуть ли не каждый день в стране появляются новые биржи, а коммерческие курсы и школы растут как грибы после дождя. Не пугает вас конкуренция?

— Думаю, то, что за один год мы выпустили почти две тысячи человек, говорит само за себя. А конкуренции мы не боимся по многим причинам: во-первых, обучение стоит сравнительно дешево: 1470 рублей, причем сюда входит стоимость гостиницы, питание (очень даже неплохое) и культурная программа. Правда, билеты домой оплачивают сами слушатели, но достаем их мы, так что людям не надо томиться в очередях. А между тем средняя цена за обучение в аналогичных школах сегодня — три тысячи: за пять дней обучения и без гостиницы. Во-вторых, мы подыскали прекрасных преподавателей: почти все, кто читает у нас лекции, имеют непосредственное отношение к законотворчеству. А кто еще сможет объяснить юридические и экономические нюансы! Для помощи слушателям мы пригласили экстрасенсов и психологов (кстати, одна из лекций психолога называется «Методы косвенного влияния на делового партнера»). И наконец, мы предлагаем многие нужные документы — они включены в стоимость — плюс, так сказать, дополнительная литература, которой можно пользоваться в библиотеке. Или купить. Например, комплект документов по брокерской деятельности стоит у нас 290 рублей. На рынке это обошлось бы рублей в девятьсот.

— Судя по тому, что вы рассказываете, школа идет вам чуть ли не в убыток...

— Нельзя сказать, что мы получаем большой доход от нее. Но я считаю, что цены должны быть социально приемлемыми, и потом, не всегда верно, что для хорошей отдачи достаточно только взвинтить стоимость.

— И куда же обращаться брокерам, биржевикам, арендаторам и тем, кто занимается приватизацией, чтобы повысить у вас квалификацию?

— Наш контактный телефон 177-28-80. Или писать: 117602, абонементный ящик № 602, «Информ — Москва».

Беседу вела Елена АВЕРИНА

ИМИДЖ РЕКЛАМА

Профессор, доктор экономических наук, банкир Михаил КОНОТОПОВ:

«Я НЕ ХОЧУ ЖИТЬ В ОБЩЕСТВЕ С ОГРАНИЧЕННОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТЬЮ»

Увы, еще живет в нас представление, что банкир — это человек, мягко говоря, нехороший. У него куча денег, роскошные лимузины, он курит толстые сигары и «делает» свой капитал на крови и поте трудового народа. Изъян такого представления складывался еще и потому, что до недавнего времени у нас в стране банков, по существу, не было, за исключением Госбанка, который, по образному выражению одного делового человека, являлся своеобразным Госснабом по деньгам. Имя этого человека — Михаил Конотопов, ему 38 лет, он председатель правления Российского инвестиционного коммерческого банка развития информационных структур (Стокбанк), доктор экономических наук, профессор. Но вместе с тем Конотопов—банкир, банкир нового склада, нового мышления, и уверен в том, что если бы в мире не сложилась банковская система, то в лучшем случае мы жили бы сейчас при феодализме.

В гимне, посвященном Стокбанку, есть такие строки:

Струится в людях кровь мощней силой сердца,
А деньги по стране, как сердце, движет банк.

Сказано точно. Но свою беседу с банкиром мы посвящаем не только такому «движению». Хотелось, чтобы наш читатель мог представить этого человека во всем многообразии его мыслей и дел, его взглядов на историю экономики и ее сегодняшний день, услышать, почему мы сейчас живем плохо и как будем жить завтра.

— Михаил, напомню один эпизод: тебя я встретил 21 августа, и ты, выскочив из машины, кричал чуть ли не на всю улицу: «Победа!», а потом, перебивая самого себя, рассказывал, что только от «Белого дома», был среди его защитников, дарил цветы и что никогда не испытывал в жизни такого душевного подъема, как в те минуты и часы... На профессора, доктора наук, тем более на председателя правления известного и солидного банка, карабкающегося с флагом на танк, это было мало похоже...

— Прости, пожалуйста, при чем тут профессор, доктор?.. Да, я был от радости на седьмом небе, чувствовал себя мальчишкой, какие там, к черту, звания, когда демократия победила! Да разве я один такое испытывал?! Возьми всемирно известного Ростроповича, и даже он назвал три дня, проведенные со своим народом в самое критическое время, лучшими днями всей его жизни!..

— Действительно, это были исторические дни, как и сама победа. Но, увы, победа, даже историческая, не может продолжаться вечно, после нее наступает время, когда нужно не просто отстаивать — развивать достигнутое. Причем развивать так, чтобы это было ощутимо для людей не в отдаленном и прекрасном будущем, но уже сейчас...

— Я понимаю, Леонид, куда ты клонишь. Дескать, победа состоялась, а моментальных изменений в лучшую сторону, в частности и в столице, не произошло. Более того, продуктов стало меньше, а очереди стали длиннее... И, разумеется, о, цены!.. Все это так, ничего, как говорится, не попишешь. Но смотря как к этому событию подойти. Октябрьская революция когда свершилась? И что произошло, мы тоже хорошо знаем — сколько десятилетий ждали, что вот-вот придет обещанное светлое будущее и мы заживем, как в сказке. А получалось,

действительно, как в сказке — только чем дальше, тем страшнее...

Не хочу проводить никаких аналогий, но я бы назвал свержение путчистов свержением всей прогнившей тоталитарной системы, по сути революцией. Но рассчитывать на то, что уже 22 августа магазины должны были ломиться от сыров, колбас и прочей снеди, было бы просто нелепо. В 72 августовских часа и в ближайшие дни было разрушено лишь основание той самой покосившейся пирамиды, которая держалась на воздушной подушке партийного поддува. И нужно быть наивным и недалеким человеком, чтобы надеяться на мгновенные, как по мановению волшебной палочки, перемены. Руины пирамиды, смешавшей все грешное и праведное, еще нужно, образно говоря, взрывать и растаскивать тягачами... Растаскивать, разумеется, для того, чтобы добиться реального улучшения жизни. Но скажу так: руин много, а тягачей мало.

— Выходит, Михаил, приходится снова затягивать пояса? Но ведь это же чертовски надоело и нам, и нашим отцам, и дедам...

— Да, надоело. Но общество с ограниченной ответственностью, или с неограниченной безответственностью, которое создала наша самая «передовая и гуманная» система, не сдается без боя. «Руины стреляют», увы, стреляют, целя в каждого из нас... Поэтому на скоротечные перемены, я повторюсь, надеяться нечего. Нужна кропотливейшая работа, чтобы изменить и самих себя, выдавив последние рабские капли, и изменить существо того, что нас окружает, что насаждалось десятилетиями, подменяя логику общественного развития абсурдом новаций общества так называемого нового типа. А новизна, если разобраться, состояла лишь в том, что создавался тип человека под названием «гомо советикус», который проявился во всех сферах нашей жизни, поставив под угрозу саму жизнь.

— И все-таки, Михаил, хотелось бы от тебя, как ученого, услышать, почему именно в России родилось, как ты образно заметил, общество с ограниченной ответственностью, в котором, по существу, никто ни за что не научился отвечать. Это, согласись, страшно. Но почему именно нам выпало жить в таком обществе? Судьба такая, что ли?

— Ну что ж, попытаюсь ответить, хотя за полноту ответа не ручаюсь, ведь много лет я занимался поисками именно этого ответа, имею научные работы на эту тему, так что, боюсь, страниц журнала не хватит, чтобы опубликовать хотя бы часть того, что интересует не только тебя...

— А нельзя ли, не затрагивая глубоких исторических корней, что, кстати, подробно рассматривается в твоей докторской диссертации, ближе к новейшей истории?..

— Возьмем хотя бы те же тридцатые, которые в какой-то мере перекликаются с восьмидесятыми. Свертывание товарно-денежных отношений, свободного товарооборота между городом и деревней, переход к административным методам принуждения начались задолго до 1929 года.

Ведь нэп воспринимался большинством членов партии как отступление от социализма. Нэпман в городе и кулак в деревне рассматривались как враги. Родившееся в первые годы революции стремление к единообразию, к единому государственному хозяйству, к тому, «чтобы все работали по одному общему плану, на общей земле, на общих фабриках и заводах и по общему распорядку», сохранялось в течение всех лет нэпа. Позднее ленинские идеи «о строе цивилизованных кооператоров», о государственно-монополистическом капитализме, «обращенном на пользу всего народа», не были подробно разработаны и были понятны немногим. И вот когда восстановление хозяйства заканчивалось, от уступок всему «несоциалистическому» в экономике можно было отказаться. А линия Бухарина шла вразрез с этим стремлением большинства. Она была обречена.

Само формирование индустриализации, то есть строительство целого ряда индустриальных объектов, требовало усиления централизованного распределения денежных и материальных ресурсов. Новостройки не могли быть хозрасчетными объектами: они не имели выручки от продажи своей продукции. Их надо было обеспечивать «сверху». А в условиях дефицита денежных и материальных ресурсов эти ресурсы надо было у кого-то отбирать, чтобы обеспечивать новостройки. А это означало ликвидацию хозрасчета и для остальной части, по крайней мере, государственного сектора. Ведь если ресурсы будут свободно продаваться и покупаться на рынке, они пойдут в основном на действующие предприятия, которые уже имеют традиционные экономические связи со своими партнерами, которые объединены в синдикаты с их разветвленным заготовительным аппаратом. Что останется на долю новостроек? К тому же, чтобы мобилизовать на каждую индустриализацию денежные средства, у действующей промышленности, в основном легкой, стали отбирать в бюджет всю прибыль, что также препятствовало хозрасчетной заготовке материалов.

И вот хозрасчетные отношения заменяются цен-

СТОКБАНК

трализованной системой материально-технического снабжения. Цена товара при этом переставала быть ценой, потому что не формировалась экономическими законами, а устанавливалась произвольно. Она потеряла прежнее значение, потому что, даже имея достаточно денег, на них нельзя было приобрести товар сверх полагающегося через систему централизованного распределения. Остап Бендер уже не мог реализовать свой миллион. Если хозрасчет был основан на товарно-денежных отношениях, то централизованное материально-техническое снабжение означало их ликвидацию.

За первую пятилетку количество денег в обращении выросло в пять раз, сельскохозяйственное производство сократилось, а промышленное — выросло в два раза. Это была в основном тяжелая промышленность, а производство товаров народного потребления почти не увеличилось. Это означало, что разорение крестьянства и коллективизация, изъятие средств из легкой промышленности не покрывали расходов на индустриализацию, и в значительной степени эти расходы покрывались бумажно-денежной эмиссией.

Но увеличение денежной массы в 5 раз почти без увеличения массы товаров в обращении должно было вызвать чудовищную инфляцию. Парализовать инфляцию позволяла та же централизованная система распределения, составной частью которой были продовольственные карточки.

Но централизованная система распределения ресурсов почти автоматически вела к централизованной системе административного управления хозяйством: кто распределяет ресурсы, тот определяет и объем производства. Отмирают хозрасчетные тресты и синдикаты, формируются промышленные наркоматы. Коллективизация подчинила прямому государственному управлению и сельское хозяйство. Централизованная административная система стала всеобщей.

Все это получило идеологическое обоснование. Если в социалистическом обществе не действуют товарно-денежные отношения, значит, не действуют и марксовы законы политэкономии во главе с законом стоимости. Следовательно, объективные законы независимо от воли людей действуют лишь в буржуазном обществе, а социалистическая экономика строится сознательно, по плану. Действительно, социалистическая революция не привела в соответствие надстройку с базисом, как это делали буржуазные революции. Социалистическая экономика не сложилась спонтанно в недрах буржуазного хозяйства. Социалистическая революция создала лишь новое государство, главной задачей которого и явилось построение социалистической экономики.

Если закрыть глаза на разорение крестьянства и гибель миллионов людей от голода, на застой легкой промышленности, административная система действовала успешно. Перебрасывая огромные массы людей с лопатами и тачками, можно было действительно сооружать циклопические мощности. Но потом, когда новые производственные объекты начали действовать, потребовались знания, компетенция, а не простые исполнители приказов. Дисциплинарные меры не могли заменить материальной заинтересованности. Участились срывы, аварии. «Вредительство» давало основания усилить репрессии.

— Михаил, извини, но давай немного отвлечемся от «крылатого времени», когда «сказку делали былью», а возьмем сравнительно недавние годы, канун так называемой перестройки. Казалось бы, к этому времени уже можно было сделать выводы об истинных «вредителях» и «врагах» движения к «вершинам», но, уму непостижимо, в стране началось повальное «скручивание голов» инициативным хозяйственникам, руководителям предприятий, председателям колхозов и директорам совхозов... Чем объяснить эти репрессии, ведь даже на сегодняшний день в советских лагерях и тюрьмах еще содержится 127 тысяч таких людей, большинство из которых в рамках командно-административной системы хотели хозяйствовать разумно?

— Я не буду говорить сейчас о конкретных лицах, с благословения которых раскрутили «громкие дела», суть не в этом. Скажу как экономический историк: на каждом крутом вираже нашего большого пути возникало подобное: «дела» врачей, маршалов, командиров военных и командиров производства... Партийно-деспотической системе, как точно заметил в одной из своих публикаций прекрасный журналист-известинец Юрий Феофанов, не очень были страшны враги — те же бандиты, рецидивисты всех мастей. Ей, системе, страшны были инакомыслящие и не так действующие. В сталинские времена — те, кто усомнился или хотя бы мог потенциально усомниться в верности Генеральной линии и непогрешимости Вождя. Во времена брежневские — те, кто своими рациональными действиями высвечивал вредоносность и абсурдность Системы. Главный их смертный грех, особенно толковых хозяйственников, — они «высовывались». Делали дело разумно и прибыльно,

СТОКБАНК

но не как все — бесхозяйственно и нелепо. Этот грех пощады ждать не мог, совершал ли его всесоюзно известный Худенко или никому не известный студент...

— Позволь, Михаил, но я-то говорил не о далеком прошлом — о времени Горбачева! Ведь он, как известно, начинал перестройку...

— Верно, Горбачев начинал, но он же перестройку и прикончил. В том числе, на мой взгляд, и потому, что не видел, а значит, и не оценил нарождающийся новый тип хозяйственника, которого надо было решительно поддержать, дать ему полную самостоятельность, экономически раскрепостить и законодательно гарантировать от тюрьмы. Как аграрник и как юрист, Горбачев не мог не понимать, каких людей он терял... Хотя, как показала жизнь, события Августа, он вообще страдал неразборчивостью к людям. У всех на слуху до сих пор, как Горбачев проталкивал своего друга Янаева в вице-президенты... А возьми другого друга — «типичного аппаратчика» Болдина, предавшего Горбачева. Ведь среди прочих «заслуг» этого «нулевого организатора» с максимальной подозрительностью была и такая: он проводил отбор оперативных материалов и горячей информации, определял, какие документы лягут на стол Горбачева...

— Думаю, он ограждал своего шефа и от многих писем тех самых хозяйственников, которые оказались за решеткой... А ведь люди просили, умоляли «верховерха» помочь им восстановить справедливость. Познакомился недавно с перепиской репрессированного контр-адмирала, бывшего начальника техупра Северного флота, испытателя первых советских атомных подлодок Николая Мормуля. Пока он писал «уважаемому Михаилу Сергеевичу», что невиновен, корысти не имел, клялся на верность Родине, погибли две атомные подводные лодки...

— Сначала это было просто анекдотом: зачем Горбачеву два образования — аграрное и юридическое? Ответ в стиле старого «армянского радио»: чтобы знать, кого сажать и на какую глубину. Адмирала тоже потопили, но я не уверен, что Горбачев вообще знал о таком человеке — ведь Болдин был начеку! Это и есть симптомы общества с ограниченной ответственностью. Один знал, что посадили прекрасного специалиста по атомным энергетическим установкам, но решил «не высовываться». Другой знал, что это преступление, но оберегал психику шефа, не дай Бог, разгневается...

Думаю, хотя я далек от физики, в нашей стране шла (и еще идет!) какая-то очень странная цепная реакция, которая может привести к катастрофе...

— Я думаю, хотя не хотелось бы говорить за всю Одессу, мы уже к чему-то подобному подошли... Важно теперь, как отойти, какую роль в этом чрезвычайном деле ты отводишь себе, своему Стокбанку?

— Сейчас многие цитируют крупнейшего экономиста мира, лауреата Нобелевской премии доктора В.Леонтьева. В одном своем интервью он сравнил экономику с парусным кораблем, где государственное управление — руль, а заинтересованность людей в эффективной работе — ветер в парусах. А мы дрейфуем, никакого ветра нет, паруса обвисли, как старая мотня... Хотя время от времени народ с помощью какого-нибудь партийного поддува усаживали за весла, и все делали вид, что мы плывем. А корабль-то стоял на песке, оброс ракушками... Да и разве можно было даже крутым волевым решением что-то изменить, если еще в 60-е годы в стране состоялись похороны «экономического человека». Окончательно его добило широкое наступление государства на личное подсобное хозяйство, приусадебные участки — эти лампадки, где еще горел утлый огонек предприимчивости. Идея кампании была научно обоснованной: поскольку при прочих равных условиях крупное производство гораздо эффективнее мелкого, тогда зачем последнее? Да вот только равенства в мотивах эффективного труда на приусадебном огороде и на колхозном поле не наблюдалось... Но кампания есть кампания, и личные коровы, идеологически обозначенные как «анаХРЕНИЗМ», по меткому, но не слишком культурному выражению авторов популярного тогда фильма «Рогатый бастион», с кровью практически выдирались у их владельцев, также метко обозначенных «монстрами» и «пережитками».

Сейчас очень много сетуют на «раскрестьянивание крестьянина», на потерю той весомой прибавки, которую давал «личный сектор» к производству продовольствия, но, думается, страшнее было другое.

Тогда окончательно оформилась и широко внедрилась в наше сознание идеология люмпенов, щедрую питательную среду для которой создавало еще общинное землепользование.

Мудрейший принцип социальной справедливости «от каждого по способностям, каждому — по труду» хоть и провозглашался повсюду, но в реальной действительности, как в кривом зеркале, отражался так: «Всем сестрам по серьгам».

Уравниловка стала не только тормозом развития экономики, но и привела к тому, что у значительной части населения пролетарская идеология тран-

сформировалась в идеологию люмпенов, от чего так предостерегал Карл Маркс. Люмпенов, ничего не имеющих, но ничего и не производящих, а значит, паразитирующих на обществе, у нас хватает.

Ряды духовных люмпенов пополняли представители работников аппарата управления, искусства и литературы, науки и публицистики. Долгие годы материальное стимулирование эффективного труда даже в теории не то чтобы противопоставлялось, но как бы отделялось от морального. Гласность позволила перейти идеологам «непорочной» бедности в открытое наступление. Чего только стоила развернувшаяся в прессе дискуссия о том, морально или аморально иметь в нашем обществе абсолютно честно заработанный, но, увы, высокий доход! Помнится, как тогда один наш талантливый коллега сказал: «Пора нам сплотиться против идеологии люмпенов».

Оживление экономики — самая важная задача, которая может быть решена только с появлением, наконец, в нашей стране **«экономического человека»**. За многие годы своего существования затратная, самопожирающая система ведения хозяйства не только породила свою незаконнорожденную и тем не менее родную сестру — теневую экономику, но и выработала социальный стереотип: честный — значит, бедный. Живешь хорошо, в достатке— значит, воруешь. А в народе, бывало, говорили: бедный, но честный. Выходит, бедность отнюдь не обязательный спутник честности?

Принципов социальной справедливости два: или нет богатых, или нет бедных. Первый — квинтэссенция люмпен-идеологии. Это дорога, ведущая в никуда. Второй — столбовой тракт всей цивилизации.

— Профессор, нельзя ли ближе к тому, что можно сделать сейчас? В том числе, какая историческая роль принадлежит вашему Стокбанку?

— Будь по-твоему, если такой нетерпеливый... По-английски «сток» — это «вклад» или «акция», есть разные значения. Но главное значение, главный смысл в названии нашего банка — это вкладывать средства в возрождение России, в развитие информационных структур. Вместе с тем нам близки интересы разных отраслей промышленности и сферы услуг. В поле зрения Совета банка уже сейчас находятся экологические проблемы общества, вопросы социальной защиты населения, задачи развития непроизводственной сферы, науки, культуры, спорта, особенно в столице...

— Все это прекрасно, Михаил. А вот такой каверзный вопрос. Приходит, скажем, в Стокбанк Остап Бендер и просит кредит на создание игорного дома где-нибудь в Пятихатках и смотрит на тебя ясными, немигающими глазами. Так вот, дал бы ему Стокбанк заветный миллион?

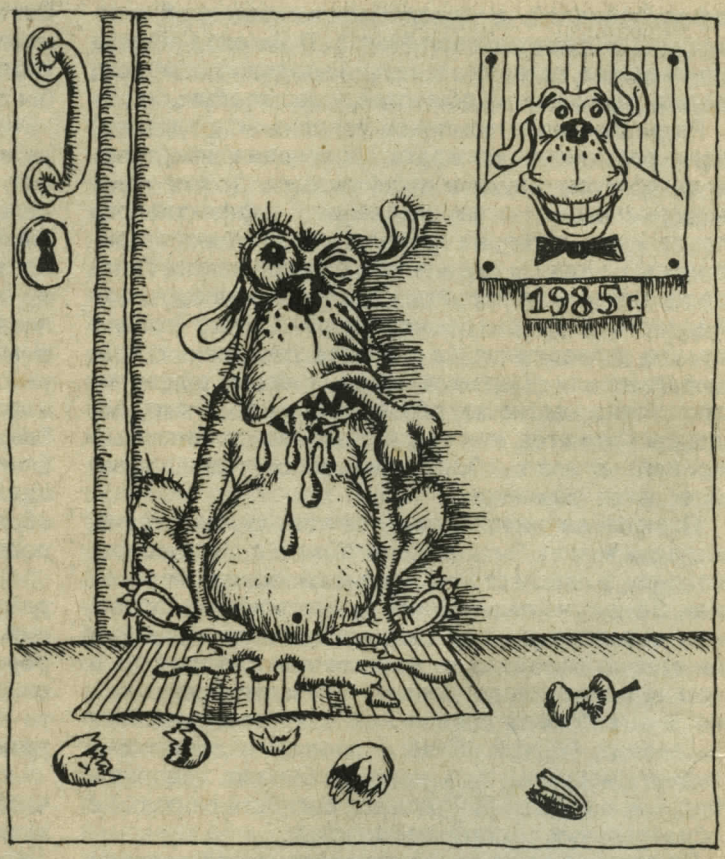
— Любопытно... Вообще-то Остап Бендер как литературный герой мне глубоко симпатичен. Но вошел он в наше сознание не столько как деловой человек, а, скажем так, со склонностью к афере. Такому бы человеку, пожалуй, Стокбанк отказал. Кстати, если говорить о серьезных вещах, то нашему банку сподручнее иметь дело не с отдельными лицами, а с организациями, учреждениями, различными конторами, заводами, колхозами... Хотя мы уже продумываем наши взаимоотношения с фермерами, с каждым в отдельности... А что касается Бендера или, точнее, Бендеров, то они приходят в банк. Приходят с самыми фантастическими идеями... Приходится выслушивать. И советовать обратиться к наследию бессмертных Ильфа и Петрова...

— Насколько мне известно, Стокбанк, обладая солидным капиталом, провел массу операций, то есть выдал множество кредитов. Это хорошо. Но если вернуться к тому самому кораблю со штурвалом и парусами, о котором говорили, то не кажется ли тебе, Михаил, что кредиты выданы кораблю, стоящему на песке?

— Вопрос, конечно, интересный... И я бы хотел, чтобы мы вернулись к началу этого интервью... Я хотя человек и эмоциональный, но, поверь, находился в дни Августа не под воздействием момента, не эйфория заставила меня кричать о победе, точнее, не только эйфория... Август, победа над путчистами утверждали те самые демократические процессы, которые в стране наметились. Корабль уже не на песке, он движется, мы этого не можем не замечать! Да уже само рождение, скажем, хотя бы нашего банка стало возможным только благодаря изменениям, которые произошли у нас в последнее время. Воскрешается не только «экономический человек», но и рождаются такие экономические структуры, которые могут и должны наполнить ветром паруса.

Закончившийся недавно съезд народных депутатов РСФСР, обращение президента России Б.Н.Ельцина, его взвешенные предложения придают уверенности: кораблю, во всяком случае российскому, набирать ход, прощаясь с берегом ограниченной ответственности. Моряки бы в таком случае пожелали: семь футов под килем!

Беседу вел
Леонид ЛИХОВ



Рисовал А.Заяц

Надежда КОЖЕВНИКОВА

ИДИЛЛИЧЕСКИЕ ВРЕМЕНА

У меня деградирует собака. Допускаю, что у других есть свои и не менее важные проблемы, но у меня собака деградирует. В это трудно поверить, но она теперь интересуется только и исключительно едой. Утром проснется и, даже взглядами со мной не обменявшись, мчится к миске, и очень негодует если там ничего нет. Больше того, она, то есть он, мой замечательный Микки, считает, видно, что миски мало и в наших тарелках на столе тоже можно хозяйничать. Однажды я его застала... С его породистостью — такой позор!

Но дело даже не в этом, в конце концов, когда любишь, можно простить случайный проступок. Но я вижу, наблюдаю искажения в самой его личности. Он мельчает, его взгляд становится все более равнодушным и загорается только при виде еды. Да, в наших с ним отношениях не осталось почти ничего от прежнего...

Домашние, впрочем, и раньше намекали, что страстная его ко мне любовь объясняется тем, что я его кормлю. Ну что отвечать на такую пошлость! Слава богу, есть у меня уже опыт, чтобы понимать, как важно не поддаваться ничьим мнениям, вносящим лишь разлад, — нельзя допускать посторонних в то, что касается только двоих.

И существовали мы прекрасно, весело. Гуляли, играли. У нас были свои словечки, ничего общего не имеющие с пресловутыми командами. Хотя, в общем, достаточно было взглядов, и он, и я понимали друг друга абсолютно, что между людьми только в редкостные звездные часы случается. И как замечательно пахла его шерсть, в особенности возле ушей. А еще мы обменивались улыбками: когда Микки впервые мне улыбнулся — все, для меня началась новая жизнь.

И, наверно, я-то все и испортила, хотя движили мной, что называется, самые благие намерения, но ведь так обычно и бывает. Я первая внесла в наши отношения низменное, материальное, и так возник крен. Меня все больше и больше поглощал процесс добывания пищи для всей семьи, но в первую очередь, конечно, для Микки. Ведь люди могут чем угодно желудок набить, а собаке необходим рацион. И он делался все беднее. Мясо все чаще заменялось кашей, Микки покорно ее съедал, но я места себе не находила от сознания своей вины, своей несостоятельности, неумения выкрутиться в обстоятельствах, вообще говоря, трудно объяснимых, тем более для собаки: как это так может быть, чтобы вдруг никаких продуктов не стало, вообще ничего?

То есть не то что ничего, но не то и не там, где было принято. Требовалось, вероятно, время, чтобы приноровиться, но все опять сдвигалось, перемешивалось и какая-либо ориентация вовсе пропадала. В киосках с надписью «мороженое» сплошь висели на вешалках шубы из искусственного меха, но тут хоть какая-то прослеживалась ассоциация: холод, мороз. А почему в отделе колбас продавались кроссовки по бешеным ценам, а, наоборот, в обувных магазинах полки заполнялись блоками импортных сигарет, тут приходилось делать усилие, чтобы не высказать открыто своей смятенности: так тихие сумасшедшие улыбаются льстиво при освидетельствовании их докторами, надеясь, что их ненормальность, неадекватность останутся незамеченными.

Но как не спятить, когда в ценах на товары постоянно росли нули и ошалевшие покупатели почти что беззвучно переспрашивали продавцов: простите, не разглядел, там что указано, десять рублей или сто, или... тысяча?

Коренные жители метались по родному городу, не находя знакомых названий улиц, переулков: в метро, где станции тоже в одночасье переименовали, паника охватывала уже толпы. Скапливались у табло, вопрошая друг друга с опаской: «Лубянка» — это то же, что раньше... Ну в смысле... ага!.. И все в целом было правильно, никто не возражал, спустя время можно привыкнуть.

Если бы только не дети и не домашние животные — собака в моем случае. Ради Микки я стала готова на все. Поступила даже работать в редакцию газеты, где очень хорошо было налажено снабжение. Сотрудники там обнаружили дисциплинированность, довольно редкую в наше время. Вовремя являлись на службу, не спешили домой сбежать, ведь иначе упустишь распродажу, обуви там, постельного белья, о которой заранее не оповещали — такая, верно, хитрость у руководства,и приходилось караулить. Зато почти каждый день все покидали свои рабочие места удовлетворенными, неся сверточки, кулечки, а порой и кое-что повесомее, например телевизор.

А уж в смысле продуктов! С утра у входа в редакцию появлялся грузовик и начиналась разгрузка-погрузка. В вестибюле, где, как старожилы рассказывали, прежде устраивались выставки работ молодых художников, теперь без дела задерживаться не следовало, если только там курями не торговали, в жестяных поддонах: слегка, признаться, подванивало. Но не в этом дело. Шла работа, вносили, выносили ящики, туда-сюда, вверх по лестнице и вниз, и какой-нибудь случайно забредший автор, непричастный, непосвященный, должен был к стеночке притискиваться, чтобы его не придавили.

Правда, авторы тоже по кабинетам теперь особо не разгуливали, не вели там дипломатических бесед, имея в виду ускорить публикацию своего материала. Нет, авторы тоже в новой ситуации изменились, протрезвели, выкинули дурь из головы и прямиком шли в буфет: там иной раз давали и навынос...

Словом, кипела в редакции жизнь, не в пример другим, где от времени поотстали. Но, что самое удивительное, газета выходила в срок, и в том же объеме. Верно, по инерции. А зачем? — пока еще не находились смельчаки, чтобы вот так резко, ясно, по-современному поставить вопрос.

Тем более, что газета занималась вопросами культуры. Газета так и называлась. Надо же! Во всем передовые, обеспечивающие своих сотрудников самым что ни на есть дефицитом — и такую осечку допустили, на «культуре» заклинились — да кому она сейчас нужна! Единственное извинение, что ни состояние подписки, ни тираж, ни рейтинг, как нынче выражаются, этого издания на благополучие его сотрудников нисколько не влияли. «Малое предприятие», нашедшее под газетной крышей себе н и ш у, — вот что обеспечивало доход. Постепенно, правда, шел процесс вытеснения: «малое предприятие» все расширялось, газета сходила на нет, отдавая все больше прежней своей площади, кабинет за кабинетом, сотрудника за сотрудником. Но не обязательно в форме увольнения: некоторые журналисты, осознав, что есть занятие и более перспективное и лучше оплачиваемое, так сказать, переоформлялись, не изменяя даже привычного своего маршрута с работы домой, на том же транспорте, удобно-то как, — и, представьте, отлично справлялись с новыми обязанностями.

Ближе к кормушке. И не надо, что, пожалуй, самое главное, информации трепетно ожидать, когда и на каком этаже будет производиться распродажа. Сами организовали, сами и воспользовались, облагодетельствовав, впрочем, и тех, кто по близости оказался. Что же касается курей в жестяных поддонах — то тут вообще все равны. Так же и с упаковками яиц, бери хоть три десятка.

Но именно в этот момент наивысшего моего процветания, сознания добытчицы, достаточно лестного, возник разлад в отношениях моих с моей собакой. Боже мой, я делала это все в основном для него, для Микки, приносила из редакционного буфета антрекот, сама довольствуясь винегретом, потому что вторую порцию не давали, и куриные, правда, слегка подванивающие потроха — но в ответ на эти мои акции жертвенной любви получала полное равнодушие. Или, что еще хуже, взгляд, в котором одна алчь читалась. Микки, сшибая меня с ног, рвался к миске, насыщался, неприятно урча, и, не взглянув на меня, отходил. Больше его ничего не интересовало. Даже наши совместные прогулки, прежде сулящие столько счастья, превратились в элементарное грубое отправление им своей нужды. И — сразу домой. Однажды я заподозрила, что он боится — боится нашего темного гнусного двора, вонючего подъезда, — наслушался, значит, наших разговоров о всяческих страстях, бандитах, насильниках, и в его благородное собачье сердце тоже проникло состояние бедственной неуверенности, сомнения во всем и в себе самом, что наращивалось все больше и больше в нас, в людях.

Он сломался. И я, его хозяйка, которую он сам выбрал, выделил среди других членов семьи, конечно, вовсе не потому, что я его кормила, я тоже стала ему неинтересна, безразлична. У него, думаю, пропал стимул. Но если люди способны и без стимула какое-то время протянуть, собаки хиреют, чахнут. У Микки потускнела, свалялась шерсть, взгляд потух. Тогда зачем все? — казалось, он у меня, без всякой надежды на ответ, спрашивает.

Он деградировал. Моя собака деградирует — понимаете, как это страшно видеть? И что я могу, как, чем помочь?

Недавно вот была в «Белом доме», том самом, где заседает наше Российское правительство. И, естественно, первым делом ринулась в буфет, встала в очередь вместе с депутатами. Навынос мне дали пяток крутых яиц — больше, сказали, нельзя. В общем, неплохо, зная сколько нынче яйца на рынке стоят. Но зачем-то вспомнился полустанок, где самые отчаянные решались из вагона выскочить, чтобы пиво ухватить: возвращались недовольные, сообщая, что оно теплое и, кроме крутых яиц, ничего нет. И вот оказалось — то были идиллические времена, и наши собаки тогда еще нас любили.

■

ПРЕДСТОИТ БОРЬБА С СОБСТВЕННОЙ ЛЕНЬЮ. САМАЯ ТЯЖЕЛАЯ

После октябрьского переворота Ленин призывал молодежь учиться коммунизму. После кончины августовского переворота 1991 года российское правительство тоже призывает учиться и молодежь, и взрослых. Только чему?
Наш собеседник — председатель Госкомитета РСФСР по делам науки и высшей школы, доктор технических наук Николай МАЛЫШЕВ.

— Николай Григорьевич, куда ни глянь — всюду кипенье борьбы: в «Белом доме», Моссовете, магазине, где человек, которому не достался торт, бьет другого, захватившего из-под носа последние десять. А вы думаете о весьма отвлеченных вещах — подготовке специалистов, образовании для взрослых...

— Вы знаете, хоть порядком и поднадоели уже упоминания о путче, все же хочу вначале поделиться одним наблюдением. В те дни вместе с коллегами из нашего Госкомитета мы ездили по вузам и общежитиям Москвы с обращением защитить Дом Советов РСФСР. Что меня поразило: буквально в двухстах метрах от «Белого дома», у метро, на улицах, прохаживались как ни в чем не бывало сотни и сотни единиц населения, жевали мороженое, сновали по магазинам. Я подумал: как много у нас еще вялых, безразличных людей, которые надеются, что кто-то их защитит, кто-то повысит зарплату. Именно они в обычной мирной жизни составляют основную массу не желающих повысить свою квалификацию, переучиваться, совершить что-то кардинальное в своей жизни. Недавно в вечерних новостях по телевидению сообщили данные опроса жителей, что они будут делать в условиях безработицы. И что же? Тридцать пять процентов уповают на пособия государства, и лишь шесть процентов намерены поступить на курсы переподготовки. В этом консерватизме, я считаю, главный тормоз перестроечных реформ «снизу». Никто — ни президент, ни новый премьер-министр, ни любой начальник — не даст каждому советскому человеку по квартире, а в холодильник — запас продуктов на месяц. Что же делать? Надо учиться, как добиться этого самому.

— К этому же призывал Ленин в 1918 году. И вот пожинаем плоды тотального обучения коммунизму...

— Я имею в виду другое: учиться жить в цивилизованном мире. Рынок — это нечто такое, когда человек думает, наконец-то, о себе, своей семье, как заработать деньги и улучшить свою жизнь. Чем больше появится таких людей, тем богаче станет Россия. Государство обязано им помочь получить необходимые знания.

— Но вы, столько лет проработавший в системе образования преподавателем, завкафедрой, ректором, прекрасно знаете, что это такое: система, за редким исключением десятка вузов, сохранивших старые, добрые традиции, работавшая сама на себя, выпускавшая со своего конвейера самое большое число в мире полу-врачей, полу-инженеров и так далее с отрывом и без отрыва от производства. Направлявшая на курсы так называемого усовершенствования в основном контингент, пополняющий не аудитории, а магазины больших городов.

— Да, долгое время знания, интеллект не были востребованы государством и обществом. Но ныне ситуация в стране, а значит, и в сфере образования резко меняется. Напомню читателям основные вехи перемен. Еще в мае этого года на первом Всероссийском совещании ректоров кандидат в президенты Борис Ельцин заявил о суперприоритетности образования как стратегического направления выхода республики из кризиса. И вот спустя всего месяц после своего избрания президент подтвердил слово делом. Его первый Указ так и называется «О первоочередных мерах по развитию образования в РСФСР». Нашим Госкомитетом совместно с ректорами вузов, учеными разработана государственная программа развития высшей школы. За пятнадцать лет, а срок ее реализации 1991—2005 год, предстоит преодолеть отставание от лучшего мирового уровня в 40—50 лет. Основные принципы программы будут нормативно закреплены в Законе об образовании в РСФСР, в обсуждении проекта которого приняли участие широкая педагогическая общественность, студенты. Надеюсь, что закон, разработанный Комитетом ВС РСФСР по науке и народному образованию, будет принят в скором времени парламентом федерации.

— В чем же суть преобразований нашей высшей школы?

— Остановлюсь на основных принципах. Первый — саморазвитие. Оно означает децентрализацию жесткой государственной пирамиды управления, которая командовала каждым шагом ректора, преподавателя, студента. На местах уже создаются региональные центры науки и высшего образования, куда входят вузы, научно-исследовательские и производственные структуры, органы власти. Наша задача — не указывать из Москвы, какие исследования развивать, каких специалистов готовить, а помогать в отборе приоритетных направлений, программ и их финансировании.

Вузы получат право совместно с заказчиком кадров определять содержание учебных планов, сколько принимать студентов, какие новые специальности открывать, а какие, бесперспективные,

закрывать. Им решать самим, сколько платить преподавателям, с кем устанавливать международные контакты. В Законе об образовании РСФСР будет четко определено право учебных заведений распоряжаться своей собственностью — зданиями, оборудованием, землей.

Следующий принцип — качество образования. В государственной программе впервые в истории нашей высшей школы вводятся такие понятия, как аккредитация, аттестация. Что это значит? Если портниха испортит платье — это полбеды. Если калечат, отвращают от знаний душу молодого человека — брак исправить почти невозможно. И тут жалость к бракоделам вряд ли уместна. Поэтому мы предлагаем создать новую службу — Комитет по аккредитации и лицензированию вузов, который будет выносить жесткий, но необходимый вердикт: может то или иное образовательное учреждение учить студентов. Одним словом, вуз это или нечто другое. Это определит группа экспертов, которая будет выезжать на места, знакомиться с материальной базой, кадрами преподавателей и в зависимости от результатов будет выдавать или нет лицензию на право обучения. Оценить уровень знаний, которые дает вуз студентам, поможет аттестация. По ее итогам вузы получат соответствующий статус союзно-республиканского, регионального, муниципального.

— Значит, нашему горячо любимому принципу уравниловки, когда преподавателю лучшего института и самого захудалого платят одинаково, придет конец?

— Совершенно верно. Слишком долго номенклатурная «элита» воспитывала у народа классовую ненависть к элите интеллекта, благородства. А в итоге — громадный дефицит талантливых, незаурядных личностей во всех сферах — от управления до скорняжных работ. Да что там, не можем найти премьер-министра! Так что пусть меня простят сердитые читатели, коллеги, и все же со всей ответственностью заявляю: у нас должны быть элитарные вузы, которые по результатам аккредитации получат льготы в финансировании, и другие. Вполне вероятно, что часть бывших вузов будет переведена в статус средних специальных учебных заведений. Аутсайдеров будем закрывать. Не сразу. Сначала разберемся в причинах неудач, дадим срок встать на ноги, поможем. Но если ничего не изменится к лучшему — извините, содержать людей, бесполезно витийствующих на кафедрах, откажемся. Иначе так и будем учить студентов на пальцах да коленках и из отсталости никогда не выберемся.

— Программа радикальная, но ведь у нас в России любимая фраза от президентского кабинета до спальни рядовых российских супругов: «денег нет». А у вас они есть?

— Миллиардов пока нет. Но в отличие от прежних программ под эту мы разработали механизм финансирования сферы образования. Первый источник: федеральные средства. Они будут выделяться исходя из государственного заказа на подготовку специалистов. Если муниципальным органам на местах понадобятся дополнительные специалисты, средства вузу выделяют они. Это муниципальная часть финансирования. Третий источник: деньги, которые выделяют предприятия, кооперативы, частные лица. Наконец — неправительственные фонды. Сегодня это, как правило, структуры, образованные сверху, нередко никем не контролируемые. До конкретных детей, студентов помощь зачастую не доходит. Мое глубокое убеждение: фонды надо создавать прямо в вузах, под контролем студентов. На их счета и пойдут средства, как сказано в первом Указе Ельцина, направляемые от предприятий, организаций на развитие образования и потому не облагаемые налогом.

— Но вы забыли еще один источник финансирования, который требуют ввести некоторые преподаватели, ректоры, ссылаясь на страны с рыночной экономикой: плату за обучение самими студентами.

— Это не только неконституционно. Наша страна нищая. Я против платного обучения, за исключением таких форм, когда за студента платит предприятие, направляющее его в вуз, или сам дипломированный специалист — за дополнительную профессиональную подготовку на платных курсах при вузах. Что касается рассуждений о платности образования «там» — это досужие вымыслы. Во многих развитых странах денежный взнос частных лиц составляет всего два—четыре процента в общем объеме финансирования. Вузы США получают ежегодно из федерального бюджета до 370 миллиардов долларов. Бюджет одного Колумбийского университета почти равен бюджету всех вузов России. Уже не говоря об отчислениях благотворительных фондов, меценатов. Деньги на развитие высшей школы должно давать прежде всего государство. Где их взять? Необходимо перераспределить средства между обороной, космосом в пользу образования, перевести часть средств КПСС и недавно почившего в бозе комсомола, который, по словам их лидеров, в большом долгу перед советской молодежью. Наконец, пора наращивать мощности налоговых инспекций, мимо которых уплывают громадные суммы наших новоявленных воротил. Если на просвещение, как говорил Борис Николаевич Ельцин на V съезде народных депутатов России, денег нет, то найти их на образование — вопрос национального престижа.

— Николай Григорьевич, вы сторонник жестких, рациональных мер. Но разумный прагматизм реформы неминуемо натолкнется на психологический барьер. Слабый вуз, техникум, но попробуйте его закрыть?! Ведь если честно, немалая часть таких заведений живет вовсе не ради студентов, а ради прокормления преподавателей, которые нередко сплелись в семейные кланы, имеющие родственные связи в структурах власти. И будут конфликты...

— Они уже есть. Мы столкнулись с яростным сопротивлением руководителей полуживых учебных заведений, которые не желают переходить в новые структуры, а это неизбежно. В силу известного ведомственного беспредела во многих регионах пооткрывали десятки учебных заведений-близнецов, дублирующих друг друга. И все-таки выход есть. Если территории вместе с нами возьмутся за проектирование региональной системы подготовки кадров. Мы поможем объективно разобраться в их пестром хозяйстве, где подчас нерационально используются кадры, здания, оборудование. Надеемся на поддержку депутатов, муниципалитетов, горожан, которым уже небезразлично, в какие учебные заведения вкладывать муниципальные средства с учетом перехода к рыночной экономике и, увы, предстоящей безработицы.

Увольнения, сокращения преподавателей, сотрудников учебных заведений, предприятий — горькая, но объективная реальность, которая не за горами. Предстоит выбор: уповать на пособие или решиться изменить что-то в своей жизни. Приведу только один пример. Мой товарищ, полковник, до недавнего времени командовал крупной воинской частью. Десять тысяч в подчинении, ночи спокойной не знал, уж думал что-то над собой сделать. И вдруг узнаю: подал в отставку. В пятьдесят лет. Закончил курсы пчеловодов. Сейчас это самый счастливый человек. Говорит: пчелы — это целый мир. Если бы знал раньше, что это такое, ни за что бы не пошел в военное училище.

Есть у меня похожая, как я ее называю, «теория улицы». Едешь, едешь — все хорошо, красиво, но надоело. И надо иметь волю свернуть на другую улицу. Там, может быть, и хуже. Но ведь если бы ты не свернул, так бы и не узнал, что и как там, где тебя еще не было. Шутка? Но в ней есть доля истины.

Если серьезно, то наш Госкомитет, правительство России решают в настоящее время вопросы о перераспределении средств на образование взрослых. Практически каждый наш вуз, университет готовы открыть курсы по переподготовке специалистов того или иного профиля. Дело за муниципальными властями. Именно они, собрав информацию у жителей, пожелавших переобучиться, повысить квалификацию, должны нам дать кадровый заказ. А вообще я бы очень хотел, чтобы у нас в России начался бум знаний, обновления личности. Это лучшее применение человеческим способностям, нежели заваливание памятников экс-вождям, выяснение, кто где был 19—21 августа. Предстоит борьба с собственной ленью, безволием. Пожалуй, самая тяжелая.

Беседу вела Галина МЫЛЬНИКОВА

ОБЩИЙ ЯЗЫК

Удивительное все-таки создание женщина. Непредсказуема и малопонятна. Конкурс «Мать и дочь» эту, казалось бы, очевидную истину опять подтвердил. Почему, казалось бы? Просто сейчас слабому полу, придавленному бытом, проблемами и неопределенностью, ну, не до забав. Особенно женщинам зрелого возраста. По крайней мере, так считаем мы, мужчины. И, как всегда, ошибаемся.

Нетривиальный конкурс на женскую находчивость, обаяние, всезнание и, естественно, красоту (притом семейную) оказался вовсе не забавой, а событием. Даже на отборочном туре, даже при неудаче. Во многом потому, что был именно семейным и более доступным, нежели другие.

На отбор приезжали, как на маленький праздник. И втайне от мужей и отцов, и вместе с ними — терпеливыми и не очень. Были и многодетные мамы, прихватывавшие с собой всю ватагу отпрысков. «Зачем ввязались в эту авантюру?» — искренне вопрошало жюри. Да настолько жизнь сера, до противности, что такой «выход в свет» — радость, отвечали в один голос даже те, у кого шансы пробиться в финал были невелики. В финал уже попали пары, непринужденно и пластично державшиеся на сцене и лихо отвечавшие на каверзные вопросы. Через десять дней сумасшедшей подготовки лихость осталась и грациозности и желания победить поприбавилось.

В отличие от потерявших новизну и изюминку конкурсов красоты со стандартно фактурными, лучше смотрящимися в молчании длинноногими конкурсантками здесь участницы попадали в ситуации трудно-прогнозируемые, выбраться из которых можно было только благодаря сообразительности, твердости духа и обязательному юмору.

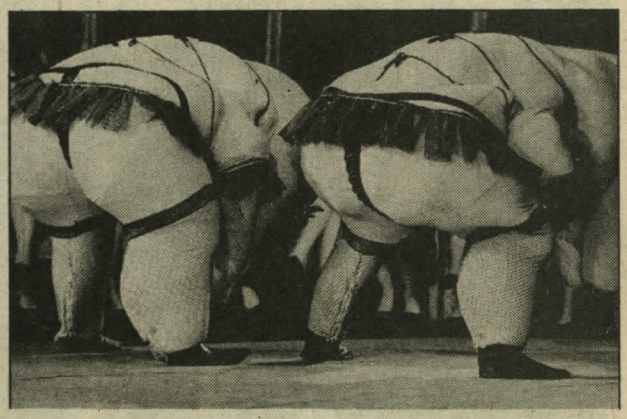
От КВНа с его хорошо заученными текстами конкурс отличался импровизацией в чистом виде в сложных, неожиданных и совсем недомашних заданиях. Тем и был любопытен. Чисто женская хватка и обворожительное умение мгновенно адаптироваться черт знает где спасали финалисток и добавляли интриги. На сцене с ними происходило то, что в жизни не происходило вовсе, а в подготовку входило то, чему они никогда не учились. Общая же цель явно сплотила мам и дочек (единое мнение финалисток), что случается в семье не так часто. Больших открытий друг в друге сделано не было (по результатам доверительного опроса), но маленькие присутствовали. А вот то, что удалось получше узнать друг друга за короткое, спрессованное время, сомнений не вызывало. Ради одного этого стоило проводить конкурс. Недаром и победившие, и проигравшие (а в общем, таковых не оказалось — все были довольны) решили основать что-то наподобие клуба, по крайней мере на добровольных началах помогать следующему конкурсу и обязательно встречаться, даже без особого повода. При нынешнем дефиците общения, постоянной головной боли за все и каждодневных сверхперегрузках решение занятное и ответственное.

Я ж говорю, странный народ эти женщины.

Евгений ЦИРЛИН

Фото В.Ахломова

ДЛЯ МАМ И ДОЧЕК



ВРЕМЯ
СОБИРАТЬ
КАМНИ
Строительная
БИРЖА
Тел. 128-97-22
Факс. 128-47-86

СтроИтеЛЬНЫЙ БИЗНЕС

СТРОИТЕЛЬНАЯ БИРЖА - единственная биржа страны, охватывающая весь цикл строительства от проектно-изыскательских работ до сдачи объекта под ключ.

В числе Учредителей :
Научно-промышленный Союз, Союз Строителей СССР;
концерны: Нефтегазстрой, Водстрой, Росстрой; Центросоюз СССР, Межрегионбанк, Банк "Индустрия-Сервис", Конверсбанк, Часпромбанк, Торгово-промышленный Центр "СОТО", совместные и коммерческие предприятия строительного профиля, частные фирмы.

На торги выставляются объекты строительства, проектно-изыскательские и строительно-монтажные работы, подрядные коллективы и организации, в широком ассортименте строительные материалы, недвижимость и все, что угодно.

Экспертиза сделок и проектов, страхование, юридическая поддержка.

НА КОНКУРСНОЙ ОСНОВЕ НАЧИНАЕТСЯ ОТКРЫТАЯ ПРОДАЖА БРОКЕРСКИХ МЕСТ. ДЛЯ ПРЕДПРИЯТИЙ СТРОЙИНДУСТРИИ ВОЗМОЖНЫ ЛЬГОТНЫЕ УСЛОВИЯ.

НАШИ УСЛУГИ ВСЕГДА В ЦЕНЕ -
МЫ СТРОИМ ДЛЯ ВАС!

Строительная
БИРЖА

Тел. 128-97-22
Факс. 128-47-86

Заявки на продажу брокерских мест принимаются в письменном виде по адресу: 117393, Москва, ул. Архитектора Власова, 51.

Иосиф БРОДСКИЙ:

«ЯСНО БЫЛО, ЧТО ГОДУНОВА НАДО

В конце августа 1979 года в Нью-Йорке произошли события, попавшие на первые полосы газет. Сначала во время гастролей Большого театра принял решение не возвращаться на родину солист балета Большого Александр Годунов. Спустя несколько дней советскими представителями была предпринята попытка вывезти в Союз его жену — балерину Людмилу Власову, несмотря на то, что, по утверждению Годунова, она также решила остаться в США. Трое суток американские власти не давали разрешения на вылет самолета Аэрофлота, в котором находилась балерина, требуя, чтобы она лично подтвердила, желает ли покинуть территорию США. Все это время советские представители не давали возможности переговорить с ней. Конфликт пришлось разрешать на самом высоком уровне.

В этой истории до сих пор много неясного. И в СССР, и в США имеют хождение разные версии случившегося. Два года назад у нас даже вышел художественный фильм «Рейс 222», посвященный тому скандалу в аэропорту имени Кеннеди. К сожалению, авторы фильма ограничились, судя по всему, информацией из советских газет.

Мало кто знает, что в центре тех событий августа 1979 года оказался поэт Иосиф Бродский, тогда еще, естественно, не Нобелевский лауреат. В прошлом году в нью-йоркском издательстве «Слово» вышла книга «Иосиф Бродский в Нью-Йорке», построенная на беседах известного музыковеда Соломона Волкова с маститым поэтом. С любезного разрешения С.Волкова и издателя книги Ларисы Шенкер публикуем небольшой фрагмент из нее. В нем как раз и идет речь об Александре Годунове и Людмиле Власовой, в судьбе которых попытался принять участие Иосиф Бродский.

Волков. Вы были вовлечены в один чрезвычайно нашумевший побег, имевший место здесь, в Нью-Йорке, в конце августа тысяча девятьсот семьдесят девятого года. Я говорю о побеге танцовщика Большого театра Александра Годунова. Как получилось, что вы приняли участие в этой сенсационной истории?

Бродский. Когда это было, вы говорите, в августе?

Волков. Если не ошибаюсь, Годунов решил остаться двадцать первого августа, во вторник.

Бродский. Если действительно двадцать первого августа, то это даже смешно. Потому что вторжение шестьдесят восьмого года в Чехословакию произошло в эти же числа.

Волков. Как вы узнали о побеге Годунова?

Бродский. Я занимался какими-то своими делами. Переводил что-то. Жара. Причем в городе у воды жара давит особенно. Сердце. Срочные дела. Поэтому я без особой радости отреагировал на незапланированный звонок одного своего приятеля. А приятель говорит мне: «Иосиф, знаешь про какую-нибудь квартиру свободную за городом?» Я с некоторым законным раздражением: «Понятия не имею». Потом решил, что у чувака появилась баба. Нормальные дела... надо помочь... Спрашиваю: «Как скоро тебе надо?» Он: «Вообще-то чем раньше, тем лучше». Ладно, я позвонил нескольким знакомым, у которых наличествует загородное жилье. Лето, люди работают в городе, вечером едут на дачу. Вакантной жилплощади нет. Но в одном месте мне сообщают, что два или три дня их дачка будет свободной. Я перезваниваю приятелю: «Есть, надо только заехать за ключами по такому-то адресу». Он несколько неожиданно: «А не мог бы ты эти ключи привезти ко мне сам?»

Я стал догадываться, что происходит нечто менее регулярное, чем нормальные левые заходы ангажированного человека. И когда на вопрос мой: «Когда тебе нужны ключи?» тот ответил: «Сейчас!» — тут я окончательно сообразил, что произошла какая-то лажа с балетом. Потому что в голосе приятеля чувствовалось некоторое напряжение; в городе гастролировал в те дни балет Большого театра; чувак же этот был с балетными довольно сильно завязан. Заехал за ключами и отправился к нему. Приезжаю; он мне — то, се, пятое, десятое; «вот хочу тебе представить: Годунов».

Волков. И какова была ваша реакция?

Бродский. Я перед этим о Годунове ничего не слышал. Предстала предо мной фигура экстраординарная в полном смысле слова: вообразите себе всю эту массу, тяжелую челюсть, голубые глаза, блондин, длинные волосы — воплощение эстетики шестидесятых годов. Мне все это, честно говоря, не очень понравилось. Но постепенно привыкаешь. Я потом уж подумал, что в случае Годунова особенного разрыва между искусством и индивидуумом быть не может. Он просто выходит на сцену — и это само по себе событие. Он не просто сидит в квартире, он присутствует. Когда он встает, ты понимаешь — что-то уже произошло.

Во всем этом была одна примечатель-

СПРЯТАТЬ...»

ная вещь: и в тот момент, и после Годунов вел себя с потрясающим достоинством. С одной стороны, это часть его облика, конечно. О сцене я сейчас не говорю, а в жизни... Человек, обладающий массой Годунова, передвигается величественней, это неизбежно. И за этим явлением чрезвычайно интересно наблюдать.

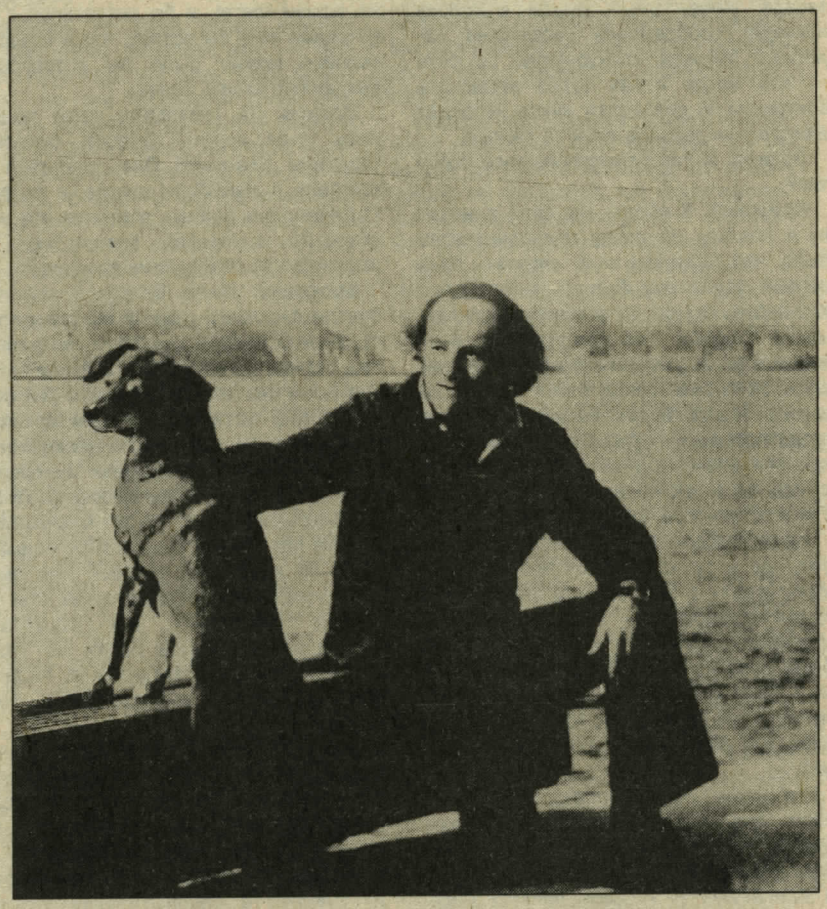
С другой стороны, Годунов с юных лет звезда. И, следовательно, развращен до известной степени успехом и поклонением. В момент же побега он оказался абсолютно один — ни мамы, ни друзей, никого. Положиться абсолютно не на кого. И со всех сторон ничего, кроме подвоха, ожидать не приходится. В этой ситуации поведение Годунова было особенно примечательным — я имею в виду именно его достоинство.

Волков. Советская «Литературная газета» в те дни доказывала, что Годунову задурили голову, что его уговорили остаться в США. Как там было написано, «его буквально осаждала повсюду целая команда подстрекателей, суливших златые горы и море дармового виски».

Бродский. Вот уж чего, между прочим, точно не было. И чтобы его кто бы то ни было осаждал! И чтобы ему что бы то ни было сулили! То есть о виски и речи не было. Со стороны Годунова это был прыжок в абсолютную неизвестность.

Волков. Я подробно обсуждал с Годуновым всю эту историю. Мы планировали написать совместно книгу. К сожалению, эта идея не реализовалась. У меня сложилось впечатление, что со стороны Годунова побег этот был более или менее импровизацией.

Бродский. События развивались примерно следующим образом. Годунов пришел в гости и, когда завязался разговор, стал выяснять, с кем бы ему следовало связаться, если бы он решил дать деру? На что ему было отвечено, что, конечно же, рекомендации могут быть даны всякие, но есть одно немаловажное привходящее обстоятельство. Какое именно? «Ты же говоришь «если». А на «если» отвечать невозможно». То есть невозможно просто так называть имена, адреса и так далее.



И. Бродский

Фото М. Волковой

Тем не менее Годунов продолжает настаивать: «А если я все-таки хотел бы... просто поговорить...» — «Ну, что ж, — отвечает мой приятель ему, — говори со мной!» Тогда он и услышал от Годунова: «Вот я и говорю». Приятель вышел в соседнюю комнату и позвонил мне.

Волков. Почему именно вам, а не кому-нибудь из балетного мира?

Бродский. Американский балетный мир (в Нью-Йорке особенно) сильно завязан с русской колонией. Довериться балетным было бы риском. Затем, нет никакой гарантии, что балетный человек не наберет прямо номер советского консульства. Что, учитывая последующую реакцию некоторых принадлежащих к артистическому миру американцев на известие о побеге Годунова, оказалось вполне реалистичным предположением. (Было даже интересно услышать о некоторых откликах. Кризисные ситуации всегда интересны. Потому что выясняется — кто хозяин, кто лакей.)

И еще одно обстоятельство дикто-

А. Годунов

вало осторожность. Годунов — солист, звезда. Моментально людям в голову приходят соображения касательно балетного бизнеса, конкуренции. То есть — кто, когда и как будет заключать контракты. И опять-таки никто не будет в состоянии держать язык за зубами.

Волков. И как разворачивались события?

Бродский. В общем, мы сели в машину и поехали на дачку, поскольку ясно было, что Годунова надо спрятать. Мой первый совет ему был — связаться с кем-нибудь в государственном департаменте. Годунов был танцовщик с именем, и я рассудил, что его начнут приглашать за рубеж, понадобятся бумаги на выезд, бумаги будет выдавать тот же госдепартамент; пускай они возьмут его так или иначе под свою опеку. Всегда лучше, если кто-то наверху тебя знает. Так и получилось, между прочим.

На следующий день мы вернулись в город, где и произошли все необходимые манипуляции с заполнением анкет. Саша сидел на диване, я — в кресле, иммиграционный чиновник — на стуле. Тут же были двое из ФБР. Я переводил. После чего Сашу повезли в полицейское управление снять отпечатки пальцев (процедура, производимая со всеми эмигрантами).

Ну, думаю, все в порядке. Вернулся к себе. Принял душ, переоделся, занялся своими бумажками. Вдруг опять телефон: «Иосиф, не мог бы ты отвезти Сашу в Коннектикут?» Ну, что делать? Главное — он, что называется, без языка. В Коннектикуте мы провели три последующих дня.

Волков. А в это время в Нью-Йорке начался газетный шквал: «Ведущий танцовщик Большого театра попросил политического убежища в США!» Все вспоминали о Нуриеве, Макаровой, Барышникове. Но те были из Ленинграда. А из Большого — Годунов был первый.

Бродский. Мы, в общем, все это предвидели. Поэтому после того, как Годунов прошел иммиграционную процедуру, наш общий знакомый позвонил одному из лучших адвокатов в Соединенных Штатах — Орвиллу Шеллу. Это был один из наиболее замечательных американцев, с которыми мне вообще доводилось иметь дело. Может быть, немножко наивный, как все они. Но когда надо — и не наивный. Шелл поставил госдепартамент в известность, что он представляет интересы Годунова. Буквально через пятнадцать минут ему оттуда позвонили: советские требуют с Сашей рандеву.

Действительно, по консульской конвенции они имели на это право. Шелл сказал Годунову: «У меня нет никаких идей ни за, ни против такой встречи; это зависит исключительно от вас. Но, будь я на вашем месте, я бы встретился с советскими хотя бы потому, что в качестве условия можно было бы потребовать свидания с вашей женой».

Волков. Да, главная-то каша заварилась из-за жены Годунова, балерины Людмилы Власовой! Они прилетели на гастроли в Нью-Йорк вместе, а остался Годунов один. Мне он, помнится, так и не объяснил с полной внятностью, что именно тогда между ними произошло...

Бродский. Миле Власовой мы пробовали звонить в первый же день побега Саши. Сначала она была на репетиции, потом должна была выступать, потом было уже поздно звонить — на гастролях КГБ устанавливал для артистов комендантский час, после которого из гостиницы уже не выпускали. Мы прозванивались к ней из Коннектикута. Но было совершенно ясно, что в гостинице Милы уже нет. Трубку в ее номере подымал какой-то советский человек. Мы пытались связаться с Милой тремя или четырьмя известными нам способами. Ничего не получилось. Затем нам стало известно, что она находится на территории советского консульства в Нью-Йорке.

Встречу с Милой назначили на пятницу, час дня. Шелл позвонил нам, попросил быть наготове. Два человека из госдепартамента вылетели в Нью-Йорк. В тот момент, когда они приземлились в Нью-Йорке, им было сказано, что Людмилу Власову в сопровождении четырех человек из советского консульства усадили в машину. Машина движется по направлению к аэропорту Кеннеди. То есть советские нарушили условия соглашения с государственным департаментом.

Эти двое из госдепартамента прыгнули в автомобиль и кинулись вдогонку. Я думаю, в определенный момент на Ван Дик-экспресс они находились позади советской машины на расстоянии не больше мили или полутора.

Волков. Тут-то и началось самое захватывающее: конфронтация двух супердержав в аэропорту Кеннеди. Телевидение, радио, газеты только об этом и трубили. Мне в те дни казалось, что весь мир, затаив дыхание, следит за этой драмой...

Бродский. Шелл позвонил Годунову: советский самолет, на котором по плану советских Мила должна была улететь в Москву, задержан; было бы хорошо, если бы мы приехали в аэропорт Кеннеди. Отправляемся туда, эскортируемые ФБР. С ФБР полная комедия: они ищут въезд в ПАН-АМ, промахиваются раз, другой. С этого ляпа и начались три жарких дня в аэропорту.

Первую ночь мы провели в микроавтобусе. Вторую — в городе, на третью нас повели в гостиницу в аэропорту. В гостинице полно советских: консульские работники, гебешники, корреспонденты. Со стороны ФБР запихивать нас туда было абсолютным идиотизмом. Когда мы к этой гостинице подъехали и я увидел, что там творится... Я говорю ребятам из ФБР: «Слушайте, это не мое дело — вам объяснять, но вы что, вообще не соображаете, да?» — «А чего делать?» — «Ну, может быть, можно в гостиницу войти через кухню, я уж не знаю что...»

Они поперлись на кухню — нет, вроде бы там хода нету. Тогда я говорю: «Видите пожарные лестницы слева и справа? Почему бы не открыть одну из них?» Так и сделали. Саша вскарабкался по лестнице, как кот Мурзик. Это было довольно комично. Хотя вся история развивалась скорее в трагическом плане.

Волков. К тому времени ею уже занимались Брежнев с советской стороны и Джимми Картер — с американской...

Бродский. Еще нет, потому что это был уик-энд. Когда из госдепартамента позвонили в Москву, в министерство иностранных дел, там никого не оказалось. Москва поначалу предложила, чтобы с их стороны переговоры вело какое-то лицо из Комитета госбезопасности. Но с КГБ госдепартамент отказался иметь дело. Поскольку эти два учреждения по своему положению в государственной иерархии неадекватные. А советские представители в Нью-Йорке уперлись, что было совершенно натурально: коли советский здесь работает, он сделает все от него зависящее, чтобы его нельзя было упрекнуть в недостаточном рвении. Кому охота терять хороший пост, нью-йоркскую малину?

В конце концов американцы проиграли. Дело в том, что главной целью переговоров была встреча Годунова с Милой. И не просто ради волеизъявления Милы по поводу того, хочет ли она остаться с ним, но ради волеизъявления свободного, в нормальной обстановке, вне самолета, вне присутствия ста соотечественников. Мы добивались встречи, обещанной советскими. За то, что все кончилось так трагично, вина лежит главным образом на президенте Картере и косвенно — на американском представителе в ООН Макгенри, которому было поручено вести это чрезвычайно сложное дело. У Макгенри же не было настоящего опыта международных переговоров, а тем более — переговоров с советскими. В критической ситуации Макгенри, разумеется, решил быть чрезвычайно осторожным. Осторожным он и оказался...

Волков. Но ведь американцы задер-

жали советский самолет с Власовой на борту в аэропорту. То есть поначалу действовали довольно-таки решительно...

Бродский. Да, и, вернувшись в понедельник в офис, президент Картер издал два распоряжения. Первое — генеральному прокурору: Картер разрешал использовать полицию любым представляющимся ему, генеральному прокурору, целесообразным образом. Другое распоряжение Картера было для Макгенри: проявлять сдержанность. То есть левая рука отменяла то, что делала правая.

Когда выяснилось, что на встречу Годунова и Милы советские согласия не дадут, Шелл предложил: «Почему бы не написать Миле записку? Она сидит в самолете, ничего не знает, ей начальники голову морочат. Записку Макгенри возьмет с собой на встречу с Милой и передаст ей, чтобы Миле стало ясно, из-за чего весь сыр-бор разгорелся. На посла советские прыгать и вырывать записку не станут...» Я говорю: «А на Милу?» — «И на Милу не станут, потому что это будет чересчур уж нахально. Я говорю: «Ладно, будем надеяться...»

Мы составили эту записку в чрезвычайно внятных и, так сказать, приватных выражениях. Отдали ее Шеллу, тот записку Годунова передал Макгенри. Проходит время. Шелл входит: «Она сказала — «нет». Мы все раздавлены. Собираем свои манатки, тут я говорю: «Да, а как она отреагировала на записку?» Ответ Шелла был: «Записка осталась в кармане у Макгенри... Он ее не передал...»

Я чуть было не заревел. По-моему, даже заревел. Ведь я был — как бы это сказать — устами, которыми Годунов глаголил. Не просто рупором. В конце концов у меня тоже в голове что-то происходило. Что-то я соображал, пытался объяснить американцам. Сильное нервное напряжение. Усталость. Вот я и сорвался.

Волков. И все-таки даже после многих десятков часов разговоров с Годуновым многое в этой истории остается для меня загадочным. Я имею в виду психологическую сторону. И ту скрытую драму, которая разыгралась между Годуновым и его женой, — в отличие от всем видимой политической конфронтации между сверхдержавами...

Бродский. Для меня совершенно несомненно, что Мила была чрезвычайно дорога Саше. Они были женаты семь лет. И когда семь лет совместной жизни идут псу под хвост исключительно из-за политических соображений — об этом невыносимо даже думать.

Волков. Как бы, по вашему суждению, развивались события, если Власова могла бы сделать выбор в нормальной обстановке?

Бродский. Не знаю. Думаю, она бы осталась. Саша объяснил мне — буквально на следующий день после своего побега, что они обсуждали такую возможность неоднократно. Тем не менее в последние дни в Нью-Йорке она не выразила готовности, хотя в другом случае она такую готовность, видимо, выражала. Мне кажется, это нормальная супружеская история, когда сегодня ты говоришь «нет», потому что знаешь, что завтра скажешь «да». Думаю, что и у Саши в голове не было полной ясности. Потому что, пока ты в самом деле не бежишь, непонятно, о чем и речь идет. Продумать все до деталей Саша просто не мог. Да детали эти и вообразить себе невозможно. Видимо, он исходил из предположения, что все как-нибудь образуется.

Годунов догадывался, что после Нью-Йорка его собираются отправлять обратно в Москву. Он понял, что времени нет. Что разговоры с Милой будут длиться бесконечно. Он, может быть, ее и уговорил бы в конце концов, но момент был бы потерян. Потому что одно дело строить планы побега в Советском Союзе, а другое — в городе Нью-Йорке.

Вот Саша и решил выполнить по крайней мере одну часть плана, главную для него. Потому что для него главное было — самореализация в качестве артиста. Все-таки Годунов был, в первую очередь, артист, а уж потом — муж. Думаю, для всякого художника главное — это то, что ты делаешь, а не то, как ты при этом главном живешь.

Женщина, когда надо выбирать между известным и неизвестным, предпочитает известное. Отбросим романтическую, эмоциональную сторону, которая могла бы побудить Милу остаться. С практической точки зрения, чисто профессионально, ход рассуждений Милы мог быть таков. Годунов — звезда. Ей, по качеству ее таланта, особой малины не предвиделось. Она была на семь лет старше Годунова. У Саши, если к нему придет успех на Западе, не останется никаких — если мы опять-таки отбросим романтические чувства — сдерживающих обстоятельств. Поэтому Мила вполне могла предположить, что ее жизнь на Западе обернется не самым счастливым образом.

Ее итоговое решение зависело бы от степени привязанности к Годунову. Но в том контексте, который возник в аэропорту Кеннеди, привязанность и прочие романтические эмоции отступили на задний план, а на первый план выступил страх.

Саша, при всем напряжении, при всей необычности и ненормальности ситуации, был в человеческом окружении, среди людей, ему сочувствовавших. Для него любовь к жене не отступала на задний план. Наоборот, все прочее отступило. У Милы произошел, видимо, обратный процесс.

Если бы она и хотела сказать советскому начальнику, что остается, то не смогла бы. Просто не смогла бы! Американцам не вообразить тот психологический нажим, ту волну, которая в такие моменты обрушивается на человека.

Из аэропорта мы возвращались в чрезвычайно подавленном настроении. На другой день была объявлена пресс-конференция.

В эту ночь мы спали всего два или три часа. Потому что нас пытались заставить отказаться от этой пресс-конференции. До сих пор не могу понять почему. Мне аргументы американцев, нас уговаривавших, казались полным вздором. Но давление было такое, которому я никогда в жизни, даже на допросах в КГБ, не подвергался...

Тем не менее Саша выстоял. На пресс-конференции (на которую собралось человек триста репортеров) он давал чрезвычайно внятные ответы. Это было впечатляющее зрелище. Не только пресс-конференция, но все поведение Годунова в эти дни. Потому что я увидел человека, который расцветает в кризисных ситуациях. И это стало для меня довольно-таки памятным переживанием...

■

Более двух лет мы являемся признанными лидерами в области охраны, коммерческой безопасности и частного сыска.

Международная детективная фирма «ЗАЩИТА-СЕРВИС ЛТД», ее филиал и представительства обеспечат Вашу безопасность на территории Москвы, Московской и Крымской областей, в республиках Армения, Грузия, Украина.

Наш тел. в Москве: 365-87-97
факс: 365-87-97

ВРЕМЯ «СКЛЕИВАТЬ ПОЗВОНКИ»

Фото М.Базия

С писателем, публицистом, народным депутатом СССР Юрием КАРЯКИНЫМ беседует наш корреспондент Александр Николаев

— Юрий Федорович, какие аспекты широко обсуждающейся проблемы «писатели в идеологической подготовке путча» наиболее интересны для вас?

— Для меня главное — разобраться в существе дела, понять причины. Юридические моменты должны быть вне нашего писательского и интеллигентского поля зрения. Ясно, почему среди них Проханов. Но Распутин, Белов?

Теперь, кажется, начинаю понимать. Эти люди за последние лет двадцать своей жизни очень многое потеряли. В этом я особенно убедился на съездах, наблюдая, как Белов выступает буквально идеологом небезызвестного депутата Сухова. Конечно, это их беда, но и вина, потому что надо было заниматься той гигантской духовной работой по самообразованию и саморазвитию, которую проделывало наше поколение.

Вот Шукшин. Тоже приехал из провинции, и к Москве, как многие из них, относился с естественным недоверием. Но потом... Какие он дал глубокие определения интеллигентности, интеллигенции — Достоевский и Толстой позавидовали бы. Для тех же, о ком я говорю, слишком многое прошло мимо, бесследно и бесплодно. В результате сработал закон психологии — чем больше ты отстаешь, чем больше не хватает тебе культуры, тем острее проявляется ущербность в твоем самосознании. С другой стороны, они — классические жертвы болезни, истинно русской, а может быть, и всемирной. Все люди тщеславны, честолюбивы в той или иной мере, и крайне важно относиться к себе беспощадно. А тут вдруг о тебе начинают писать так, что куда там Толстой, или Лесков, или Стендаль. Нормальная человеческая слабость, усиленная необразованностью, и — поехала крыша... И вот ты уже обижаешься, что тебя не на каждом шагу называют гением. А что произойдет дальше? Дальше личность начинает мстить за свою негениальность и происходит оскудение таланта.

По-разному можно относиться к распутинскому «Пожару», но написан он по наитию таланта, в нем смоделировано все то, что с нами сей-

час происходит. Кто виноват? Масоны, евреи? Нет там ни одного масона или еврея, есть архаровцы. А сегодня подпись Распутина стоит под тем, что они, архаровцы, собирались учинить. Должен, правда, сказать о вещи, меня порадовавшей, — слышал, что Распутин сам не подписывал это письмо, его фамилию туда вставили. Выходит, нужно было проявить характер постфактум. Неужто не разобрался до сих пор? Трудно это, знаю по себе.

Что еще... Им всем крупно повезло. Во-первых, большая кровь не пролилась, а во-вторых, об этом на пленуме верно Адамович сказал: они знают, что им ничего не грозит. Именно. Нет у этих авторов «Слова к народу» страха. Более того, ни у кого почти не шевельнулись чувства неловкости, стыда, покаяния. Вот что самое страшное! Слезинка ребенка — это им понятно, это вроде бы доходит, а трое убитых — нет, это, мол, к нам не относится.

Мы привыкли читать «Братьев Карамазовых» под впечатлением известной схемы: Иван, подавши мысль Смердякову (Бога нет — все дозволено), в конце концов осознает свою чудовищную вину, и это приводит его к безумию. В таком контексте об августовских событиях уже говорили неоднократно. А если прочитать роман по-другому? Зачем Зосима посылает Алешу в мир, да еще торопя, со словами: «Поспешай, поспешай, может быть, спасешь еще братьев своих?» Стало быть, он отправляет его предотвратить готовящееся преступление. Гениально изображена вина Ивана, но роман, оказывается, о том, что главная-то вина Алешина. Вот какова степень совестливости, открытая теми, с кем наши писатели захотели стать вровень. Полноте, ни ума, ни совести не хватает для этого. Достоевский говорил: «Я определяю православие как человеколюбие». Где же оно?

Люди, фигурально говоря, по горло в крови, и ничего. Какой колоссальный разрыв с русской культурой, с русской традицией. Нет у них ни истинной русскости, ни мужества, ни милосердия.

— Как вы считаете, стремление ряда руководителей сохранить Союз в его нынешних пределах — это «атавизм» имперского мышления или политическая мудрость?

— Я не очень вправе об этом рассуждать, поскольку здесь необходимы специальные знания. Если же в общем, то границы представляются мне делом не только исторически неизбежным, но и преходящим, делом греховным, бесовским и достаточно случайным. Недаром Достоевский определял русскость (через Пушкина) как всемирность. Поэтому Россия, по-моему, совершила бы духовный подвиг, если бы однажды осознала и вдруг предложила: японцы, милые, да заберите вы себе эти острова. Не из-за выгоды, не из-за политиканских расчетов, а по историческому благородству. И это вовсе не было бы распродажей Родины. Страна наша слишком огромна, настолько, что еще Ключевский предупреждал, что из-за своих гигантских пространств мы постоянно проигрываем во времени. Солженицын тоже точно заметил, что сил на империю нет. Понять нужно эту беду, понять, что все силы уходят на то, чтобы удерживать другие народы, на внутреннее же устройство, на собственное совершенствование их просто не хватает. И никакие внешние Саддамы Хусейны нам не угрожают, своих внутренних куда больше. Более того, ситуация в мире, особенно экологическая, сейчас такова, что все мы скорее задохнемся, чем проломим друг другу черепа в термоядерной войне. Все мы в одной лодке находимся, и если, допустим, у нас обнаруживается пробоина, то разве она наша только?

— Пытаясь спастись от нравственного распада, наше общество обратилось к религии. Но повальное ею увлечение принимает уродливые формы. Вас это не коробит? Или вы считаете, что «перемелется — мука будет»?

— При уровне нашего духовного и культурного развития это неизбежно. Кстати, только от полного бескультурья могло случиться такое, что при закладке на Лубянке камня в память жертв сталинских репрессий панихиду служил лишь отец Глеб Якунин и не были приглашены представители других конфессий.

О том, что все беды России пошли от атеизма, я знал давно, знал от Достоевского, а вот понял окончательно только недавно. Раньше не доходило, ибо с самого начала был вскормлен без Бога. В чем главная жуть атеизма? В том, что нас долгое время учили жить без смерти — индивидуальной и родовой. Но если бы человечеству действительно было бы даровано бессмертие, то рано или поздно любой из нас, даже самый святой из святых, испробовал бы все грехи, какие только возможны. И человечество бросилось бы на колени и взмолилось: «Боже, если ты есть, дай смерть!» Я не сразу осознал, что без смерти нет нравственности. Нас ведь как приучали: за Родину жизнь отдать в любую минуту, но смерти при этом как бы и не существовало... Все же внутренние сдвиги в сознании человека происходят только путем катастроф, только при встрече со смертью. Только встреча с нею приводит к взрыву нравственности, впрочем, и безнравственности тоже.

За годы нашей истории, начиная с семнадцатого, произошло как бы четыре расстрела. Расстрел частной собственности и тем самым — интереса к труду; расстрел демократии, т.е. всяческой законности; расстрел национальных чувств, культуры, причем и нашей собственной, и мировой, и, наконец, расстрел религии, т.е. совести. Хотя, вернее так: начинать надо с расстрела совести. Это первоначальное. Человек — существо не просто разумное (это чисто западное определение), но и нравственное. Бытие определяет сознание. Теперь начинает доходить: сознание определяет бытие, да еще как. Но главное, может быть, это: совесть так же определяет бытие, как бессовестность — небытие. Совесть первична, она определяет все остальное. Вдумайтесь в Достоевского: Бог — совесть, т.е. «со-весть», весть о беде от тебя ко мне, от меня к другому и т.д.

У «Белого дома» как раз и оказались те, кто услышал «весть», и это была настоящая победа духовного начала, в этот миг люди стали лучше. Вот если бы те, кто привык ссылаться на мнение народа, те же писатели, кстати, пришли туда, то они бы увидели свой народ, да такой, о котором мы только мечтать могли. Я, как и многие из моего поколения, принадлежу к племени Маугли. Мы изначально росли в волчьей стае, таким образом мы были запрограммированы. Только Киплинг, по-моему, ошибся — ребенок, выросший в среде волков, никогда человеком не станет. Но меня обнадеживает то, что у «Белого дома» было очень много молодых. Они ведь уже другие, нежели мы. В эти августовские дни невольно родилась мысль, что Бог наконец улыбнулся России, улыбнулся, чтоб остановить

«красное колесо».

— Вы как-то связываете «улыбку Бога» с победой демократии?

— Что такое демократия? Равенство людей перед законом, а это есть не что иное, как секуляризированный тезис о том, что все равны перед Богом, что нет ни христианина, ни иудея, ни язычника, ни белого, ни красного. Но это не просто «перевод» с языка духа на язык плоти, с языка небесного на язык земной, это есть взаимодействие, взаимовлияние двух культур. Все это варилось в гигантском котле многие годы. Сначала тысячи тысяч людей больше тысячи лет складывали Библию по зернышку. А потом две тысячи лет демократия вырастала из христианства, но и христианство впитывало в себя демократию.

— Вы можете согласиться с уже прозвучавшими опасениями, что в деятельности, направленной на возрождение России, может возникнуть призрак известной всем триады?

— Опасность возрождения идеи «самодержавие, православие, народность», никуда не денешься, огромная. Один из самых страшных моментов, пережитых мною за последнее время, относится к I съезду народных депутатов СССР. Как вы помните, обычный расклад при голосовании был таким — 800 против 400 или что-то вроде этого. Но вдруг когда был выкинут лозунг «Держава! Родина! Коммунизм!», то как бы в едином порыве встал почти весь зал. И Горбачев встал, хотя впечатление было такое, что как будто подъемным краном его поднимали, и о.Питирим встал... И я почувствовал, что меня поднимает какая-то невидимая сила, удержался, слава Богу, остался сидеть. Немного нас, сидящих, было в зале. И какую же волну чудовищной ненависти ощутили мы тогда на себе. Кстати, нечто подобное испытал я и после своего предложения похоронить Ленина рядом с матерью. Я тогда сказал, что если есть Бог и бессмертие души, то душа Ленина всем нам только спасибо скажет.

На следующий день мы с С.Аверинцевым шли из Кремля, заговорились и вдруг оказались в какой-то толпе. Не поняли, в чем дело, но атмосферу ненависти резко ощутили. Выяснилось, это была колонна людей, протестовавших против моего выступления. Наверное, повторюсь, но почему-то главное, что всегда исходит от наших «патриотов», — ненависть. И никакого благородства, никакой эстетики.

— Перестройка долгое время рассматривалась как последнее увлечение «шестидесятников» и первое — тех, кто немного помоложе. Молодежь была равнодушна. Как вы думаете, те три дня могли дать какие-то качественные перемены?

— «Вышло мое поколение в самый последний поход», — хорошо сказал Окуджава о нашем и впрямь последнем общественном действии. Что касается молодежи, то вы же понимаете, что партия, как старая развратница, наплодила везде детей, я имею в виду разного рода формальные и неформальные молодежные объединения, а потом сама же начала их травить на свой манер — инструкциями, запретами, созданием общественного мнения. Разве могли они, эти дети, в результате верить всему нашему поколению? И правильно делали, что не верили. Даже когда относились к происходящему как к сведению старческих корыстных счетов. Очень трудно было доказать им, что дело далеко не в этом.

Наконец-то, в дни защиты «Белого дома», я физически и морально ощутил: пришла пора сдачи вахты. Подъем духовный впервые захватил молодых. Господи, какие же острые и неожиданные они выкинули лозунги — мозги-то ведь не загажены.

— Юрий Федорович, что вы можете сказать о вашем поколении как явлении историческом?

— Смею утверждать, что это поколение — уникальное в истории человечества. Причем, говоря так, я имею в виду не только моих одногодков, но и поколение солженицынское, и Лидии Корнеевны Чуковской, и поколение Володи Высоцкого. Все мы, рожденные в период от 17-го года до начала Отечественной войны, спрессованы временем в одно целое. В том разница, что для большинства из старших вопрос стоял: жизнь — смерть, а для большинства из нас: карьера — ее потеря.

Странная у этого поколения судьба, слишком много людей было истреблено физически, слишком много погибло, и очень мало осталось сейчас в живых. Ни у одного поколения не было таких надежд и такого их краха. Понимаете, не бывало еще случаев, чтобы в пределах жизни одного поколения происходил такой резкий перелом сознания. От язычества к христианству, от Птолемея к Копернику люди шли веками, а здесь... Еще одна особенность — в массе своей, об исключениях не говорю, первые две трети нашей жизни мы жили без информации, в состоянии духовной блокады, точнее, духовного ГУЛАГа. Нас кормили какими-то кусочками полукультуры, и мы были благодарны, были сыты, да так, что ни на что другое смотреть не хотели. А в конце жизни вдруг свалилось такое, что мы сейчас представляем собой простонапросто одурелых людей. Многие, слишком многие, не справляются интеллектуально, духовно с тем, что вдруг открылось. Не только не справляются, но и сопротивляются. Люди-то застекленели, заасфальтировались, в сто, в тысячу раз нужно больше усилий, чтобы каждый новый факт, противоречащий твоим прошлым представлениям, проник в твое сознание. По себе хорошо знаю. Бывало, решаешь какую-то интеллектуальную задачу и вдруг начинаешь буксовать. В чем дело? Запускаешь руку в череп — ба, да там еще один марксистско-ленинский кусище сидит!

Вот, например, всего года четыре-пять назад мы с Элемом Климовым задумали фильм о Сталине. За поддержкой Климов пошел к А.Н.Яковлеву, вернулся в отчаянии: «Знаешь, даже он говорит, что в Сталине есть плюсы и минусы...» Сегодня мы видим эволюцию этого человека. Недавно, когда мы с ним достаточно сблизились, я напомнил ему эту историю, и его ответ мне многое объяснил. Дело в том, что, когда Яковлев стал председателем Комиссии по реабилитации, он как бы собственным сердцем, собственной физиономией пропахал все эти тысячи свидетельств, проревелся, прокровавился чужой кровью, вот тогда он начал мыслить иначе. На заидеологизированные, обызвествленные мозги никакие цифры, никакие аргументы не действуют. Только собственное твое соприкосновение с трагедией.

Вы же видите, как медленно, со скрипом идет процесс переосмысления нашей истории. Сначала порогом был 37-й год, до 29-го спускались только самые смелые, до 17-го и Ленина — почти никто, кроме Солженицына. Я сам чуть не сломал себе голову на осмыслении вещей, теперь кажущихся столь очевидными, банальными. Вот, допустим, такой: в

«Коммунистическом манифесте» декларируется уничтожение частной собственности, выходит, «единственная научная теория» на самом деле оказывается самой утопической и жестокой, ибо не только игнорирует природу человека, но и для достижения своих целей предполагает насилие над ней.

— А если взглянуть с этой точки зрения на Горбачева? Он ведь тоже принадлежит к вашему поколению.

— Мне кажется, что до августа он остался на том уровне, на каком мы пребывали в начале 60-х годов. Вот наглядный пример, когда неправильный взгляд на мир приводит к политической гибели. Если на какой-то определенной стадии нашего развития теоретическая ограниченность еще могла быть простительной, то сегодня она безнравственна, ибо приводит к неверным шагам, сказывающимся на всем обществе. Человек, начавший так мощно и подкупающе, чуть все дело не погубил.

— Многие склонны усматривать причины в его нерешительном характере.

— Я бы определил характер так: точное знание своего предмета, главных для тебя вещей и еще — точное, и постоянно растущее, сознание своей ограниченности, постоянная отдача себе отчета в том, чего ты не знаешь. Не для фразы, а по существу. Сочетание этих двух моментов дает характер, дает человеку необходимую гибкость и способность к саморазвитию. Когда был у Горбачева характер, когда он ему изменил? Вот мы сейчас забыли, что на XX съезде, том самом, что немного освободил наши мозги, шла речь о том, что если начнется мировая война, то они — капиталисты — неминуемо погибнут, а мы нет. И этот длительный запой соцпатриотизма продолжался очень долго. Горбачев был первым из наших политиков, кто искренним образом осознал простую мысль, что «пепел коммунизма не будет отличаться от пепла капитализма» (это слова американского астронома Сагана), и начал проводить курс разрядки. Он проявил здесь характер, волю, у него было точное знание основной цели и, думаю, ощущение какого-то незнания, а отсюда — стремление узнавать. И потому во внешней политике он развивался и шел навстречу жизни. Теперь смотрите, одновременно во внутренней политике у него росло расхождение с реальностью. Шоры марксизма-ленинизма давали ему уверенность в абсолютной правоте «великой» идеи и априорном превосходстве усвоенных им «истин» над знанием и фактом.

— Вы можете назвать какие-то наиболее важные проблемы, которые необходимо еще решить вашему поколению?

— Несмотря ни на что, духовный опыт нашего поколения колоссален. Поэтому нет ощущения финала, нет ощущения «с ярмарки», наоборот даже, я убежден, что мы еще не закончили свою песенку и есть люди, мы пока можем кого-то из них и не знать, которые тихо, неспешно работают и удивят нас со временем потрясающими книгами.

Мы должны написать свое завещание, завещание-исповедь, потому что главное все-таки не свидетельствовать о том, что было вокруг, а свидетельствовать о себе. Отчасти первую задачу наше поколение уже выполнило — свидетельств, и честных и лживых, достаточно. Со второй же, самой трудной задачей, т.е. исповедью-покаянием, причем абсолютной, беспощадной к себе, более беспощадной, чем к сталинским и всякой другой нечисти, мы пока не справились. Кроме того, долгое время происходила подмена одной задачи другой.

Для меня самой мощной и пронзительной попыткой сочетания точного исторического свидетельства и предельно беспощадного повествования о себе остается солженицынский «Архипелаг ГУЛАГ».

Августовские дни особенно остро дали мне, нам понять, что мы просто обязаны пробить стену неверия и недоверия к нам молодых. Мы должны, и здесь нет гордыни, восстановить разрушенную по нашей же вине связь поколений, заразить их своим знанием и незнанием, своим самоощущением, своим духовным ритмом, что ли. Нам нужно успеть сделать еще многое. Жаль, людей остается мало. Но ведь прорыв всегда начинается с единиц. То, о чем я говорю, очень точно можно выразить словами Мандельштама: «Век мой, зверь мой, кто сумеет заглянуть в твои зрачки и своею кровью склеит двух столетий позвонки?»

Последняя наша задача — начать «склеивать позвонки».

■

МОСКОВСКИЙ ЗАВОД АСБЕСТОВЫХ ТЕХНИЧЕСКИХ ИЗДЕЛИЙ

прядильщиков, крутильщиков, чесальщиц, ткачей, мотальщиц, пом.мастеров, чистильщиков-точильщиков, смазчиков, слесарей-ремонтников, газоэлектросварщика, кузнеца на молотах и прессах, электромонтера по ремонту оборудования, сантехников, слесарей по изготовлению вентдеталей, строителей. Заработок от 800 рублей и выше.

Для лиц, не имеющих профессии, организовано обучение на предприятии. Рабочим предоставляется право на льготную пенсию, единовременный летний отпуск 49 дней, 7-часовой рабочий день, два выходных дня, выдается бесплатное питание, дотации на питание и проезд, по итогам работы за год выплачивается вознаграждение, имеется пионерлагерь.

За справками обращаться по телефону: 235-25-72, отдел кадров.

Тема потерь Советской Армии в Великой Отечественной войне для нашей историографии оказалась одной из самых скользких. В этом мы лишний раз убедились после появления в № 5 «Столицы» статьи Александра Портнова «Разгром советских войск под Москвой?». Пожалуй, ни один материал нашего журнала не вызывал столь бурной и разноречивой реакции со стороны читателей и не во всем солидарной с нами прессы. Даже после публикации в 22-м номере еженедельника иных точек зрения по данному вопросу, даже спустя полгода после выхода в свет нашумевшей статьи издания КПСС продолжали ожесточенно полемизировать с Портновым, обвиняя его во всех смертных грехах. Ветераны войны, уяснив из зубодробительной «правдинской» статьи лишь то, что в «Столице» окопались диверсанты, вновь и вновь писали возмущенные письма, вновь и вновь звонили в приемную редактора, обещая «принять меры». Откликов, аргументированно и убедительно опровегающих основные выводы Портнова, впрочем, было не так уж много...

КТО ПОБЕДИЛ ПОД МОСКВОЙ?

Владимир ЕЛИСЕЕВ, кандидат исторических наук

ПОБЕДА ДАЛАСЬ НАМ ОГРОМНОЙ ЦЕНОЙ

Нельзя верно оценить итоги и уроки Московской битвы, не зная истинных потерь противоборствующих сторон — здесь А.Портнов совершенно прав.

Начнем с оборонительного периода битвы, который, как известно, продолжался с 30 сентября по 5 декабря 1941 г. Действительно, основная доля потерь советских войск приходится на вяземский и брянский «котлы». Причем в тех экстремальных условиях донесения армий о потерях зачастую не доходили до штабов Западного и Брянского фронтов, поэтому в Генеральный штаб поступали в основном заниженные цифры.

Расчеты же показывают следующее. К началу битвы в составе Западного, Брянского и Резервного фронтов насчитывалось 1250 тыс. солдат и офицеров, а по состоянию на 1 ноября их осталось около 714 тыс. За это время прибыло 165,3 тыс. человек пополнения. Значит, реальная убыль численности войск составила 1250—548,7 (714—165,3) = 701,3 тыс. человек. Это и есть потери советских войск за октябрь 1941 г. По немецким данным, в плен были взяты сотни тысяч человек.

В кратчайшие сроки на рубеже Можайской линии обороны был воссоздан стратегический фронт обороны. Сюда выдвигались войска из резерва Ставки, с Северо-Западного и Юго-Западного фронтов, из Московского военного округа. Только в течение недели прибыло 14 стрелковых дивизий, 16 танковых бригад, более 40 артиллерийских полков и другие части. 12 октября эти войска были подчинены командованию Западного фронта. Его командующим с 10 октября стал генерал армии Г.К.Жуков, уже проявивший железную волю в управлении войсками под Ленинградом.

В течение октября группе армий «Центр» удалось продвинуться на московском направлении до 250—400 км, однако ожесточенное сопротивление советских войск заставило фашистское командование приостановить в начале ноября наступление. 15—18 ноября вражеские части вновь двинулись вперед, но в первых числах декабря снова были остановлены. Потери группы армий «Центр» убитыми, ранеными и обмороженными достигли за два месяца 130 тыс. человек.

Безвозвратные потери советских войск в ноябре составили 76,5 тыс., из них 26,5 тыс.убитых и умерших от ран на этапах эвакуации, более 50 тыс. пропавших без вести, а санитарные (раненых и больных) — 63 тыс. солдат и офицеров. Возрастание устойчивости обороны, как видим, оплачивалось дорогой ценой, но главное в этой битве было достигнуто: советский народ и его Красная Армия отстояли столицу своей Родины — город Москву.

В ходе контрнаступления советских войск на западном направлении, продолжавшегося до 8 января 1942 г., группа армий «Центр» была отброшена от Москвы на 100—250 км. Ее общие потери достигли 120 тыс. солдат и офицеров. За весь период контрнаступления советских войск противник перебросил с запада, а также из группы армий «Юг» на центральный участок советско-германского фронта только три пехотные дивизии. Такое усиление не могло существенно изменить характер действий группы армий.

Между тем советское Верховное Главнокомандование передало из своего резерва в действующую армию

большие силы: в одних только стрелковых частях, переброшенных на Западный, Калининский, Юго-Западный, Брянский и Северо-Западный фронты, насчитывалось около 420 тыс. человек.

Безвозвратные потери советских войск в ходе контрнаступления составили 108,1 тыс., а санитарные — 189 тыс. Это было в 2,7 раза меньше, чем за оборонительный период битвы.

Дальнейшие события битвы развивались в рамках Ржевско-Вяземской наступательной операции советских войск, которая, как и битва, закончилась 20 апреля 1942 г. Однако размах планировавшегося

наступления не соответствовал боевым возможностям фронтов. Генеральный штаб, командование Западного фронта и его штаб недооценили силу возможного сопротивления противника и его способность маневрировать резервами на ржевско-вяземском плацдарме.

Путь к победе требует готовности к любым жертвам — примерно так писала газета «Правда» в середине октября 1941 г., как бы объясняя катастрофу под Вязьмой. Такой подход к оценке достигнутых результатов сохранялся, к сожалению, до конца битвы. И хотя Ставка ВГК в директивном письме от 10 января 1942 г. назвала наступление пехоты без поддержки артиллерии преступлением «против Родины, против войск, вынужденных нести бессмысленные жертвы», обеспеченность войск боеприпасами лучше не становилась.

В связи с этим командование Западного фронта 14 февраля 1942 г. доносило Верховному Главнокомандующему: «Как показал опыт боев, недостаток снарядов не дает возможности проводить артиллерийское наступление. В результате система огня противника не уничтожается, и наши части, атакуя малоподавленную оборону противника, несут очень большие потери, не добившись надлежащего успеха». Однако и после таких докладов ни Ставка, ни Главнокомандование Западного направления (воссоздано 1 февраля, главкомом был назначен Г.К.Жуков) не приостановили выполнение наступательных задач. Войска потеряли за два последних месяца битвы еще около полумиллиона человек.

Тем не менее советские войска отбросили противника на витебском направлении на 250 км, на гжатском и юхновском — на 80—100 км. Враг понес значительный урон: из строя были выведены 16 дивизий и бригада. Потери группы армий «Центр» с начала января по 30 марта составили более 333 тыс. человек. Разгрома она смогла избежать только в результате переброски 12 дивизий и 2 бригад из Западной Европы.

Всего потери советских войск в битве под Москвой составили 2000,3 тыс. человек; из них безвозвратные — 1120,1 тыс., а санитарные — 880,2 тыс. солдат и офицеров. Общие потери противника в битве достигли 600 тыс. человек, в том числе до 25 процентов — убитыми, пленными и пропавшими без вести. Соотношение потерь противника и советских войск изменялось в ходе битвы следующим образом: в октябре—ноябре 1941 г. — 1:6,2, а в декабре 1941 г. и в январе—апреле 1942 г. — 1:2,5.

Итак, победа под Москвой дорого далась нашей армии. Однако поражение вермахта на подступах к советской столице до основания потрясло гитлеровскую военную машину. Именно в Московской битве вражеский план молниеносной войны потерпел крах. Немецкие войска были вынуждены перейти к обороне на всем восточном фронте. Германия оказалась перед неизбежностью ведения затяжной войны.

После войны бывшие гитлеровские генералы, пытавшиеся найти причины поражения их армий под Москвой, зачастую относили к ним и «неисчерпаемые людские ресурсы Советской России». Однако вскрой они этот фактор на год-полтора раньше, возможно, не пришлось бы разрабатывать «план Барбаросса», не было бы нападения на СССР.

Автор статьи «Разгром советских войск под Москвой?» А.Портнов выводит проблему людских потерь за рамки битвы и приводит расчеты «разных объективных исследователей» по всей войне в целом. Согласно этим подсчетам, «не менее 5—6 советских солдат погибало «в обмен» на одного немца!». Жаль, что к объективным исследованиям не отнесены результаты работы комиссии Генерального штаба Вооруженных Сил СССР, опубликованные в «Военно-историческом журнале» (1990, № 3): СССР безвозвратно потерял в войне 8668,4 тыс. человек.

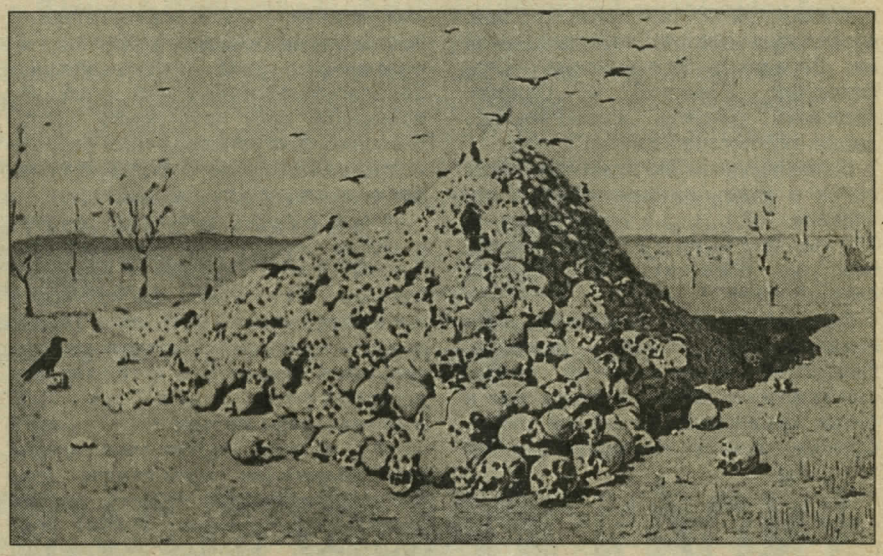
Долгое отсутствие объективных данных о советских военных потерях стимулировало самодеятельные подсчеты, в которых размеры потерь Красной Армии непомерно раздувались, а потери противника принимались по минимальному варианту. Так, известный писатель В.Астафьев без ссылок на какие-либо источники оценивает соотношение потерь нашей армии и противника как 10:1 («Советская культура», 1989, 25 марта). Ю.Геллер утверждает, что боевые потери Советских Вооруженных Сил достигли 22 млн. человек, причем, по его расчетам, соотношение их с потерями противника, которые он оценил в 1,5 млн. солдат и офицеров, составило 14:1.

Наиболее объективные сведения

о потерях противника содержатся, на мой взгляд, в публикации В.Гуркина и О.Гурова («Военно-исторический журнал», 1989, № 9): общие безвозвратные потери только немцев вермахта и войск СС на восточном фронте за период с 22 июня 1941 г. по 9 мая 1945 г. составляют 5151 тыс. человек. К этому числу добавляются потери австрийцев, судетских немцев, уроженцев Эльзаса и Лотарингии, служивших в вермахте, а также иностранных формирований вермахта (испанская и словацкие дивизии, власовские, мусульманские, прибалтийские и другие), которые в сумме составляют 895 тыс. человек.

Таким образом, безвозвратные потери Советских Вооруженных Сил (10504,4 тыс.*) и союзных войск (47 тыс. человек) за четыре года войны соотносятся с потерями противника как 1,49:1. Уверен, что такое соотношение более отвечает истине, чем приведенное в статьях «разных объективных исследователей».

И еще об одном — об упреке А.Портнова нашему беспамятству и нашим историкам. Нетрудно догадаться (и автор высказал такую догадку), что сведения о потерях закрывали не историки. Как только такие сведения стали открытыми, в планы научно-исследовательской работы стали включаться различные темы о потерях в войне. Публикации по этому вопросу уже появляются в печати. Скоро должны выйти в свет и большие монографии.



Александр ПОРТНОВ

ГОРЬКАЯ ПРАВДА И СЛАДКАЯ ЛОЖЬ

В последних числах сентября — начале октября 1941 года началось мощное наступление немецких армий на Москву. Гитлер не сомневался в скором успехе и планировал торжественно въехать в поверженную столицу к ноябрьским праздникам. Вышло иначе. Через три месяца боев, истощив запасы бензина и боеприпасов, среди глубоких снегов, в небывалые морозы, захлебнувшись кровью защитников, захватчики отступили от дачных пригородов столицы. Это было первое чувствительное поражение третьего рейха, первая, еще неуверенная, победа Советской Армии.

Но плата за эту победу была поистине чудовищной: под стенами Москвы за три с половиной месяца погибло, попало в плен, пропало без вести около миллиона бойцов. Этот миллион жизней — несмываемое пятно на совести бездарного командования, затыкавшего дыры в обороне обреченными на смерть людьми, не людьми даже, а пушечным мясом — именно так относились сталинские военачальники к своим подчиненным. Трагедия «односторонних» потерь финской кампании 1940 года повторилась и под Москвой, только размеры новой катастрофы были раз в двадцать больше.

И как всякое чудовищное преступление режима против народа, преступление этой «победы» было строго засекречено. Не обсуждение — безобидный разговор о потерях Красной Армии в Московской битве грозил концлагерем. Жертв словно не было. Была лишь грандиозная виктория. «Разгром немецких войск под Москвой» — этот пропагандистский стереотип, повторенный за полвека бесчисленное множество раз, оказался вбит в мозги советского человека так прочно, что словно окаменел, или, точнее, обронзовел. В лучах ратной славы на этот «экран» проецировались бесконечные колонны войск, широкие груди военачальников, густо увешанные наградами. Над головами маршалов и генералов парили херувимы — партийные историки, трубящие в фанфары и устилающие дорогу к победе лавровыми венками...

В этой почти лубочной картинке всегда казался подозрительным тот факт, что описания славных сражений сводились, как правило, к успехам пулеметного расчета, взвода или роты. Всем известен подвиг двадцати восьми героев-панфиловцев, почти полностью погибших в бою с немецкими танками. Но почему лишь неполных три десятка бойцов оказались на пути вражеских колонн, где же были все остальные войска? Куда исчезли многочисленные армии, входившие в состав Западного, Брянского и Резервного фронтов?

Согласно тем данным, что любезно сообщил нам кандидат исторических наук В.Елисеев, в этой группировке в начале октября насчитывалось 1250 тысяч солдат и офицеров плюс пополнение за месяц — 165,3 тысячи плюс прибывшие за неделю октября резервы Ставки с Северо-Западного и Юго-Западного фронтов: 14 стрелковых дивизий, 16 танковых бригад, более 40 артиллерийских полков и т.д. Сюда же, види-

* К цифре 8668,4 тыс. добавлено 1836 тыс. советских военнопленных, вернувшихся на Родину после войны.

мо, следует прибавить и солдат отступавшего перед немцами фронта, и московское ополчение — 120 тысяч (по официальным данным, а на деле, вероятно, гораздо больше). Итак, не менее двух миллионов красноармейцев противостояло немецким армиям. А героев-панфиловцев оказалось лишь двадцать восемь!

Горькая правда — и о ней ни слова не говорили лжецы-историки — заключалась в том, что победы как таковой-то и не было, а была лишь кровь, трупы и унижение. Только в вяземском «котле» немцы захватили 655 тысяч пленных (!), 5000 орудий, 1200 танков. А ведь был еще и страшный брянский «котел», и паническое отступление (бегство?) без соблюдения линии фронта... Лишь в начале шестидесятых наши газеты начали писать об этом. Но цензура вскоре спохватилась и заткнула рот всем сразу, в том числе и маршалу Жукову, чьи книги воспоминаний оказались «подчищенными» настолько, что сам автор не мог узнать свой текст.

Ни в одной монографии, посвященной московскому сражению, до недавного времени не было данных о советских потерях. Какие же это «исторические исследования»? Возьмите любые доброкачественные воспоминания или записи: будь то лаконичные рассказы древнерусских летописцев о Куликовской битве, о взятии ханом Тохтамышем Москвы в 1382 году или более поздние — о сражении под Полтавой, о Бородинской битве и т.д. — первое, что называет настоящий историк, — количество противостоящих войск, численность кавалерии, количество пушек. Искусство же полководцев оценивается исключительно с учетом потерь в войсках. Так, например, блестящие победы А.В.Суворова отличались минимальными потерями русских солдат — и это непременно отмечали все историки.

А вот в разгромной «правдинской» статье от 6 августа нынешнего года профессор и доктор исторических наук А.Синицын, опровергая мою статью в «Столице», обвиняя вашего покорного слугу в невежестве, глумлении над памятью погибших, кликушестве и прочих криминальных проступках, тем не менее не привел НИ ОДНОЙ ЦИФРЫ советских потерь. Почему? Да потому, что они были засекречены и нарушить это «табу» он боялся. Да и вообще, если отбросить эмоции и начать спор по существу, потребуется совсем иная статья — конструктивная, аналитическая, без навешивания пролеткультовских ярлыков. Но для профессора А.Синицына, автора ученых трудов «КПСС — вдохновитель и организатор побед советского народа в Великой Отечественной войне» («Знание», 1965), «XXV съезд КПСС и дальнейшее развитие трудовой и политической активности масс» («Знание», 1977), «Герои вдохновенного труда» («Политиздат», 1983), этот метод, видимо, не подходит.

Почему военные историки до сих пор избегают ссылок на секретные данные начальника германского генерального штаба Ф.Гальдера? Ведь дневники этого генерала, опубликованные после войны, никогда не опровергались ни одним серьезным исследователем. Подсчеты Гальдера о немецких потерях — погибшими, пропавшими без вести и ранеными, отдельно для солдат, отдельно для офицеров — делались еженедельно и докладывались лично Гитлеру. Пунктуальность немецкой военной школы, особенно в начале войны, особенно в сводках, предназначенных для самого фюрера, общеизвестна. Приписок не полагалось, злой умысел — практически невозможен. Данные Гальдера, увы, не в лучшем свете выставляют советских генералов. Не потому, что немецкий военачальник дает оценку их операциям, нет, по простому сопоставлению данных о наших и вражеских потерях. А.Синицын укорял меня в том, что я «принял на веру сведения фашистского командования». Извините, профессор, а Вы, значит, верите сведениям сталинского командования? Они действительно были опубликованы и пользовались широчайшей известностью. Я имею в виду доклад Сталина от 6 ноября 1941 года. Верховный Главнокомандующий сообщил, что мы потеряли 350 тысяч убитыми и 378 тысяч пропавшими без вести. А немцы, по данным Иосифа Виссарионовича, к тому времени не досчитались убитыми, ранеными и пленными четырех с половиной миллионов солдат и офицеров. Другой информации о потерях советское командование не представляло... Если выбирать между Сталиным и Гальдером — я, безусловно, склонен больше доверять последнему.

Согласно Гальдеру, потери немцев к 7 ноября составили 145 тысяч убитыми и 29 тысяч пропавшими без вести. В течение октября, ноября и декабря, то есть во время московского сражения, число убитых и пропавших без вести немецких военнослужащих составило 79 тысяч — и это НА ВСЕХ ФРОНТАХ В СССР. Значит, на московском направлении оно вряд ли превышало 50 тысяч. Советские же безвозвратные потери, по данным В.Елисеева, за тот же период составили 885,9 тысячи человек, то есть чуть ли не в семнадцать раз больше! По мнению В.Елисеева, конец битвы за Москву следует датировать апрелем 1942 года (а не январем, как это было принято раньше). В этом случае потери советских войск, по официальным (ранее секретным) данным, составляют два миллиона человек, из них безвозвратные — 1120 тысяч, санитарные — 880 тысяч. Соотношение убитых и раненых заставляет думать, что истинные потери были больше: ведь, по данным Гальдера, например, число раненых всегда значительно превышает число убитых...

Те несложные арифметические подсчеты, что я привел выше — не что иное, как свидетельство жуткой трагедии, невиданной в истории России. За сухими цифрами — массовое истребление (иного слова не подберу) советских солдат советским же командованием. Лгать об истинных причинах катастрофы — значит глумиться над памятью сотен тысяч погибших соотечественников. Кровавая мясорубка — иначе назвать сражение под Москвой язык не повернется. В истории российского и советского военного дела это побоище славы не заслуживает. Красная Армия потерпела в лесах и болотах Подмосковья СОКРУШИТЕЛЬНОЕ ПОРАЖЕНИЕ, НЕБЫВАЛЫЙ РАЗГРОМ, буквально закидав противника трупами защитников столицы. Естественно, такой вывод не нравится многим генералам, вельможным историкам, квасным патриотам.

Но горькая правда лучше сладкой лжи.

Иеромонах ВЕНИАМИН (НОВИК)

РОССИЯ – МЕЖДУ ПРОШЛЫМ И БУДУЩИМ

Фото В.Меклера

Сегодня основным вопросом русской мысли, всегда тяготевшей к историософии, является вопрос о том, как оказалась возможной Российская катастрофа XX века. После случившегося с Россией просто продолжать говорить о Святой Руси, даже с оговорками вроде той, что православный идеал все равно живет в душе народа, представляется легковесным, хотя, может быть, этот идеал и действительно живет. По словам Г.П.Федотова, XX век сделал наивным все, что было написано в XIX (хочется добавить: кроме написанного Ф.М.Достоевским). Без широкой народной поддержки, при общей пассивности масс, конечно, не произошел бы всероссийский погром. Прорвалась как бы какая-то затаенная вражда ко всякой духовности, ставшей привилегией элитарных слоев, в результате глубокого внутреннего раскола русского общества, раскола, приобретшего явно выраженную форму, начиная с эпохи петровских реформ. Мы теперь иначе всматриваемся в русскую историю, пытаясь определить, когда же все-таки все это началось: во время споров иосифлян и нестяжателей, в опричнину Ивана Грозного, в Смутное время, при патриархе Никоне или во время бунтов Разина и Пугачева, когда убивали священнослужителей, женщин и детей? История любого народа драматична, но здесь детонация шла как бы на более глубинном уровне. Если охарактеризовать духовное состояние России одним словом, то этим словом будет «раскол», глубокий внутренний раскол русского общества, проходящий и через каждый русский характер, теряющий свою идентичность. «Безудерж карамазовский» получил у Ленина четкую формулировку о власти «ничем не ограниченной, никакими законами, правилами, опирающейся на насилие». «Грабь награбленное» — было на поверхности. Чудовищная, пещерная жестокость, сопровождавшая все это беснование, указывала на некую метафизическую истерику народной души, ее одержимость.

С революции 1917 года началась некая новая железобетонная эпоха, в которой уже не было места старому русскому православному быту, даже со всем его несовершенством. Народилось новое качество жизни, подавляющая доминация общего над частным. В качестве компенсации за утраченное Божество возник безудержный активизм, даже титанизм, перекраивающий мир. Отдельный человек, как «частность», был неизбежно обречен. Н.А.Бердяев заметил нарождение нового жесткого антропологического типа, который возобладал в сфере общественной жизни, каждая клеточка которой стала пронизываться насилием, явным или неявным. Клише об особой душевности русского человека явно устарело. Причем нельзя сказать, что все стало сплошным злом.

Вербально провозглашенные идеалы, при всей подспудной лжи системы, носили, в целом, положительный (как раньше говорили), гуманистический характер. Имели место даже отдельные всплески энтузиазма. Причем эти провозглашенные идеалы, долженствующие сбыться в будущем, воспринимались как главное, а все беды как нечто второстепенное, что порождало бесконечное терпение людей в тяготах жизни. Русский человек готов пожертвовать почти всей бытовой стороной жизни ради идеала, в который он верит, а идеалы, повторяю, в целом были гуманными, имеющими христианскую основу. Произошла чудовищная подмена христианства его внешне схожим суррогатом: вместо царства Божия стали говорить о «светлом будущем», пролетариат был объявлен новым богоизбранным народом, русская идея соборности обрела своего страшного двойника в принудительном коллективизме.

По сути дела, это была религиозная программа спасения, потребовавшая человеческих жертвоприношений и неустанного поиска врагов. Трудно допустить, что сознательно ставились злые цели, но раз выбранный путь с неумолимой логикой требовал все новых злодеяний. Целые поколения людей, особенно военное (1941—45гг.) и послевоенное, честно проживали свою нелегкую жизнь, перенося все невзгоды, и именно эти, оставшиеся в живых люди продолжают верить в социализм. Если бы все были такими. Но кто-то ведь обслуживал и архипелаг ГУЛАГ. Даже сейчас не всегда можно упоминать о свободе и достоинстве личности без риска быть обвиненным в анархическом эгоизме. Многие во всех остальных отношениях порядочные люди хранили молчание, когда начиналось избиение какого-нибудь инакомыслящего или человека, так или иначе не вписавшегося в систему. Считалось, да и сейчас еще кое-где продолжает считаться, что этот небольшой минус нужен для какого-то большого плюса в будущем. Но опасность любого идеала состоит именно в его обобщенном характере, неизбежно приводящем к игнорированию конкретики. Люди, охваченные идеалами, а точнее говоря — идеологией, перестают адекватно воспринимать действительность. Факты перестают значить что-либо вообще. Так огромные человеческие и материальные потери, понесенные Россией на пути к коммунизму, некоторых людей не заставляют задуматься над истинностью самой идеи коммунизма, т.к. сама идея, в отрыве от пути к ней, выглядит в отвлеченной форме заманчиво, и даже такой критик коммунизма, как Н.А.Бердяев, видел в нем нечто положительное (что, впрочем, легко понять, т.к. Бердяев мыслил не столько в социологическом аспекте, сколько в метафизическом, где коммунизм начинает видеться в свете соборности). И в самом деле, как отличить главное от второстепенного, да еще и в динамике? Ведь то, что сегодня кажется незначительным, завтра может стать доминирующим, и наоборот.

Здесь требовалось духовное зрение, которого и не хватило. Диалектика частного и общего, а в социальной сфере — личности и общества, оказалась чрезвычайно сложной для рационалистического подхода, с его неизбежной тенденцией к полной детерминации жизни общества. Дело, конечно, заключается не в умозрительном определении соотношения общего и частного, а в осмыслении их реального единства. Как определить здесь необходимую и неизбежную меру насилия, точнее, принуждения, без которой невозможно обеспечение законности в любом государстве?

Идеалы в значительной степени ответственны за пути к ним. Рационалистический материалистический монизм, явившийся сердцевиной нового мировоззрения, привел к стремлению полностью детерминировать жизнь, к грубому нарушению религиозного апофатизма и, как следствие, к социальному утопизму, этой главной ереси XX века, по выражению С.Л.Франка. Утопии, к сожалению, сбываются, убивая при этом саму жизнь.

Кто-то может сказать, что и христианство — утопия, несбыточный идеал. Это не так, оно предельно реалистично. Но сейчас для нас важно другое. Христианству, по крайней мере, органически чуждо насилие, а внерелигиозное мировоззрение не может определить меру необходимого насилия, тут оно неизбежно ошибется. Критерия ведь нет. Ложной оказалась не идея коммунизма, а ее абсолютизация, как ложна абсолютизация любой идеи. В этом ограниченность любой идеологии. Как возобладала антиисторическая абстрактная идея социального конструирования заново, вызвавшая в низших слоях общества просто погром? Были ли для этого предпосылки? Глубокие мысли об особенностях русской души были высказаны о.П.Флоренским, Н.А.Бердяевым, В.В.Розановым, С.Л.Франком и др. Из этих высказываний обратим внимание на те, которые связаны с поставленным вопросом: как все это оказалось возможно?

Отец Павел Флоренский писал о том, что Православие и православная культура по-настоящему не были выстраданы русским народом, достались слишком легко, в результате чего образовалась некая слабина, которая рано или поздно должна была прорваться. Бердяев говорил о парадоксальности русской души, о ее склонности к максимализму, порождающему нигилистическое или апокалиптическое отношение к жизни, нелюбовь ко всему «срединному», к форме как таковой. О полярности русской души писал и Г.П.Федотов. Тонкие замечания принадлежат В.В.Розанову, писавшему, что тайна русского человека заключается в неуважении к себе, что русский человек не бессодержателен, а русское общество бессодержательно, пусто; что русский человек не любит собственности. Конечно, многое в подобных высказываниях построено на различении оттенков и не бесспорно. Много писалось о женственности русской души, недостатке в способности к самоорганизации. Излишне говорить о том, что эти характеристики не претендуют на полноту. Кое-что из перечисленного сегодня представляется односторонним. Пытались объяснить русский характер, исходя и из географических особенностей России. Но очевидно, что антиномичность национального характера не более объясняется русским ландшафтом, чем любым другим. Сложным является и переход от осмысления русской души на индивидуальном уровне к уровню общественному, осмыслению в целом души народа, создавшего самое большое в мире государство и породившего титанизм социализма, который никак не назовешь женственным. Законы душевной жизни человека могут очень отличаться от законов, по которым развивается общество, что часто недооценивалось в русском сознании. Тему целого исследования мог бы составить вопрос о русском атеизме, который часто рассматривается как нечто случайное, какое-то вре-

менное наваждение. И здесь русскими мыслителями были высказаны горькие мысли.

Так, Н.А.Бердяев в 1918 году писал, что особенная религиозность русского народа должна быть поставлена под сомнение. И действительно, знаменитый русский максимализм не обязательно должен иметь религиозную природу, хотя, например, о чувстве справедливости, глубоко присущем русским, этого уже не скажешь. Наряду с представлением о русском народе как богоносце известна мысль одного из героев Достоевского о склонности русских к атеизму. Говорилось также, что в русском человеке душевная сторона со всей ее неустойчивостью преобладает над мужественно-духовной, что он излишне доверчив к психологической очевидности, к собственному чувству непосредственного восприятия жизни. С этим парадоксально сочетается отсутствие интереса к психологизмам в русской философии, несмотря на всю социологичность, тяготеющей к онтологическому мышлению. Конечно, мы здесь не собираемся судить русский народ, но без осмысления всего высказанного невозможно пытаться осознать и современную ситуацию в России. Оценочность же неизбежно связана с любым мнением, и ее практически невозможно избежать.

В целом представляется, что на Руси доминировали две идеи: мессианская и идея общинности с соответствующими представлениями о должном, понимаемом в предельном смысле. И следует сказать, что для эпохи становления нации, и вообще в кризисных ситуациях, эти две идеи могут быть весьма животворными, повышающими духовный потенциал народа. Я глубоко убежден в том, что выражение «Святая Русь» появилось не случайно. Действительно, на Руси существовало и существует некое особое качество духовности, несмотря на всю подчас бытовую неустроенность и неблагообразие жизни. В русских святых есть и какая-то особая теплота, и всемирная отзывчивость, о которой говорил Ф.М.Достоевский. России не удавалось до сих пор, говорил С.Н.Булгаков в 1914 году на заседании религиозно-философского общества, «переделать себя в стиле новой Европы, ибо не может она найти к этому настоящего вкуса, ибо слышится ей смутно иной зов, иное веление: хотеть несоединимого, невозможного, чудесного, жаждать вместе неба и земли, святым томлением томиться».

Как легко теперь сказать, что все это не спасло Россию от катастрофы, что на Руси не были выработаны формы христианской общественности, государственности. Но, не примиряясь внутренне с трагедией, можно сказать, что, может быть, не все еще открылось, и Русь действительно взошла на Голгофу, и ей еще предстоит преображение. Может быть, русская трагедия предотвратила или еще предотвратит другие, еще большие трагедии. Трагедия произошла, когда духовность стали вводить принудительно, назвав ее «сознательностью», когда было нарушено одно из необходимых условий духовного развития — свобода.

Действительно, христианский идеал включает в себя не только личную жизнь людей, но и все сферы жизни. А тот же идеал добра при внешней сохранности, но внутренней выхолощенности приводит к потере иммунитета к насилию, к подмене всех ценностей их двойниками. Мессионизм и общинность трансформировались в некий коммунистический глобализм, неустанно ведущий войну против бытия как такового. Русское сознание, столь напряженно вглядывавшееся в жизнь, опасаясь антихриста, на этот раз не заметило подмены. Православное царство сменилось атеистическим тоталитаризмом. Речь о личности теперь уже не шла вообще — столь грандиозные были поставлены задачи. Но именно эта человеческая личность и оказалась тем маленьким отверстием, через которое высыпалось почти все содержимое нового Молоха. Крах оказался неминуемым. Стремление полностью детерминировать жизнь убило ее. От человека, поставленного в положение раба или наемника, нельзя требовать гражданских добродетелей, без которых невозможно никакое цивилизованное государство, не будут действовать никакие законы.

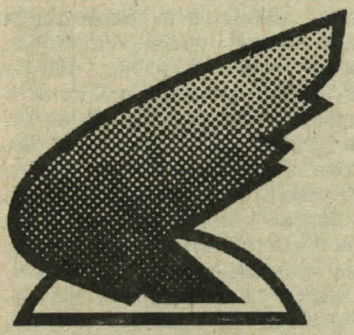
В крайних ситуациях, когда возникала угроза самому существованию государства, гражданские добродетели пробуждались, но на мирную жизнь их уже не хватало — слишком уж эта жизнь была пресна и скучна. Тоталитарное государство развило патерналистски-инфантильный тип сознания. Люди были фактически исключены из общественно-политической жизни, ожидая команд сверху. Само слово «политика» внушало страх. Страх и апатия вообще пронизывали все общество. Бунт одиночек ничего не менял и не вызывал в народе сочувствия. Отдельные стоически выполнявшие свои обязанности люди общую картину не меняли. В этих условиях и произошло пробуждение общественного сознания, началась перестройка, да и то не под давлением снизу, а сверху, что само по себе является большой загадкой, ибо верхи, как казалось внизу, давно утратили всякое чувство реальности. Было бы поверхностным считать все произошедшее с Россией простой ошибкой, каким-то наваждением, долженствующим рассеяться; слишком многое в прошлом предуказывает на то, что произошло в XX веке. Можно сказать, что неуважение к человеческой личности, о котором говорил Розанов, лежало в основе случившегося. Но вопрос о личности — это вопрос религиозный, и по-настоящему он решается только в христианстве, для которого человек — образ и подобие Божие. Выше человека только Бог, человек призван к богоуподоблению и не может быть средством ни для каких целей.

Крушение русской монархии, традиционного, еще сильно связанного с землей образа жизни и бытовых форм русского Православия вызывает необходимость уточнения православного миропонимания, которое, конечно, не может остаться прежним. Связанность Православия с конкретно-историческими общественными и культурными формами, как и с русской национальностью, как показала сама история, не абсолютна. Парадигмой современного политического мышления становится демократия, что соответствует повышению потенциала человеческой индивидуальности. Эпоха сакрализованных монархий безвозвратно уходит в прошлое, и России, после крушения тоталитарного коммунизма, предстоит осмыслить новую общественно-политическую реальность. Многие выдающиеся православные подвижники были сторонниками православной монархии, являющей собою как бы некое отображение Царства Божия на земле, но мы сейчас имеем такой исторический опыт, который не был ведом им, да и учение о православной монархии не может быть догматизирова-

но. Сейчас ясно, что возврат к православной монархии невозможен, что, конечно, не исключает веры в православную монархию как идеал. Оказалось, что в общественном устроении синица в руках лучше журавля в небе, хотя это и отталкивает от общественной жизни и политики людей, понимающих духовность и церковную жизнь индивидуалистически. Правовое государство, как писал В.С.Соловьев, не призвано превратить жизнь в рай, но призвано не дать ей превратиться в ад. Ясно, что правовое государство, о котором у нас сейчас говорят, может быть только десакрализованным, и это обстоятельство нуждается в религиозном осмыслении. Нельзя просто вернуться к утраченным сакрализованным формам бытия, которые дело рук не только человеческих. Демократия, суть которой не в расслабляющей анархии, не в праве большинства, а в защите личности, подчас кажется русскому человеку чем-то формальным, пустым, мелким, какой-то условной игрой, обманным приемом для захвата власти, и, действительно, основания для таких подозрений есть. Тоталитаризм, действительно, часто приходит после расслабляющей демократии, но ведь и демократии, конечно, могут быть разными. В метафизическом смысле демократия, конечно, уступает тоталитаризму, не говоря уже о царстве. Но можно задуматься над тем, не является ли демократия, с ее отрицательным характером, политическим коррелятом апофатического принципа в богословии? Ведь общественная форма, предоставляемая демократией, может заполниться религиозным, а не обязательно политическим содержанием тоталитарной псевдосакрализованной системы. Примером нового православного мышления для нас может быть преподобный Нил Сорский, осознавший условность конкретно-бытовых форм, терпимо относящийся к еретикам, различавший человека, сотворенного по образу и подобию Божию, и его убеждения. Сейчас представляется, что роль демократического устройства была в целом недооценена в русской мысли, хотя на личность как отправной пункт правового государства указывал, пусть и не в акцентированной форме, еще В.С.Соловьев. Конечно, демократия, в силу своего формального характера, сама по себе не может быть целью, а только необходимым условием развития общества. Без духовной основы демократическое настроение может превратиться, по едкому выражению Л.П.Карсавина, в некрофилию, привести ко «вторичному смесительному упрощению» — по К.Леонтьеву. Но ведь и тоталитарное государство может превратиться в царство антихриста. Сейчас содержанием общественной жизни стала борьба между консерваторами, которые видят в демократизации выхолащивание идеалов, и демократами, которые видят в тоталитарном государстве тюрьму. Причем и те и другие рассуждают скорее от противного. Дай Бог, чтобы в этой борьбе не было очередных побежденных и победителей, и их не будет, если мы, наконец, научимся различать уровни бытия: духовного, общественного, политического и даже экономического при всей их взаимосвязанности. Надо, наконец, научиться не отождествлять человека с его мировоззрением.

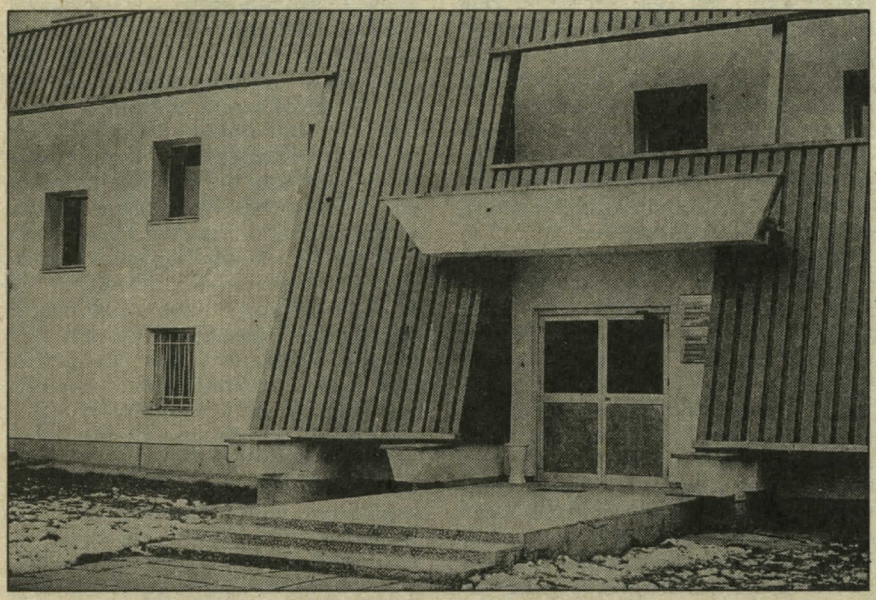
Русское сознание прошло через нигилизм, большевистский апокалипсис, титанизм переустройства мира, атеизм, ад ГУЛАГа, дурноту застоя, чехарду перестройки, мучительно изживает рецидивы архаической, подавляющей личность коммунальности. Русскому сознанию предстоит выработать критическое отношение к собственной интуиции, мнимой психологической самоочевидности, к исконному понятию справедливости. Сейчас ничто не самоочевидно. В этом отношении традиционная критика русскими мыслителями «критик» Канта, строго различавшего уровни бытия, представляется небесспорной. Русским предстоит осознать не только смысл спасения, но и смысл жизни, метафизическую значимость «срединности» культуры, права, форм общественности, что опять же возможно для нас только в христианстве. Ведь именно в воскресшем Спасителе временное наследует вечное. Христианство, если рассматривать его в философском аспекте, вообще является основой для адекватного осмысления соотношения всех метафизических реальностей. В христианстве абсолютное пронизывает относительное, конкретное, вечность понимается не столько в количественном смысле бесконечной протяженности, сколько в смысле качественной насыщенности бытия. Именно христианство, таким образом, открывает смысл жизни как жизни. Предстоит изживание мессианского сознания, преодоление равнодушия к общественной жизни, политике, осознание значимости не только личности, но и индивидуальности с ее правами, без чего никакое полноценное гражданское общество невозможно. Русь выработала формы личной аскезы и святости, но устойчивых форм общественного бытия у нас до сих пор нет, и общество как таковое святым быть не может. Здесь можно вспомнить, как превозносил К.Леонтьев святость и ругал честность. Сейчас остра необходимость в выработке именно срединной добродетели — честности. Нельзя прийти к святости, минуя честность, хотя это, скорее, дохристианская добродетель. Христианин не обязательно становится святым, но он обязан превосходить светские добродетели. Всегда можно пожертвовать своими правами, но недопустимо жертвовать правами другого. Если само понятие права с большим трудом поддается религиозному осмыслению, то недопустимость нарушения права или свободы другого с духовной точки зрения более очевидна. Нам предстоит осознание собственной религиозной, культурной и социальной идентичности, личной ответственности, мужественный путь в глубину, путь духа, чего пока не хватает как «демократам», так и «патриотам». «Демократы» склонны к отрицанию положительной ценности исторического опыта России, видя в нем лишь отрицательную ценность. «Патриоты» оказываются не в состоянии осмыслить русскую катастрофу. Высшие же ценности, строго говоря, не объективируются, и инфантильный соблазн ухватиться за идолы, пусть даже самые возвышенные, остается.

Православие же способно свидетельствовать о ценности бытия и его высшей цели, хотя и прошлое наше, и настоящее часто доносит до нас его голос в искаженном виде.



Высшая коммерческая школа:

ПРОФЕССИОНАЛОВ УЧАТ ПРОФЕССИОНАЛЫ



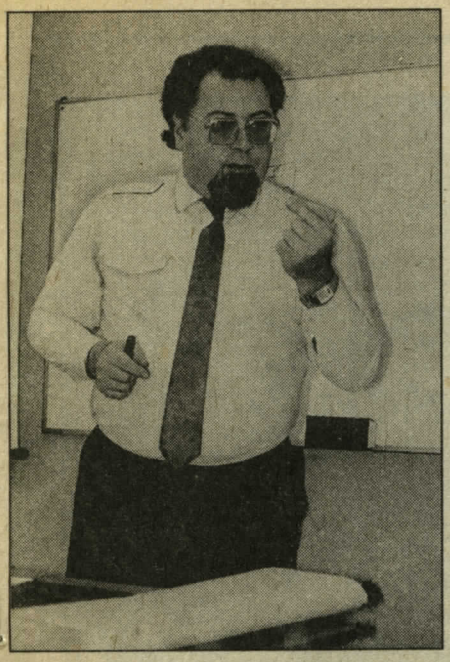
125475 Москва, Левобережная, 32,
Тел. 458-74-94,
Телекс: 411162 HCMS SU
FAX: 200-22-05

Здесь, в непосредственной близости от "окна в Европу" — аэропорта "Шереметьево-2", находится оригинальное здание Высшей коммерческой школы, которая вот уже почти четыре года выпускает тех, с чьими именами связана надежда на улучшение нашей экономической ситуации. Внешний вид не обманывает. Здесь действительно все соответствует европейскому уровню: качество процесса обучения, оборудование учебных классов, профессора и преподаватели, поэтому школа принята в члены Европейской ассоциации школ бизнеса (EFMD), и ее дипломированные выпускники хорошо известны в западных деловых кругах. Диплом школы ценится и у нас, причем не только в среде представителей большого бизнеса, но и на черном рынке, где за него просят около 40 тысяч рублей.

Особенность школы в том, что преподаватели знают международный бизнес не по книгам, а по своему собственному опыту. Многие из них были бизнесменами, директорами смешанных обществ за рубежом, торговыми представителями Советского Союза. И все они до сих пор продолжают свою международную практическую деятельность в области бизнеса.

— Наше преимущество — блестящий профессорско-преподавательский состав. Без него все это великолепное здание и интерьеры были бы пустым местом. Мы зарабатываем деньги, но не с целью обогащения, -- говорит ректор школы Владимир Арсеньевич Буренин, – а для того, чтобы вложить их в повышение качества обучения. Мы стремимся к тому, чтобы учебный процесс соответствовал современным международным стандартам. Поэтому каждая программа предусматривает обучение как в СССР, так и за рубежом. Для талантливой молодежи, желающей найти свое место в международном бизнесе, готовится специализированная программа, аналогичная программе "Master of International Business".

Одна из главных задач Высшей коммерческой школы — установление непосредственных контактов советских слушателей с иностранными бизнесменами. Для этого практикуется посещение торговых представительств зарубежных фирм, промышленных выставок, ярма-



Владимир Арсеньевич Буренин, доктор экономических наук, профессор. Автор более 50 научных работ и учебников по различным аспектам организации и управления внешнеэкономической деятельностью. Владимир Арсеньевич окончил Международный институт менеджмента в Женеве, был проректором по научной работе во Всесоюзной академии внешней торговли. Имея многолетний опыт работы с советскими и зарубежными фирмами по вопросам торговли Восток-Запад, активно участвует в разработке государственных программ по перестройке внешних экономических связей СССР, регулярно приглашается в качестве консультанта иностранными правительственными органами, ассоциациями предпринимателей. Привлекая лучших советских и западных специалистов, ректор стремится к тому, чтобы они делились своим практическим опытом и чтобы любые изменения в экономической, законодательной и других областях предпринимательства были сразу проанализированы с практической точки зрения и освоены слушателями школы.

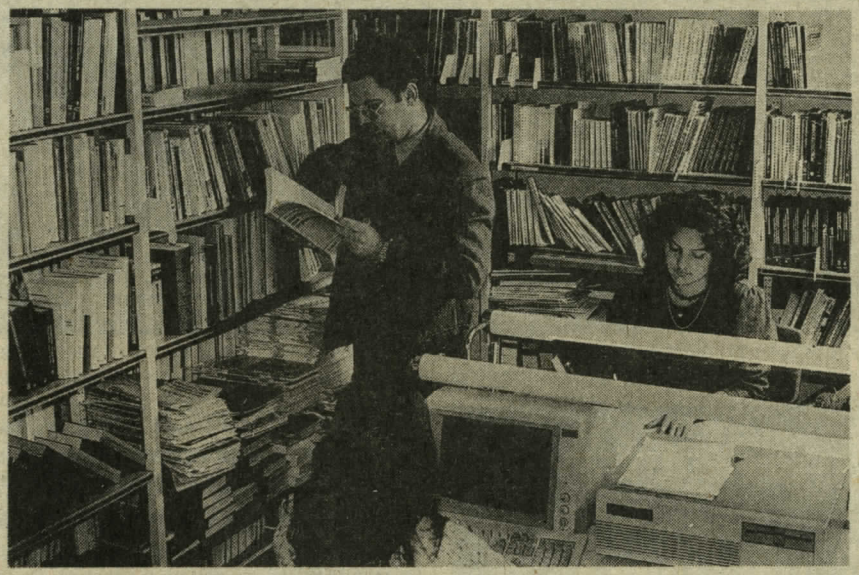
Советские бизнесмены обучаются по шести-восьми недельным программам:
— современный курс международного бизнеса
— международный маркетинг
— руководитель в международном бизнесе
— совместное предпринимательство в международной практике
— малое предприятие и частное предпринимательство в международном бизнесе
—деловой английский язык по программам Лондонской торговой палаты и основы международного бизнеса.

рок, организация презентаций фирм, направление выпускников на стажировки за рубеж.

В процессе учебы слушатели получают консультации по решению практических вопросов оперативной деятельности их организаций, предприятий, фирм, кооперативов.

Школа постоянно проводит тематические семинары по самым актуальным вопросам предпринимательства, которые посещают выпускники и специалисты, информацию о семинарах они получают по телефону 458-60-12.

Бизнес-школы — новое дело не только в нашей стране. А процесс становления учебного заведения как ШКОЛЫ в лучшем понимании этого слова с формированием собственных традиций требует десятилетий. Но уже можно утверждать, что сочетание учебной и консультационной деятельности создает у слушателей именно тот сплав знаний, на базе которого рождаются деловые и торговые связи между предпринимателями нашей страны и зарубежными фирмами.



Библиотека школы содержит множество книг, периодических и специальных изданий, большинство из которых подарены господином Гельмутом Колем. При поиске необходимой литературы студенты пользуются компьютерами. Есть здесь и такие западные реалии, как микрофиши, микрофильмы и, конечно, аппаратура для их просмотра.

Для иностранных бизнесменов: "Внешнеэкономический комплекс Советского Союза", "Ваши торговые партнеры из СССР", "Как выйти и работать на рынке СССР", "Структура советского экспорта и импорта", "Валютно-финансовые и кредитные отношения в СССР", "Организация маркетинга в СССР", "Реклама в СССР", "Особенности переговоров, переписки и делового протокола в СССР", "Деловой русский язык (интенсивный курс)".
Те, кто изучил эти программы, чувствуют себя увереннее в сложных и противоречивых условиях советского рынка.

ИМИДЖ
РЕКЛАМА

Фото В.Руйковича

Георгий АГАБЕКОВ

«УБИЙСТВО ЭНВЕР-ПАШИ»

Отрывок из книги «ГПУ (Записки чекиста)»

Георий АГАБЕКОВ — профессиональный чекист, работавший в органах госбезопасности на Урале, в Средней Азии, за границей. Ему поручались выполнения ответственных и, пожалуй, самых рискованных поручений по линии Иностранного отдела ОГПУ. Это были акции, связанные с физическим уничтожением Энвер-паши, военного министра Бухарской республики, поимкой Б.Бажанова — секретаря Сталина. В 1929 году назначен главой Восточного сектора ИНО ОГПУ и резидентом на Ближнем Востоке. В Стамбуле влюбился в 20-летнюю Изабель Стретер — младшую дочь британского чиновника и стал «невозвращенцем» по любовным мотивам. Опубликовал ряд материалов в зарубежной печати о деятельности ОГПУ, подготовил к публикации книгу «ГПУ (Записки чекиста)». Сталин лично потребовал физического уничтожения Агабекова. В 1937 году он погиб при загадочных обстоятельствах в Пиренеях.

Борис СТАРКОВ

(Полностью глава из книги Агабекова будет опубликована в сборнике «Криминал» № 1 в 1992 году)

Приехал я в Ташкент в первых числах января 1922 года и представился Петерсу.

Положение в Бухаре в то время было крайне напряжено. Население, издавна подогреваемое панисламистской и пантюркской пропагандой, к концу 1921 года почти поголовно восстало против Советской власти. Повсюду оперировали повстанческие отряды басмачей, руководимые активными панисламистами. Ферганскую область терроризировал знаменитый курбаши (вождь) Курширмат, прозванный «Джангиром» (покорителем мира). Беспощадно вырезая все европейское население, он ради забавы иногда уничтожал дотла и узбекские кишлаки.

Другой курбаши, Фузаил Максум, действовал в Таджикистане и, наконец, Ибрагим-бек, представитель бежавшего в Афганистан эмира Бухарского, являлся фактическим правителем локайцев.

Каждый из этих вождей имел десятки шаек, возглавляемых мелкими вождями. В эти шайки вкрапливались военнопленные турецкие офицеры, находившиеся в Туркестане. Фактическими руководителями басмачей были турки, хорошо подготовленные в военном и культурном отношении.

Энвер-паша, который, по уговору с Лениным, должен был после первого съезда народов Востока в Баку поехать в Туркестан для усмирения этих банд, объединения их в один кулак и, под лозунгом освобождения народов Востока, двинуть затем через Афганистан в Индию, не сдержал своего слова.

Бывшие министры-младотурки сговаривались с Советским правительством в Москве о восстании мусульманского мира против Европы. Энвер-паша, бывший военный министр Турции, был принят в Кремле лично Лениным. Опираясь на свой авторитет среди народов Востока, он просил Ленина дать ему возможность поднять родственные туркам народы Туркестана и повести их через Афганистан на Индию. Ленин согласился. Каждый преследовал собственную цель. Энвер надеялся организацией движения напугать союзников и помешать разделу Турции. Ленин же полагал, что восстание восточных народов расширит сферу большевистских влияний и подорвет могущество Англии, благодаря чему ускорится революционное движение на континенте. Во всяком случае, движение отвлечет внимание Европы от Советской России, даст большевикам возможность выиграть время и подготовиться ко второму приступу революции.

Энвер-паша выехал в Бухару. Бухарцы встретили его восторженно. Когда он проезжал по улицам Бухары, женщины, стоявшие на крышах домов, сбрасывали чадру и открывали свои лица в знак высшей чести. В Бухаре Энвер нашел много старых приверженцев из турецких офицеров.

Польщенный приемом населения и видя слабость Советского правительства, честолюбец Энвер немедленно решил использовать положение. Почему бы, в самом деле, до похода на Индию ему не стать правителем Туркестана. Достойный сын Чингисхана и Тамерлана, он, завоевав Центральную Азию, сможет затем, подобно предкам, повести свои полчища на запад.

Через несколько дней после приезда в Бухару Энвер отправился со свитой на охоту и больше не вернулся в отведенную ему резиденцию. А спустя неделю он, объединив часть басмаческих отрядов, уже наступал на Бухару.

Оборона затруднялась тем, что среди членов Бухарского правительства имелись сторонники Энвер-паши, подробно информировавшие его о передвижениях красных войск и даже помогавшие ему материально.

Маленькая группа русских войск с трудом несла охрану железнодорожной линии и еле сдерживала наступавших басмачей. Энверовцы подходили все ближе и уже заняли селение Богауддин в девяти верстах от Бухары.

Тем временем пришло подкрепление буденновцев. Прямо с эшелонов их перебросили к Богауддину. К вечеру дивизия вернулась в Бухару. Штаб Бухарского военного министерства получил краткое донесение: противник разбит и отступил от Бухары.

На поле сражения у Богауддина осталось до 5000 трупов. Убирать их было некому, так как местное население разбежалось. Поселок был буквально сровнен с землей. Скот и все ценное буденновцы увели с собой.

Несколько отдохнув, буденновская дивизия выступила в Восточную Бухару. По пути следования войска не оставляли камня на камне. Жители частью погибли под буденновскими шашками, частью бежали и присоединились к басмаческим отрядам. Война приняла затяжной партизанский характер.

Я должен был ехать в Бухару в качестве начальника агентуры вместе с бывшим начальником Особого отдела в Фергане Окотовым и начальником секретного управления при нем Яковлевым. Все трое мы должны были приехать в Бухару секретно, чтобы никто не мог догадаться о нашей миссии. Задача же заключалась в организации агентуры по «освещению» членов Бухарского правительства и выяснению, кто из них и как помогает повстанцам.

В беседах со мной Рейсих рассказал следующую историю. Он был делегирован на съезд народов Востока в Баку и остановился в общежитии со всеми восточными коммунистами. Энвер-паша, приехав из Москвы, посетил общежитие. Едва Энвер вошел, все коммунисты-восточники упали на колени, поползли к нему и стали целовать ему руки и одежду. Эта картина произвела такое гнусное впечатление на Рейсиха, что он выхватил наган и хотел застрелить Энвер-пашу. Его вовремя схватили чекисты, охранявшие Энвера. Ныне, после бегства Энвер-паши, его, Рейсиха, выпустили из тюрьмы и назначили начальником политического сектора по борьбе с басмачеством, т.е. с Энвером. После этого случая он, да и все русские коммунисты перестали доверять коммунистам-восточникам. Если мне поручили работу в Бухаре, то только потому, что я вступил в партию в России. Недоверие к восточным коммунистам я затем неоднократно наблюдал у многих видных работников, всегда возражавших против приема восточных коммунистов в органы ГПУ.

В течение недели я изучал материалы. Затем мне выдали корзину бумажных денег выпуска 1919 года, ходивших в то время в Бухаре, и я выехал на место назначения. Со следующим поездом должны были ехать Окотов и Яковлев. Кроме денег я был снабжен документами на фамилию Азадов. Документы удостоверяли, что я бывший белый офицер, демобилизованный из Красной Армии как чуждый элемент, и должны были служить свидетельством моей политической благонадежности для Бухарского правительства, которое, по сведени-

ям ГПУ, не проявляло симпатий к коммунизму.

Приехав в Бухару, я, как военный человек, пошел искать работу в штаб бухарских войск. Мне посчастливилось, так как я сразу был принят сотрудником в оперативный отдел штаба. Начальство мое вскоре приехало. Окотов устроился в Бухаре под видом делопроизводителя при уполномоченном Туркестанского фронта, а Яковлев — делопроизводителем при полпредстве Наркоминдела, которое тогда еще имелось при Бухарском народном правительстве.

Военным министром, или назиром, был младобухарец Арифов, записавшийся после бухарской революции в коммунистическую партию. Его заместителем был крымский князь Тамарин, бывший офицер царской армии. Комиссаром штаба состоял коммунист Куцнер, с которым я подружился и от которого через несколько дней взял подписку о готовности работать для ГПУ. Благодаря моим стараниям и помощи комиссара штаба мне поручили через несколько дней организацию разведывательного отделения. Приняв это предложение, я выписал секретно нескольких сотрудников Чека и назначил их начальниками разведывательных пунктов в разных городах Бухары. Таким образом, благодаря счастливой случайности весь разведывательный аппарат бухарского штаба попал к нам в руки. Мы могли делать под прикрытием Бухарского правительства что угодно.

Военные действия на бухарском фронте принимали неопределенный характер. Красные войска, стянутые в Восточную Бухару, не могли продвигаться вследствие своей малочисленности, отсутствия снабжения, сильной жары и противодействия местного населения. Население не столь сочувствовало Энвер-паше, сколь ненавидело Красную Армию. Ненависть бурно вырастала в связи с безобразиями, которые чинили красные части. Особенно неистовствовала буденновская дивизия.

Энвер, после неудачной попытки захватить Бухару, отступил и расположился со своим штабом в Таджикистане. Его отряды появлялись то с фронта, то с тыла красных войск и были неуловимы. Командование советских войск пришло к убеждению, что басмачество можно ликвидировать только уничтожением Энвер-паши.

Задача заключалась в поимке Энвера. Это было трудно, так как Энвер часто менял свою стоянку. Было решено прибегнуть к глубокой разведке и, установив местопребывание Энвера, не выпускать его из виду. Задачу эту поручили мне.

Я должен был проникнуть в расположение басмачей под видом торговца-разносчика.

Получив директивы и деньги, я выехал из Ташкента вместе с сотрудником Разведупра Осиповым.

Через несколько дней мы прибыли в кишлак, где расположился Энвер. Остановились мы в чайхане, так сказать, клубе басмачей. Они там ели, пили, спали и делились новостями.

После трехдневного пребывания мы стали в чайхане своими людьми и узнали все, что было нужно. Энвер помещался в отдельном доме вместе с турецкими офицерами-адъютантами. Изредка он выходил для прогулки вокруг кишлака, носил форму турецкой армии, но вместо шапки надевал чалму-тюрбан. Чувствовал он себя здесь в безопасности и расположился, по-

видимому, надолго.

Нужно было действовать. Под предлогом посылки за товаром я отправил Осипова и Абдурахмана с донесением в Деннау и остался один среди басмачей. Прошло 5 дней, показавшихся мне бесконечными. Абдурахман вернулся и сообщил, что в Деннау послан дивизион кавалерии для поимки Энвера. До его прибытия нельзя терять из виду Энвера.

В ожидании новых распоряжений мы жили в басмаческом стане, продавая привезенные Абдурахманом товары. Наконец явился Осипов с сообщением, что дивизион прибыл в Деннау и ночью выступит для захвата штаба.

В тот же вечер мы втроем покинули кишлак, направляясь в Деннау. В 20 верстах от расположения басмачей нас встретил дивизион. Дав подробные указания начальнику и комиссару дивизиона, мы двинулись дальше, а кавалерия пошла заканчивать наше дело.

На другой день было получено известие, что Энвер-паша убит. Моя задача была выполнена, и я расположился на отдых в Деннау. Вечером пришло подробное донесение о произведенной операции.

Дивизион, приняв тщательные меры предосторожности, продвигался по указанному нами маршруту. На рассвете войска подошли к месту расположения штаба Энвер-паши. Чтобы отрезать путь к отступлению, один эскадрон был отправлен в обход селения.

В семь часов утра войска пошли в атаку на басмачей. Однако врасплох их застать не удалось. Началась перестрелка. Под пулеметным огнем басмачи не выдержали, дрогнули и отступили. Энвер-паша, поняв положение, приказал басмачам держаться, пока он не отойдет вместе со штабом в горы.

Вместе с тридцатью своими приближенными он помчался в противоположную от боя сторону. Расчет его не оправдался. Он наткнулся на эскадрон, посланный в обход селения. Видя себя окруженным, Энвер бросился в рукопашный бой.

Произошла короткая схватка. Штаб Энвера был изрублен шашками. Успели спастись только двое. Красноармейский отряд не знал, с кем вел бой. Лишь потом, при осмотре трупов, опознали Энвер-пашу. Ударом шашки буденновец снес ему голову и часть плеча. Рядом с обезглавленным трупом валялся Коран. Энвер, видимо, держал его в руках, когда повел свой штаб в атаку. Коран отправили в Ташкентское ГПУ и приложили к «делу» об Энвер-паше, ведшемуся в ГПУ.

«Дело» Энвера было прекращено и сдано в архив. Басмачество лишилось вождя и пошло на убыль. Приверженцы Энвера рассеялись по стране небольшими группами, искали убежища в Афганистане.

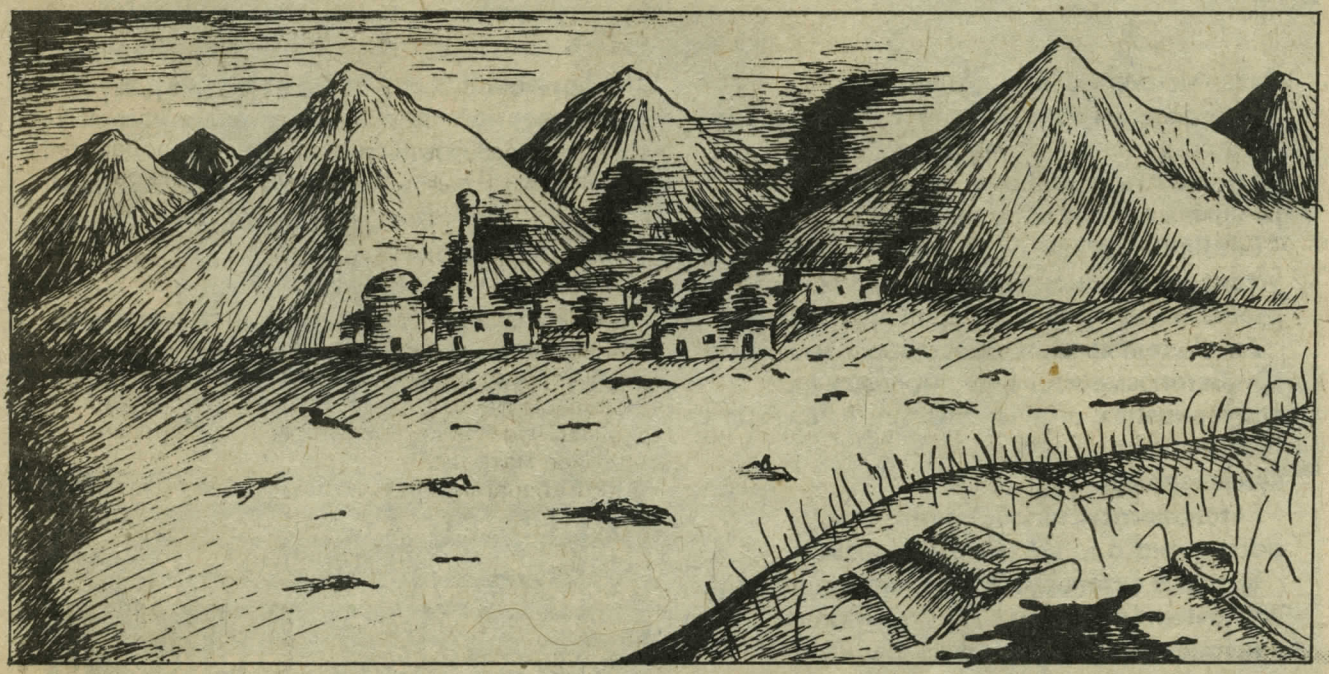
Успешно выполнив операцию, я вернулся в Ташкент и получил двухмесячный отпуск.

Советские власти деятельно ликвидировали остатки басмаческого движения. В районе Вооточной Бухары еще держался вождь локайцев Ибрагим-бек, а в Хорезме действовал Джунаид-хан.

Один из руководителей ГПУ по борьбе с басмачеством, Скижали Вейс, работавший затем за границей под фамилией Шмидта, рассказывал мне, как он расправлялся с басмачами. Он подсылал людей к повстанцам, поручая травить пищу басмачей цианистым калием, от чего погибали сотни людей∅ люди Скижали Вейса снабжали басмачей самовзрывающимися гранатами, вбивали в седла главарей отравленные гвозди и т.д. Так было уничтожено большинство руководителей басмаческого движения.

■

Рисовал А.Заяц



СП «АС» СПЕШИТ НА ПОМОЩЬ!

Совместное советско-швейцарское предприятие «АС» предлагает платные услуги:

Диагностику ранних сроков беременности;
Нехирургический способ прерывания беременности.

Диагностика ранних сроков беременности (начиная с первой недели) осуществляется при помощи высокочувствительных современных иммуноферментных микроанализов, гарантирующих стопроцентную точность и быстроту постановки диагноза.

В тех случаях, когда установленная беременность нежелательна, СП «АС» рекомендует наиболее щадящий способ ее прерывания с использованием магнитофорных колпачков. Достоинство этого способа в том, что он нетравматичен, безболезнен, исключает внутриматочное вмешательство. Колпачок воздействует на рецепторы, что и обеспечивает прерывание беременности в 80 — 90% случаев.

Высококвалифицированные специалисты Москвы и Московской области помогут Вам решить Ваши проблемы.

Просим обращаться в наши действующие пункты по адресам: г.Воскресенск Московской области, 2-я горбольница, тел.45-24-03.

Базовая женская консультация при ГКБ №13, тел.275-20-23, г.Москва.

Поликлиника МВД СССР, тел.147-44-94, г.Москва.

Роддом №2, тел.148-78-13, г.Москва.

ВНИМАНИЮ ИЗГОТОВИТЕЛЕЙ И ПОТРЕБИТЕЛЕЙ

строительной и перегрузочной техники

Отдел машин и оборудования для приготовления и транспортирования бетона имеет сорокалетний опыт создания и подготовки к серийному производству различных видов оборудования.

Бетоносмесители, бетоносмесительные установки, стационарное и передвижное дробильное и сортировочное оборудование.

Автобетоновозы, авторастворовозы, автобетоносмесители на автошасси и полуприцепах, агрегатированные бортовыми бетанонасосами, манипуляторами, конвейерами.

Бетононасосы, автобетононасосы, растворонасосы, шламовые насосы.

Бытовые бетоносмесители многоцелевого назначения с ручным и электрическим приводом, машины для формования шлакоблочных кирпичей, мобильные прессы для формования кирпичей из грунта для безрастворной кладки индивидуального и сельского строительства.

Автоцементовозы, транспорт, машины для выгрузки сыпучих и смерзшихся материалов из ж/д полувагонов и платформ.

Мобильные перегружатели зерна.

Стационарные и мобильные установки для пробления негабаритов горных пород и разрушения ж.б. конструкций, гидравлические и дизельные молоты ударного действия.

По всем вопросам обращайтесь по адресу:
123424, г. Москва, Волоколамское ш., 73,
ВНИИстройдормаш, отдел машин и оборудования для бетонных работ.
Телефон: 490-07-49
Телеграф: 123424, г.Москва Консоль
Телетайп: 207038 Кворум

«Милая Нина Николаевна...»

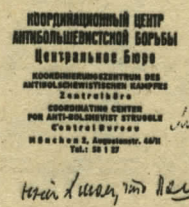
ПИСЬМА А.Ф.КЕРЕНСКОГО Н.Н.БЕРБЕРОВОЙ

Вероятно, нет необходимости представлять двух крупнейших деятелей нашей политической жизни и культуры — Нину Николаевну Берберову и Александра Федоровича Керенского. Их произведения стали в последнее время доступны самому широкому читателю. Предлагаемые вам фрагменты из дружеских и весьма откровенных писем А.Ф.Керенского Н.Н.Берберовой из США не только приоткрывают сокровенные движения их душ и личные взаимоотношения, но и содержат интереснейшие размышления об истории России, о ее месте в мире, показывают безысходность эмигрантского бытия.

Часть этой переписки была опубликована в 5-м номере журнала «Согласие» за 1991 год. Мы благодарим наших коллег из редакции «Согласия» за помощь в публикации этого материала.

Н. Н. Берберова, 1989 г.

А. Ф. Керенский, 1917 г.


КООРДИНАЦИОННЫЙ ЦЕНТР
АНТИБОЛЬШЕВИСТСКОЙ БОРЬБЫ
Центральное Бюро
KOORDINIERUNGSZENTRUM DES
ANTIBOLSCHEWISTISCHEN KAMPFES
Zentralbüro
COORDINATING CENTER
FOR ANTI-BOLSHEVIST STRUGGLE
Central Bureau
München 2, Augustenstr. 46/II
Tel.: 59 1 27

24/VIII 53

Дорогая Нина Николаевна,
Ваше последнее письмо, что Вы не получили ни знак того, что Вы до этого писали, Я все Ваши предыдущие и прочитывали вслух друзьям — Я сейчас пишу Вам — вот, почему.
Во сне мне дали нет никакой сведений о том, что происходит в Европе и как мои друзья Э. и Ив. с В. относятся к всей нашей работе. Н. А. мне это нужно знать, как можно скорее. Поэтому прошу Вас поинтересоваться этой почтовой группой.

11 января 1946 г.*

«...» Живем мы... в пригороде, почти деревне, в обширном, удобном в викторианском внутри стиле родительском доме. Он одноэтажный, опоясан вокруг широкой верандой (на ней в моем уединенном «углу» я настукиваю это письмо). Спереди — лужок с эк(зотическими) цветами и деревьями, сзади — огород, хороший теннис-граунд, (за решетками которого я вышагиваю по утрам версты, как зверь в клетке). С веранды прекрасный вид на залив, южное (туркест(анское)) солнце и, когда полагается, блистательная луна; тропические иногда ливни с ветром «на бурю», иногда томительная знойная тишина, но чаще легкий «бриз»; прозрачно чистый, чуть душистый, воздух и хоры для меня таинственных птиц, кроме «египетских голубей», гомон которых и вся «тональность» здешней природы возвращает меня почему-то к далеким дням ташкентского отрочества... Вот вам рама, в которую вставлена наша жизнь. Она — жизнь — не вяжется со стилем ее «обрамления»...«...»

Когда Вы пишете о торжестве Вашего «терпения», я так Вас хорошо понимаю. Но, по-моему, еще не видно конца. Представьте себе картину: Деникин в Нью-Йорке проводит вечер в «дружеской беседе» с моими «друзьями»-социалистами (Зенз«иновым»[1], Алд«ановым»[2], Ник«олаевским»[3] и т.д.), и ни одному из них не приходит в голову, что до сего дня Д«еникин» говорит обо мне как о «предателе Корнилова», «провокаторе» и т.д. Что же мне делать? Рвать со всеми этими людьми, которые, во истину, не ведают, что творят... Впрочем, надо идти до скорого конца своим путем и не требовать от людей того, что выше их понимания. Они, ведь, предают, того не ведая — об этом с побеждающей наивностью свидетельствует письмо самого З«ензинова».

Ваша, Нина Николаевна, картина русского Парижа печальна, но по доходящим до меня сведениям, не страдает излишним пессимизмом. В этом процессе распада знаете, что самое удивительное?! То, что после 25 лет жуткого изгнания, когда мы все жили в Европе ею отвергнутыми, — еще есть, ЧЕМУ разлагаться! Еще осталась — возраст тут не причем, — верная существу, сути российской культуры (простите за стертые слова, но других нет), пройдя через которую, должна очиститься З«ападная» Евр«опа» от всей накипи материальной лжекультуры... И знаете, что ответил З«ензино»ву советский орденоносный полковник, героически проделавший всю войну, на вопрос, как он дошел до отрицания антигуманистической сути большевистской системы? «Я с детства был воспитан на старой русской литературе и знал несколько чистых (турген«евских?!») русских девушек!» Изощренный француз и наивный (и юный) советский полковник сходятся в поисках новой правды на русс«кой» литературе (Дост«оевский») и им обоим русский (неразб.), «изгнанный правды ради» — становится ближе близких. До первой еще войны, Морис Бэринг... писал в Оч«ерке» русской литературы — «Я должен сказать, что в России больше человечности и доброты, чем в любой другой европейской стране». Литература была ОТ НАРОДА, а народ с начальных времен был пронзен образом Христа убогого и страдающего. Роль чистого евангельского христианства в образовании и характере русской культуры и «русской души» до сих пор еще до конца не понята, а главное, не признается почти вовсе левой интеллигенцией. Все церкви исторически оказались во многом банкротами. В этом Вы и Ваши друзья правы. Но остерегайтесь идти путем нового разрыва! Ибо здесь вас подкарауливает Князь мира сего: протестантско-групповое растерзание церкви привело к ее распылению и к оргии сектантских измышлений в глубоко ими обезбоженной Северной Америке. Путь христианского возрождения для европейских народов — вы новой религии не выдумаете — путь внутри церковного обновления, каким шли христианские церкви в СССР во время гонений и «подспудно» продолжают идти: (неразб.) братство, старчество, участие в социалистическом строительстве, организация приходских общин и т.д. Если позитивный гуманизм не будет преодолен евангельским человеколюбием, никакая сила не остановит провал мира во мрак тоталитарного рабства. Достоевский, как пророк, с такой же точностью в «Бесах» и в (неразб.) определил «элементы» будущего общества, убившего Бога, с какой Менделеев оставил в своей таблице пустые места для «будущих» элементов. Оба оказались правы... Простите за долгое сумбурное отступление. Вышло невольно, т.к. через Достоевского в Париже я не заметил, как вернулся в столовую Мережковских, где мы столько говорили на Вашу нынешнюю тему. Какая это чудовищная нелепость: Мережковский, один из глубочайших защитников подлинной духовной свободы, провидец Третьего Царства Духа, это учитель в объятиях (в очередь) Пильсудского, Муссолини, Хитлера!!...«...»

10 мая 1946 г.

«...» Мы в Европе, пишете Вы, научились смотреть правде в глаза: никаких иллюзий, никаких мечтаний, никаких надежд; на смену людям пришли роботы-рабы, которыми правят обезьяны с человеческими мозгами... Нет и нет!! Вы сами причисляете нас обоих к «десятку», взыскующих Града Нездешнего. Но разве дело в количестве? Разве мертвый Арарат сильнее проснувшегося Атома? Тот мир, который на место Христа поставил базаровский Лопух, распадется на мерзости. И тем свидетельствуют, что люди, потерявшие образ Божий в сердце своем, ниспадают ниже Всякой твари на земле! Вы пишете, что французы в большинстве своем стали язычника-

* Публикуемые письма печатаются с разрешения Нины Берберовой. Использованы документы из архива А.Ф.Керенского, любезно предоставленные Центром гуманитарных исследований Техасского университета (г.Остин, США).

ми. Не клевещите на язычников! До-христианское сознание не есть атеистическое, лопушиное сознание!.. Пропускаю всю историю религиозно-философского рассуждения, из которой вывожу: впервые в истории Европа в 19-ом веке (практически) занялась строительством богоборческого общества и атеистического государства. «Рече безумец в сердце своем: несть Бог». И на место Бога пришел Диавол, Дух уничтожения. История стала мета-историей. Реальная действительность — мистической реальностью. Страшно жить в грозу и бурю Божьей ярости, но тут нет места черному отчаянию, ожесточению, если только действительно мы в «десятке», верящих в неразрывную связь жизни человека с «вещей невидимых утверждением». Надо все додумать и дочувствовать до конца: если человек — лопух, то жизнь бессмысленна в самой блаженной обстановке; тогда само-освобождение от этой нелепицы само-уничтожением (буддизм) есть путь человека; если же человек подобен Богу (или Диаволу), т.е. со-причастен жизни бесконечной, то и среди ужаса он должен ИДТИ СВОИМ ПУТЕМ, не теряя веры в свою правду, пойти до конца, который будет на самом деле только началом нового пути.«...»

5 апреля 1947 г.

«...»После отъезда Ал.Ив. я осиротел в друзьях. Совершенно ни с кем не близок. Легче мне говорить с Из-ой, с Карповичем, когда он изредка приезжает; иногда с Федотовым[4] — вот и все. Со всеми остальными есть только внешнее, политическое... Такая скудость «друзей» проистекала из двух источников: никогда не имел или не нуждался в инт«имных» друзьях, поглощенный вечно другим родом общения, а после опыта моей политической жизни и прежняя скудная потребность в «друзьях» иссякла!.. Как видите, милая Нина Николаевна, моя жизнь сейчас идет в непривычной для меня, жуткой, но увлекательной «одинокости» внешней, и отсюда сугубая потребность к растворению в людях, т.е. к внешней деятельности, которой здесь я не нахожу...«...»

24 мая 1947 г.

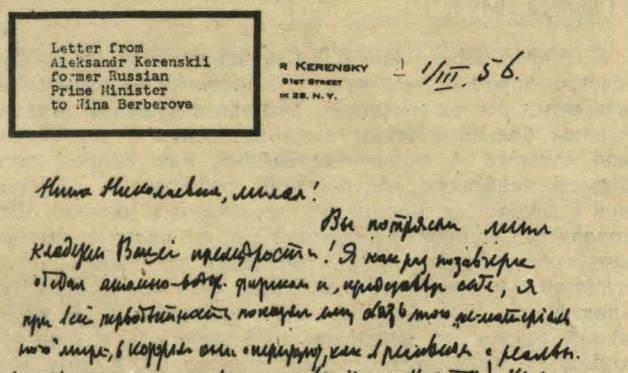
«...»Об «империализме» перчатки не подымаю, ибо империалистом себя НЕ чувствую и никогда им не был. Но устанавливать разницу между патриотизмом и империализмом занятие долгое и сейчас в нашей переписке не нужное.«...» Письмо вышло это очень воспитанное, но какое-то, по-моему, серединное, ни горячее-ни холодное. Не лучше ли вернуться к взаимным «шпилькам» — ведь это не шпильки, а крики живой души! А?!

9 декабря 1947 г.

«...»Я с Вами согласен в том, что «возможен третий вариант: коммунисты будут вытеснены из Западной Европы в пределы — еще и сокращенные — сов«етской» страны». Это был бы самый лучший исход, но потому, что тогда тоталитарная диктатура исчезла бы и в России... Вы, милый друг, тонко и глубоко чувствуете подспудные настроения в Германии, но — боюсь — не чувствуете или не достаточно чувствуете их в России. Вам нравится Федотов потому, что в нем тоже слишком много «чаадаевского» озлобления. Но ведь Чаадаев в конце концов вернулся к народу. И Федотов уже поколебался в своем ожесточении на народ от маловерия. Я же по «примитивности» своей никогда не сомневался, за свою веру в народ подвергался дружеским насмешкам. А теперь на место веры встало ЗНАНИЕ: нигде нет такой жажды освобождения и такого всем нутром отрицания коммунистических и прочих тоталитарных идей, как в советской стране и, в частности, в коренной России...«...»

14 апреля 1948 г.

«...»Об этих «исторических качествах русского народа» о нас идет пря страстная уже столетие с большим хвостом. От Кюстина[5] через разных момзенов[6] удобно докатиться и до английского рабочего министра Шинвелла, который вслед за многими на днях опять восхвалял кремлевцев как просветителей варваров. А Чаадаев, съездив в Европу, что-то такое там увидел, что не только физически вернулся в Москву, но и духовно — к русскому народу. Тут есть тайна, которая не постигается милюковским позитивизмом... В беседе с Вами докажу, что сопротивляемость России богоборческому тоталитаризму превосходила и превосходит во много раз сопротивляемость так наз. Запада, несмотря на превосходство материальной цивилизации последнего. (Помните, что только в российском сознании «культура» противуполагается «цивилизации»)... Одно у нас чувство общее: ожидание «конца», т.е. неизбежного и трагического перелома во всем мире к смерти или воскресению. Я верю в последнее только потому, что верю в духовную силу «Востока».«...»

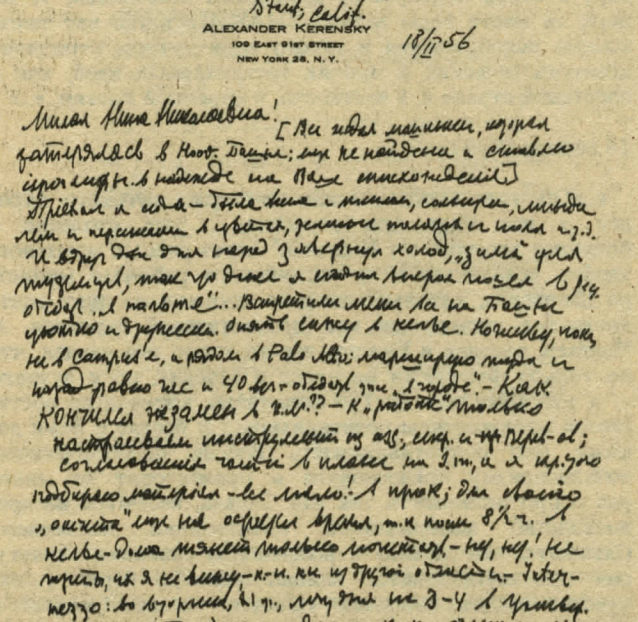

Letter from
Aleksandr Kerenskii
former Russian
Prime Minister
to Nina Berberova

R KERENSKY
91st STREET
N.Y. 28, N.Y.

1/III. 56.

Нина Николаевна, милая!

Вы потрясли меня
кладезем Вашей премудрости! Я как-ну позавчера
отдал дешево-вдох. дискусс и, пробежавши сам, я
при 1ей первой встрече покорил меня обаяв в мою материальн.
мир, в котором они «перерожд», как 1 русская с реальн.
мистикой - с фиолоф. откровения... Кстати! Не мо-
жет быть, что Вас интересовал в Ал. Ив... Анн. Ив. Мереж. обаяв
давн. „ядрн." дружбу с философией-не „пронел ли он К.?... Вооб
ниров первоклассно о книгах, немножко (нес.) скуп лишь к людям
чего я отнюдь не осуждаю... Прочитал л. Достоев. (а не Достоев, как
Вы напечатали) в первых, потому, что пишущ. „Лилия", а, во
вторых - нам предложил Лев Тихон! (как пишется.) - пре пор. вся
пуп (ночка) над всем серым и грязным пустяком-вой, бо Божьей любви
порабощ. пишущ.! - и Великим Канонов (отдал Достоев. ка
ноны с Христ., когда рабы-в); а перед-ной тяжкой сахарой по мск.
границе к работор. Христу... В общем не я-невсему, но мне
увидел, что мы могу „брать 1 раз" и „девоплощ. Божей
Вдовы, Тр. подробности-пиримеки]: Это то Вам рассказ. уже
не-мне (оценки, дальн. д. нк. Ди интерп. Вас больше прав
лиш.)). А сейчас Вам Прост- Хл. Ласкаю, пл. рукоп. рад. уже
сказал, что тяжко [illegible] пожал. они никогда не слышали
Христа!


Hoover Library,
Stanford University,
Stan, Calif.
ALEXANDER KERENSKY
109 East 91st Street
New York 28, N. Y.
18/II 56

Милая Нина Николаевна! [Все идет мышиная возня, пытаясь разобраться в Нью-Йорке; мы не найдены и ставлю крест на надежде на Ваше содействие]
Дрянь и идиотизм — бывает, и мелкие, сволочные, злобные, лень и пренебрежение к чувствам, женщины тяжелы и полны г.д. И вторые дни стоят 3 февраля холод, „зимний дождь", так что вновь я сидим в своем „гнезде" в 8 ч. отобрал „в пальто"... Вспоминаю меня на Вашем уютно и дружески. Опять сижу в кепке. Конечно, пока не в Сапрыкине, а рядом в Рай Авю; нарисую тебя и народ равно же и 40 вт. — отобрал „в пальто". — Как Конкилл экзамен в ч.м.? — К. „работает" только над расчетами инструментов из ств., инструм. и пр. Перв-ов; согласования частей в плане на 2 т., и я пр. это подбираю материал — все мало! А проф. „оценка" стр. на осмотрел время, т.к. пошли 8½ ч. В кепке — дома меньше только лежит, — ну, ну! Не горить, их я не виду — к.-н. ни из другой отдыхи. Internezzo: до вторника, 21 ф., могу ехать на 3-4 в Чехословакию в Austrin (Texas) на свадьбу, т.к. по службе еще совсем неопределенно, а отпуска не мог, т.к. дело объяснял. Предлагаю ещё-радостная!

11 апреля 1949 г.

«...»Впечатление Ваше о Кр. правильное — он по существу хороший человек, с хорошими порывами и чувствами. Но он «темный», духовно и душевно искалеченный большевистским ядом презрения к подъяремной кобылке — «аристократизмом», или, скорее, снобизмом наизнанку, невероятной грубостью в обращении с людьми «низшими» по его, конечно, мнению. Что говорить о «старой» эмиграции! Новую, своих сверстников и по возрасту и по советскому прошлому, часто культурно и нравственно стоящих куда выше него, он «презирает» еще больше, чем «маклаковых»[7] и далиных»[8]. Тому я был неоднократный свидетель, как он оскорблял и шельмовал бессмысленно новых, к нему, как к «вождю», тянувшихся. Я дважды или трижды старался убедить его очеловечиться; понять, что люди измучены диктаторским большевистским хамством, нового с собой подобного обращения не вынесут; что при его возможностях и способностях он должен взять себя в руки и служить народу, забывая о себе, себя не выпячивая, а привлекая всех к всеобщему делу; говорил, что я всячески помог бы ему, ибо будущее России «принадлежит новому поколению, а не нам», если бы он пошел государственно и политически целесообразным путем, что требует самодисциплины, культурного отношения к окружающим, терпимости к чужим мнениям и т.д. Ничего из этого не вышло! Думаю, что теперь и в Европе он затеет что-нибудь «свое», очень личное, опираясь на свои «капиталы», соберет вокруг себя кой-кого; усилит разброд в лагерях и затем... оттолкнет от себя именно «новых», как это случилось здесь! Если бы Вы, милый друг... могли воздействовать на него в моем направлении и убедить, что «один в поле не воин» и что один-то во всяком случае не должен всех «своих» при первом несогласии третировать «по-комиссарски».«...»

21 июня 1949 г.

«...»Статья Г.П.Ф«едотова» меня огорчила. Не тем, что он лишний раз выступил жестоким — в искренней правдивости своей — прокурором русского народа от царя и попа до писаря и холуя. Все это писалось — иногда более, чаще менее талантливо сотнями изобличителей и разоблачителей. Ведь это привилегия, особое качество русской совести — каяться и поносить себя как великого грешника. Почему же я молчу? потому, что всему бывают сроки и время. Не коммунисты, не ст«алинский» Кремль, а русский народ в самое мучительное время своей истории окружен страшным кольцом ненависти. Разжигают около нашего дома костер, чтобы его сжечь. А мы тоже торопимся подбросить поленьев. У Ф«едотова» есть «второй смысл» — карает Господь народ свой за грехи его, покайтесь, вернитесь ко Христу! Так изобличали и Златоуст, и Филипп Московский. Но ведь этот второй смысл — кто услышал?! Вот и Вы пишете: надо спасать Европу от России. Правильный политический вывод, который уже сделали те, кому надо, до статьи; она только прибавила аргументов. Но правильность эта только кажущаяся. Ибо в падении России, как потом и в падении Германии, Италии, Франции и т.д. в итоге первой мясорубки причины национальные, местные играли не единственную и далеко не решающую роль. А главное, языческое сообщество — а Европа сейчас языческая, — смысл христианского учения о грехе и покаянии народа понять не может. Раз народ «отвечает» за своих правителей, он должен быть уничтожен вместе со своими правителями. И до седьмого колена ему нужно мстить...«...»

4 апреля 1950 г.

«...»Вообще, милая Нина Николаевна, я так устал от всей нашей неразберихи и от этой мышиной возни микроскопических кандидатов в водители, от невозможности поставить работу в достойных России и внушающих уважение иноплеменниками формах, что еще не ушел совсем в сторону только потому, что еще теплится во мне сознание моего долга и моей обреченности «претерпеть до конца» и, увы, не спастись. Не ручаюсь, м.б. последняя ниточка терпения и порвется...«...»

26 апреля 1950 г.

«...»Конечно, никто не знает, и едва ли кто-нибудь может предсказать с точностью — когда наступит и наступит ли скажем до 52 года последняя крайность[9]. Тут можно руководствоваться собственной интуицией... В 39 г. я знал, как буд-то прочел в каком-то расписании, знал ранней весной, что к осени (после урожая) начнется война... Сейчас мое расписание напоминает страничку железнодорожного путеводителя, где сказано: кур«ьерский» поезд отошел, а когда и куда придет, не сказано. Такого железнодорожного путеводителя не бывает, а вот в политическом путеводителе такой казус случился... Вы «инстинктом чувствуете, что будут события». Если чувствуете (от ума советов не ждите), что скоро, собирайтесь и приезжайте. Ведь кроме «третьей», может или нет? случится обвал во Франции. Для Вас ведь это важнее, чем сроки общей военной катастрофы!..«...»

18 июля 1950 г.

Милая Нина Николаевна,

я все время писал Вам успокоительно: развязка — в особенности в Европе — наступит не в этом году. Те-

перь я, как буд-то в своих предвидениях бит. Я знаю, что Вы в смертельной тревоге не за саму себя, а «за» остатки того духовного «климата», которым можно было еще жить в Европе! Думая о Вас, не могу, не имею больше права «отговаривать» Вас от скорого отъезда сюда... Я все-таки — и упрямо — не думаю, что взрыв в Европе произойдет в этом году по соображениям, которые не укладываются на бумаге в наступившее время. Но, выражаясь высоким штилем, чухломская газета написала бы «жребий брошен!». Будут только ОТСРОЧКИ для всяческой подготовки, если только с отсрочками уже не запоздали... Судя по здешним настроениям и действиям подготовка уже вышла за границы «кореи», но подготовка, как мне кажется, не на сегодня. И если бы темп и ритм событий зависел только отсюда, я бы написал Вам по-старому... Сейчас же, повторяю, так писать не имею права, хотя дипломатическая атака Неру — Сталин[10] может именно к отсрочке привести уже с двух сторон... Может случиться один «сюрприз» — он м.б. покажется Вам невероятным — мир между Сталиным и Тито. Тогда сейчас же уезжайте! Ибо его психологические последствия в Европе будут катастрофические, хотя война в Европе станет еще меньше вероятной: «начнется» капитулянтство в пристойных, по возможности, формах. А если будет невозможно, то и без них... Одним словом, страница истории — по случайно случившемуся случаю «не в Корее, а совсем в другом месте» — перевернута, что Вы сразу почувствовали.«...»

5 февраля 1954 г.

«...»Официальный переход Ваш«ингтона» и Москвы к политике и стратегии АТОМНОЙ ЭРЫ: мировое событие невероятной важности, с последствиями, совершенно неподдающимися никакому трезвому учету. Мне кажется, что НИКТО из непосвященных в сокровенные тайны вождей, посвященным и читать не нужно было, не прочел ни петрушкиным, ни иным способом, подлинную речь Даллеса и ответ на нее в «Известиях» от 19 января под псевдонимом «генерал в отставке!» Во всяком случае на эмигрантском многодумном по пустякам челе «не отразилось ничего». Сейчас я весь захвачен происшедшим переворотом во всей мировой обстановке. Берлинская конференция[11] имеет совершенно определенную задачу, ничего общего не имеющую с речами и писаниями «для широкой публики»...

28 марта 1956 г.

«...»Мне дней десять тому назад прислали набор «Известий» с главными речами на 20 съезде. Материал очень интересный, хотя это слово не передает того тяжкого впечатления, которое на меня он произвел.«...»

23 июня 1961 г.

«...»Но, все-таки, рад я был прежде всего самому Вашему письму: при всем нашем с Вами духовно-интеллектуальном расхождении в некоторых точках: душевно я переживаю за Вас, как неизменно близкого мне человека и всегда жду от Вас писем в моем здесь — да и везде — нарастающем внутреннем одиночестве... Современный (неразб.) я переживаю так же, как и Вы. Мы оба выбрали один путь освобождения от коллективного «охамливания» — ушли в сторону, но оказалось, что уйти НЕКУДА...«...»

■

КОММЕНТАРИИ

1. Зензинов Владимир Михайлович (1880—1953) — один из лидеров партии эсеров, с 1906 г. член ее боевой организации (Б.В.Савинков). С 1909 — член ЦК. В 1917 г. — член Исполкома Петроградского Совета. В 1918 г. — член Уфимской Директории. Эмигрировал во Францию. Участвовал в работе заграничного представительства партии эсеров. Умер в Нью-Йорке.

2. Алданов (Ландау) Марк Александрович (1886—1957) — русский писатель. В 1910 г. окончил два факультета Киевского университета — юридический и физико-математический. В 1918 г. (или 1919) эмигрировал во Францию, где и прожил до своей кончины. В 1941—1947 годах проживал в США.

3. Николаевский Борис Иванович (1887—1966) — журналист и историк. Выслан из РСФСР в 1922 году. Сумел вывезти большое количество копий архивных материалов, которые впоследствии составили большую часть «русской коллекции» Амстердамского института социальных наук.

4. Федотов Георгий Петрович (1886—1951) — русский религиозный мыслитель, философ культуры, историк, публицист. С 1925 г. в эмиграции. Профессор Богословского института в Париже (1926—1940) и Православной академии в Нью-Йорке (1943—1951).

5. Маркиз Астольф де Кюстин — автор мемуаров «Николаевская Россия».

6. Моммзен Теодор (1817—1903) — немецкий историк античности. Лауреат Нобелевской премии (1902). Протестовал против антисемитизма, но поддерживал политику Бисмарка и оправдывал репрессии австрийских правящих кругов против славянского населения.

7. Маклаков Василий Алексеевич (1869—1957). Юрист, крупный адвокат. Ученик Ф.Н.Плевако. С 1905 г. участник многих политических процессов («дело Бейлиса», Выборгский процесс и др.). С 1906 г. — член ЦК партии кадетов. Депутат II, III и IV Государственной Думы. С сентября 1917 — посол Российской республики во Франции. В эмиграции занимался историей общественной мысли и либерального движения в России на рубеже XIX—XX веков.

9. Речь идет о международной ситуации 1949—1950 гг. после Берлинского кризиса в момент роста напряженности на Корейском полуострове.

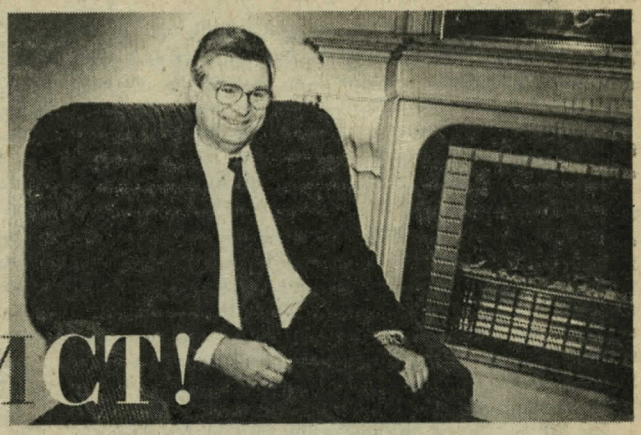
10. Видимо, имеется в виду послание по Корее Дж. Неру руководителям СССР и США от 13 июля 1950 г. и положительная реакция на него советской стороны 15 июля 1950 г.

11. Берлинское совещание министров иностранных дел СССР, США, Англии и Франции проходило с 25 января по 18 февраля 1954 г. На нем обсуждались германская проблема, вопрос об австрийском Государственном договоре и т.д.

Публикация архивных материалов Сергея Таска
Комментарии кандидатов исторических наук Евгения Жигунова и Сергея Романенко

ИМИДЖ РЕКЛАМА

Я оптимист!



— Борис Вениаминович, СП Интермикро среди предприятий своего профиля — крупный поставщик редакционно-издательских и типографских комплексов, банковских систем. Но в то же время для рядового читателя, как и для меня, вы остаетесь прежде всего совместным предприятием — символом благополучия и стабильности в этот тяжелый для нас всех период. Поэтому мой первый вопрос касается, если так можно выразиться, кадровой и социальной политики вашего предприятия. Согласны ли вы с тем, что СП вообще и СП Интермикро в частности по обывательским представлениям достаточно «теплое» и престижное место работы?

— Все зависит от того, как на это посмотреть. Действительно, у людей, которые работают здесь, и зарплата повыше, и вопросы социальной защищенности сотрудников — а это питание, жилье, обеспечение продуктами — являются предметом постоянной заботы администрации, что немаловажно в наше трудное время. Но работать сотрудникам нашего СП приходится не столько, сколько положено, а сколько от них потребуется. И голова у них о завтрашних проблемах болит уже начиная с вечера. Не уверен, что все, кто думает о «теплых» местах, согласились бы на такой темп и такую загруженность.

Наше СП было одним из самых первых, и формировались его кадры не из случайных людей. Мы старались подобрать, да и сейчас подбираем прежде всего единомышленников. По «принципу команды» работают многие ведущие фирмы мира. Мы тоже стараемся соблюдать этот принцип. В дружной профессиональной команде — выход из многих производственных проблем. Я считаю, что на 50% этот вопрос у нас решен. Но работают эти «свои» люди, как говорится, на всю катушку. Выходит, что Интермикро для кого-то очень «теплое» место...

— Вы сказали, что ваше СП было одним из первых, зарегистрированных в нашей стране, а с чего все началось? Как вы и ваши австрийские коллеги нашли друг друга? Я слышала, что западные партнеры не всегда относятся к советской стороне, как к равной.

— В нашем случае взаимопонимание было и остается превосходным. На мой взгляд, президент фирмы г-н Ганс Хофер и его сопрезидент и супруга госпожа Лючия Гандль — очень смелые люди. В тот момент, когда все только начиналось и создавалось, ситуация вокруг СП была настолько туманной и неопределенной, что лично у меня на их месте не нашлось бы мужества начать свое дело в СССР. Хотя, если быть справедливым, мы были тогда действительно не совсем равноценными партнерами для фирмы Prosystem — и по техническому уровню, и по квалификации сотрудников, и, конечно же, по непроходимой дремучести наших советских законов. Но каждый бизнесмен надеется извлечь из своего дела прибыль. И если г-н Хофер и рисковал, то теперь его детище растет и развивается, а он может продолжать и дальше искать новое применение своим капиталам на советском рынке.

Еще одна прогрессивная сторона нашего договора с фирмой Prosystem в том, что, заработав первоначальный капитал, мы постоянно его вкладываем в развитие основных, спланированных нами сфер деятельности: разработка новейших редакционно-издательских систем и создание системы автоматизации сберегательных банков на базе введения пластиковых карт. И в этих направлениях мы достигли значительных успехов. Но это не значит, что в нашей работе не может появиться нового направления. Но лишь при одном важном условии — это должен быть высокопрофессиональный продукт. СП Интермикро не очень крупная фирма, но у нас есть свое лицо, и мы не можем себе позволить его потерять.

— Борис Вениаминович, вполне естественно, что, как человек, причастный к работе в журнале, я не могу обойти вниманием вашу «первородную» деятельность, связанную с продажей редакционно-издательских систем и типографского оборудования. Это очень больной вопрос для всех моих коллег. Итак, что могут у вас купить газеты и журналы?

— Как я уже говорил, Интермикро занимается разработкой и созданием систем на базе высококлассного оборудования многих ведущих фирм. Нет таких западных фирм-производителей, с которыми мы не были бы связаны, хотя бы на уровне информации. При желании любая редакция может купить полиграфическое и типографское оборудование через посредника или у представителей фирм, работающих в нашей стране. Но как сделать правильный выбор — что купить и у кого? Потому-то СП Интермикро и считает себя надежным поставщиком, что продает не только высококлассное оборудование, но и всю информацию о нем, отвечает за работу всей системы, помогает обучить персонал работе, оказывает гарантийный и постгарантийный ремонт. Мы продаем, если так можно выразиться, овеществленное знание и сервис.

— Насколько я поняла, речь идет о достаточно мощных редакционно-издательских комплексах, рассчитанных на крупные тиражи?

INTER MICRO

— Не только. Это могут быть и издательские комплексы для учреждения, для районной или областной газеты, для предприятия или рекламного агентства, книжная типография и малое книжное издательство. Согласитесь, что собственный независимый типографский комплекс — это неплохая гарантия в случае очередного ГКЧП!

— Действительно, это все просто замечательно — были бы деньги... И многим уже посчастливилось стать обладателями подобных комплексов?

— Из известных изданий могу назвать еженедельник «Книжное обозрение», газеты «Деловой мир», «Коммерсантъ», «Щит и меч», «Литературку», журнал «Наука и жизнь». Ведутся переговоры с «Аргументами и фактами», «Огоньком» и другими изданиями. Кстати, новейшее наше полиграфическое оборудование оснащено компьютерами Макинтош. А сотрудничество с американской фирмой Apple Computer Incorporated, изготавливающей их, — это новый и чрезвычайно, на наш взгляд, перспективный этап нашей деятельности.

— Вы стали дилерами фирмы Apple на советском рынке?

— Это звучит немного по-другому: СП Интермикро — независимая маркетинговая компания (IMC), имеющая права генерального дистрибьютера фирмы Apple в СССР.

— Поздравляю, наверное, это действительно большая удача, хотя, по-моему, компьютеры Макинтош менее известны в нашей стране. Сейчас самый разгар потребительского спроса на компьютеры фирмы IBM.

— Да, мы отдаем себе отчет в том, что первое время, возможно, будем испытывать некоторые проблемы в этом плане. Очень сложно продвигать на рынке новый товар, тем более, если этот рынок не совсем обычный — советский. Многие профессионалы на Западе знают, что стоимость двух разных типов компьютеров IBM и Макинтош примерно одинакова. Но в нашей стране пока не знают того, о чем ведает действительно весь мир: компьютеры IBM были задуманы как инструмент, который нужно прежде хорошо изучить, а затем уже работать на нем, зная к тому же несколько языков. Макинтош не требует столь огромных усилий. Он сориентирован на человека, на его интуитивно-образное мышление, которым, кстати, обладают процентов девяносто людей. Поэтому обучиться работать на Макинтоше, даже на самой сложной модели, можно в три раза быстрее, чем на IBM. Я уверен, что даже при сегодняшних трудностях, когда рынок заполнен IBM, у Макинтошей хорошее будущее — они вскоре займут до 40% потребительского рынка. Поэтому для нас предложение фирмы Apple о сотрудничестве — это действительно успех Интермикро.

— Борис Вениаминович, но все, о чем мы с вами говорили, — это ведь прямое посредничество. И вписывается, на мой взгляд, в определение деятельности торгового дома. Вы покупаете оборудование и компьютеры, затем продаете.

— Вы упускаете из виду обстоятельство, которого мы уже касались. СП Интермикро владеет «ноу-хау» во всех названных областях. А это значит, что ни одна западная фирма не дает русский варинт оборудования, кроме нашего СП. Сюда же входит весь круг услуг, которые мы оказываем заказчикам по разработке проекта, выбору оборудования, технической поддержке, по обучению, гарантийному и послегарантийному ремонту. Последнее новшество — регулярное информирование наших постоянных клиентов о новинках, появившихся в мире, данные о наших приобретениях. Мы даже планируем со временем ввести бесплатное обучение для потенциальных потребителей компьютеров Макинтош.

— По крайней мере для меня очевидно, ваша работа в области полиграфической и издательской техники необходима. На этом рынке зияла дыра, и СП Интермикро по мере сил ее заполнило и продолжает это делать. Но я не совсем понимаю, что заинтересовало вас в банковском деле, точнее, в его автоматизации. Насколько я знаю, некоторые западные фирмы пытались заняться этой проблемой у нас — но она обходится в копеечку. Тем более, что если что-то менять, то лучше все сразу — офисы, оборудование, связь. Неужели это по карману, к примеру, Сбербанку?

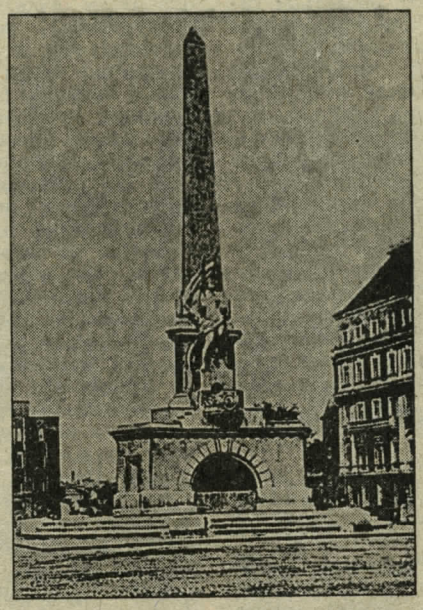
— Если не Банку, то кому же? Он сегодня стал достаточно независим. У него завелись свои «карманные» деньги. Нам же этот проект интересен как еще одно, очень перспективное, на наш взгляд, направление. В создание и внедрение автоматизированных банковских систем безналичного обслуживания населения мы намерены вложить до 50% нашей прибыли. Безусловно, внедрив одну систему в Ватутинском районе города Киева как экспериментальную, мы не получили никакой материальной отдачи. Но сегодня уже подписан договор о дополнительной установке модулей в других районах Киева. Ведутся переговоры об автоматизации всей банковской сети Украины. Чтобы помочь вам представить размах начатых нами преобразований, назову несколько цифр: на установку нашей относительно дешевой системы в Ватутинском районе г. Киева было затрачено примерно 4 млн. рублей и 200 тысяч долларов. По прогнозам специалистов, установка автоматизированной системы банковского обслуживания в Москве обойдется «несколько» дороже — в 18—20 млн. долларов и 50 млн. рублей и займет 5—6 лет. Но все эти затраты не покажутся огромными, если знать вот какую цифру: на поддержание наличного денежного оборота в нашей стране ежегодно тратится 700 миллиардов рублей. Внедрение наших систем поможет снизить эту цифру примерно на треть.

— Борис Вениаминович, приближается время, когда начинают звучать рождественские и новогодние вопросы — как провели год? что ждете от следующего? какие у вас планы? Вписываясь в этот обычай, хочу узнать, с каким настроением вы заканчиваете 1991 год, достаточно ли прочен ваш запас оптимизма, у меня его, например, все меньше и меньше...

— Вместе со всеми советскими предпринимателями дождался наконец трех событий: отмены президентского Указа от 26 января 1991 г. «О мерах по обеспечению борьбы с экономическим саботажем...»; отмены нелепых таможенных распоряжений по незаконному применению налога на импорт, проведенных в жизнь Рыжковым и Павловым, и объявления о том, что с нового года частные, малые, совместные предприятия уравниваются в правах с государственными по вопросам внешнеэкономической деятельности... Конечно же, я оптимист!

Беседу провела В.Брайко

Советско-австрийское СП Интермикро
Создано в 1988 году совместно с частной фирмой Prosystem.
Оборот в 1990 году составил 15 миллионов долларов.
Генеральный директор Б.В.Богословский
Адрес: 107066, Москва, ул. Нижняя Красносельская, 39.
Телефон: 267-32-10
Телефакс: 200-22-38
Телекс: 411035 Foton SU



ГИБЕЛЬ СВОБОДЫ

Комментарий к фотографиям, публикуемым впервые

В романе «Мой век, мои друзья и подруги» Анатолий Мариенгоф писал о Советской площади: «Площадь меняла памятники, как меняет мужей современная женщина. Перед ампирным дворцом сначала стоял белый генерал по фамилии Скобелев; потом олицетворявшая свободу замоскворецкая молодуха в древнеримском одеянии; она была высечена из шершавого серого камня и держала в руке гладкий шар. Художник Якулов называл его арбузом. Теперь на этой площади высится монумент основателю Москвы. Он крепко оседлал лошадь Васнецова с картины «Три богатыря».

Памятник Свободы, стоявший на площади с 1918 по 1941 год, своим появлением обязан цепочке случайностей. Первая из них касается выбора места. Как известно, 21 апреля 1918 года был принят декрет Совнаркома «О снятии памятников, воздвигнутых в честь царей и их слуг, и выработке проектов памятников Российской Социалистической Революции». 3 августа в беседе с Николаем Дмитриевичем Виноградовым — архитектором, ответственным за выполнение декрета, Ильич поинтересовался: «Ломаете вы очень хорошо, а что вами делается по сооружению новых памятников?» Поскольку первым (еще к майской демонстрации) был снят памятник генералу Скобелеву, а на момент разговора завершалась разборка его цоколя, Ленин решил установить главный момумент именно на этом месте.

Вторая случайность — выбор проекта. В конкурсе участвовали архитекторы Н.Всеволжский, Н.Васильев, А.Ефимов, Н.Докучаев и Д.Осипов. Исход его также решило первое лицо государства. «Какой из проектов может быть сооружен быстрее?» — спросило лицо. И Виноградов ответил, что осиповский. Так Дмитрий Петрович стал героем монументальной пропаганды.

И третья случайность. Чтобы успеть к годовщине революции, решили построить временный деревянный обелиск. Но строительный отдел Моссовета по каким-то причинам не выделял плотников. Пришлось расценить его действия как саботаж, быстренько найти каменщиков и в течение месяца сделать памятник «набело».

Выросший напротив Моссовета обелиск выражал новый строй не только образно, но и историей своего появления. И то и другое создавалось в спешке, сопровождалось разрушениями и, появившись, отличалось от задуманного.

7 ноября состоялось торжественное открытие. В.Керженцев писал в журнале «Искусство»:

«Только одна площадь в Москве производила целостное впечатление благодаря общему единству своего убранства. Это — Советская площадь. В красных стягах, густо увешанных вокруг обелиска, в плакатах, протянутых поперек Тверской, в гирляндах зелени была какая-то пышная и строгая торжественность и, я бы сказал, даже приятная массивность. К этой массивности особенно шел темно-красный тон большинства знамен. Я не поклонник воздвигнутого обелиска, но и он в зелени и пурпуре гармонировал с общим видом площади и с Домом Совета. Конечно, можно было бы, пожалуй, возразить против некоторой монотонности щитов со знаками республики, которые были развешаны на стенах окружающих домов, ко эта деталь терялась перед общим видом площади».

В основном же памятник хвалили. Газета «Правда», например, восхищалась в таких словах: «Глядя на то, что создал на Советской площади пролетарский гений, глядя на роскошное художественное убранство, вы чувствуете, что старый строй погиб безвозвратно и никогда не воскреснет из мертвых». А упомянутый уже Николай Дмитриевич уверял, что сердце каждого, зрящего монумент, «наполнится торжеством и радостью».

Лишь одно незначительное обстоятельство слегка омрачало торжество. Собственно Свободы не было. Вместо нее приделали деревянный картуш с надписью «Пролетарии всех стран, соединяйтесь». И отдельные несознательные элементы находили сие обстоятельство символичным. Но молчали.

Статуя Свободы появилась позднее. Та самая, с «арбузом». И 27 июля 1919 года состоялось как бы второе открытие памятника. К нему все здания на площади покрасили в желтый цвет, а Моссовет — в красный. Почему-то решили, что это будет красиво. Вновь появились гирлянды, флаги и плакаты. И новые восхвалители.

Они были всегда. В 1987 году вышла книга Л.Трифоновой, посвященная автору статуи Николаю Андрееву. Приведу описание скульптуры:

«Движение женской фигуры... наделяется глубоким смыслом. Упругие формы молодого сильного тела напрягаются, словно желают освободиться от облегающих тканей, натягивают эти ткани. Великолепна гордо поднятая голова с вдохновенным взглядом широко открытых глаз, с взметнувшимися над ними дугами бровей. Твердость, сила и оттенок горечи, скорби — в резко очерченных линиях рта. Откинутые назад волосы образуют своеобразный ореол вокруг прекрасного в своем озарении лица. Вся статуя заряжена неукротимой энергией, благородным порывом. В нем пафос и героика революции. Произведение больше, чем аллегория, — изображение, в котором отвлеченное понятие наглядно разъясняется показом определенного мифологического персонажа, смыслом его действия, его одеждой, атрибутами. Статуя — это образ живой, полнокровный, непосредственно обращенный к чувствам и мыслям зрителей, воздействующий всем своим неповторимым эмоциональным строем».

По внутренней лестнице на верхнюю площадку обелиска поднимался Владимир Маяковский и на всю площадь читал свои стихи.

Изображение памятника было вышито на знамени Моссовета. Оно вошло в герб города. Его использовали в оформлении Большого Каменного моста. Оно стало символом социалистической Москвы.

Но тогда уже появилась рискованная шутка: «Почему Свобода против Моссовета?» — «Потому что Моссовет против свободы».

И в ночь с 21 на 22 апреля (ко дню рождения Ленина?) монумента не стало. Система вовсю поедала себя.

Мимо случайно проходил директор «Третьяковки». На месте взрыва увидел в куче мусора голову знаменитой на весь мир андреевской статуи. Позвонил в галерею. Оттуда прислали машину с рабочими.

Вот и все, что сохранилось.

На проектирование и сооружение монумента Свободы было выделено 75 тысяч рублей. На уничтожение — еще 22,8 тысячи.

Во времена Никиты Сергеевича Свободу пытались реанимировать. Но даже в те времена обреченной системе потребовался толчок извне. Им послужило письмо председателя Общества британо-советской дружбы Эндрю Ротштейна: «В сравнении с монументом Свободы Юрий Долгорукий в художественном и политико-символическом значении, мне кажется, совсем не на месте. Москва не просто город, основанный в XII веке, а город, который имел свое второе, социалистическое рождение в 1917 году... Очень надеюсь, что памятник Свободы не уничтожен и будет где-нибудь поставлен на видном месте».

Насчет «не уничтожен» англичанин, разумеется, заблуждался, письмо послужило сигналом к началу возни вокруг восстановления. Сначала решили поставить его на старом месте, а Долгорукого почему-то перенести к Новодевичьему. Затем архитектор Ю.Шевердяев и скульптор М.Бабурин изготовили семь моделей, одна из которых была точной копией погибнувшего сооружения. Потом решили Долгорукого не трогать, а Свободу поставить где-нибудь в другом месте. После чего все утихло.

Некоторые и сейчас мечтают о восстановлении памятника. Разумеется, оно воспринималось бы как насмешка, но дискутировать на этот счет не стоит. Потому как если в шестидесятые не удалось, то в девяностые — и подавно.

Алексей МИТРОФАНОВ

Автор благодарит архитектора Игоря Яковлева, оказавшего ему помощь в подготовке материала и предоставившего ранее не публиковавшиеся фотографии взорванной Свободы.

Нынешняя постбольшевистская Россия активно включается в самые разнообразные формы коммерческой деятельности, среди которых не последнее место занимает арт-бизнес. Увы, новые наши бизнесмены пока перенимают в основном худшие черты западных. Сегодня мы предлагаем вниманию читателей две статьи, критически оценивающие механизмы художественного рынка «у них» и «у нас». Первая — исследование реальностей западного аукционного бизнеса, предпринятое коллекционером-эмигрантом В.ТЕТЕРЯТНИКОВЫМ (полностью материал публикуется в декабрьском номере журнала «Декоративное искусство», посвященном проблемам антиквариата). Вторая — итоги Московской художественной выставки-ярмарки АРТ-МИФ-2, которые подводит культуролог Д.ДОНДУРЕЙ. Вопрос, «где торгуют честнее», как ни странно, остается открытым.

Владимир ТЕТЕРЯТНИКОВ

ИСКУССТВО АУКЦИОНИРОВАТЬ ИСКУССТВО

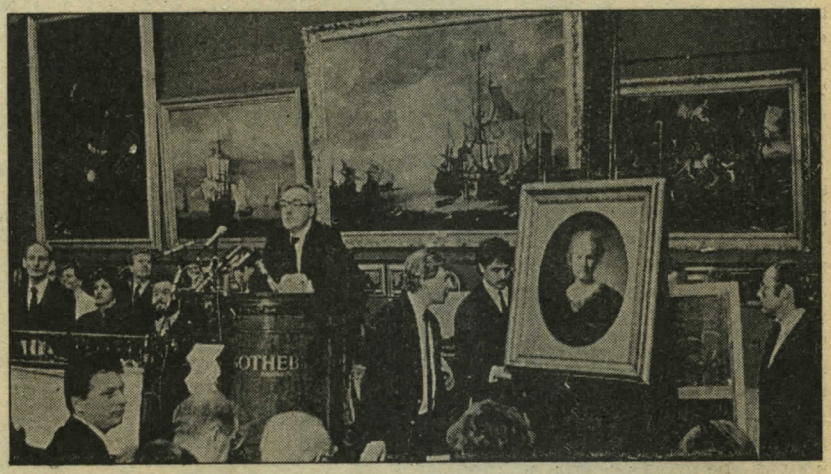


Фото ТАСС

Практика перепродажи произведений искусства посредством аукционирования зародилась около 300 лет назад в Англии. И тем не менее большинство публики до сих пор превратно понимает суть этого вида торговли, поскольку не посвящено в секреты аукционного бизнеса.

Давайте расшифруем хотя бы некоторые из них.

Главными поставщиками товара на аукционы являются... МЕРТВЫЕ. Все серьезные аукционные фирмы день и ночь занимаются поисками умирающих: оказаться первым у гроба означает обеспечить себя и своих служащих работой. Процветают те фирмы, которые наладили рабочие контакты с «будущими мертвецами», с похоронными бюро, с адвокатами по наследству, с государственными чиновниками, собирающими налог с наследства. Вот это и есть главная деятельность фирм, которые прикрываются вывесками «Аукционов произведений искусства».

Согласно психологии «развития аппетита», наиболее желанными для аукционного бизнеса являются массовые смерти, когда, например, умирает целая нация, целая страна.

Идея аукционирования искусства уже витала в воздухе, когда английскому королю отрубили голову революционеры Кромвеля. Король был выдающимся коллекционером, его агенты рыскали по всей Европе, собрав в королевскую коллекцию множество шедевров. Кромвель, нуждаясь в деньгах, решил побыстрее продать сокровища. Аукционов тогда еще не существовало, поэтому ликвидация «проклятого королевского прошлого» заняла около двух лет. Массовая распродажа одновременно многих шедевров подвигла «быстрые умы английских ньютонов» на идею организации скоростных, конвейерных методов обращения художественного товара в деньги. Уже к 1685 году аукционы предметов искусства стали привычными для лондонской жизни.

Расцвет аукционной торговли прямо связан с последствиями Великой французской революции. Первой партией прибыла в Англию коллекция Филиппа, герцога Орлеанского. Четырехдневный аукцион «Кристис», однако, не принес герцогу много денег, хотя было реализовано большое количество шедевров. Англичане уже знали, что из Франции идут караваны произведений искусства, которые хозяева отдадут почти за бесценок.

Социальные потрясения этого времени впервые в истории Европы в буквальном смысле слова «отдали искусство народу». Веками шедевры принадлежали только высшим классам, революция сделала возможным практически для любого человека стать обладателем шедевра, окажись этот человек в нужном месте в нужный час.

Аукционная торговля невозможна без демократического распределения капитала и предметов искусства между многими. Однако аукционы обеспечены постоянной работой только в таких странах, в которых государство с помощью налога на наследство осуществляет строгий контроль над передачей ценностей от одного поколения к другому. Вот почему аукционы особенно процветают в Англии, США и Франции.

Аукционирование есть сложившаяся форма наиболее демократического метода определения сиюминутной стоимости любого имущества. Наследство всегда заключается во многих, часто несопоставимых ценностях. Государство,

наследники претендуют на свою долю, которая не может быть выяснена до тех пор, пока имущество не будет сведено к унифицированной валюте — живым деньгам.

Налоговая практика заставляет наследников распродавать отцовские коллекции, жертвовать их в музеи, но не оставлять себе, что означало бы выкуп у государства по утроенным ценам.

Большую часть своих доходов аукционы получают от рутинной перепродажи наследственного имущества, но репутацию в глазах публики они зарабатывают редкими сенсационными продажами-фейерверками, на которых часто даже теряют средства.

Этот парадокс аукционного бизнеса и есть самый главный его секрет.

Дело в том, что на современном этапе капитализма во многих сферах бизнеса давно отказались от знаменитых формул успеха, на которых рос детсадовский период капитализма, как то: «Спрос рождает предложение», «Покупатель всегда прав», «Выигрывает тот, у кого выше качество товара» и прочее. Сегодня вполне реально выиграть гораздо больше, умело отказавшись от всякого качества, от всякого покупательского спроса и даже принудив покупателя отказаться от его «покупательских прав».

Один из главных способов обмана публики заключается в том, чтобы внушить ей: произведения искусства всегда и безостановочно увеличиваются в цене. Ведь, кажется, даже история свидетельствует об этом. Ван Гог умер в нищете, ибо картины его стоили «ноль» — они не нашли покупателей. Спустя меньше ста лет картина того же художника принесла владельцам рекордную сумму в 54 миллиона долларов. Выигрыш вроде бы налицо. В более подробном варианте выясняется, что эту же картину купили десять лет назад за 2 миллиона, а сегодня продали в 25 раз дороже. Публика калькулирует: банковский процент дает столько-то, а произведение искусства — много больше. Однако в реальности быстрый рост цен на предметы искусства вероятен не более лотерейного выигрыша.

Действительно растут цены на старых мастеров, но и они — лишь в абсолютном смысле. Относительно же возросшего уровня жизни, доступности крупных сумм большему числу людей шедевры не только не стали дороже, а, напротив, перешли в разряд третьестепенных человеческих ценностей.

В 1913 году русский царь заплатил за «Мадонну Бенуа» полтора миллиона долларов, что в пересчете на современные деньги будет не менее 30 миллионов. А в пересчете на покупательную способность — за 100 миллионов. Сколько людей в тогдашнем мире были способны заплатить за картину такую сумму? А сегодня миллионеров уже множество (скажем, чтобы быть принятым даже в самый низкий круг нью-йоркского society, необходимо иметь совершенно свободными десятки миллионов).

Смысл аукционного бизнеса — в скорости продажи. Эксперту платят зарплату только за выполнение плана ежегодных продаж. Если непроданным оказалось больше обычных 10% предметов, а затем та же история повторилась и на следующем аукционе, эксперта выгоняют как не справившегося со своими служебными обязанностями. Поэтому цель эксперта — обеспечить продажность в любом случае. Такая цель достигается простыми трюками.

Первый — заставить владельца принять заниженную оценку. Второй — обработка потенциального покупателя, которого надо не только затащить на аукцион, но и принудить отказаться от всех прав на качество товара и сделки с аукционером. «Борьба с покупателем» ставит своей целью избежать любой ответственности с того момента, как он поднял руку.

Весь аукционный антураж работает для внушения покупателю мысли, что ему не о чем беспокоиться, кроме того, чтоб предмет вписывался в обстановку его комнаты. Все остальное, то есть все «бумажные» заботы, аукцион берет на себя, включая главное — атрибуцию.

Только в случае разочарования и «после драки» покупатель вдруг осознает, что его внимание отвлекли от проверки самого главного. Вот, например, такая история.

В 1980 году «Кристис» в Нью-Йорке продал коллекцию русских икон Д.Ханна за рекордную сумму в 3 миллиона долларов. Для ублажения клиентов сделали все возможное. Поили шампанским, обили стены новым бархатом. На торжища пригласили прессу, телевидение. Мировой успех. Сенсация.

Спустя некоторое время я написал книгу, в которой доказал, что лучшие из этих икон — фальшивки. Некоторые покупатели потребовали от «Кристис» дополнительных доказательств. Как реагировала фирма? Нагло присылала им копию текста своей Гарантии. Что же там было написано? «Мы гарантируем только те слова, которые напечатаны заглавными буквами». А «заглавными» было подано только название сюжета! Нет, никогда не гарантировал аукцион покупателю самое важное — подлинность, то есть — денежную стоимость. Аукционный рекорд был, но рекордной была и безответственность. Также рекордна — безнаказанность.

В 1977 году один человек купил у «Кристис» в Женеве яйцо Фаберже, подняв руку на 250 000 долларов. Однако, еще не заплатив, он усомнился в принадлежности яйца той птичке, которая была объявлена в каталоге. Покупатель потребовал дополнительных аргументов, а «Кристис» просто начал его судить, выбивая из него денежки. На свое несчастье, покупатель оказался просто богатым иранским эмигрантом, убежавшим от революции Хомейни. Чтобы получить деньги и отбить охоту сопротивляться, «Кристис» использовал некие подводные течения, и иранцу пригрозили заморозить его банковские активы в Швейцарском банке. Более того, пригрозили выселить из Швейцарии его сестру... Такого давления несчастный не выдержал и заплатил, включая судебные издержки, уже 400 000 долларов.

...Одним из самых перспективных новых «открытий» в области аукционирования стал СССР. Точнее, попытка использовать наивность советских ученых и советскую жадность до интернациональных контактов после стольких лет изоляции.

Прогремевший на весь мир аукцион советского искусства в Москве — яркий пример продажи товара, лучшим качеством которого является его «нетоварность». Не фальшивки, но и не утвержденные ценности. За какую сумму ни продай, что в каталогах ни напиши — никакой ответственности. Советское искусство можно продавать без всякой экспертизы — вот идеальный товар, мечта аукционщиков. Разумеется, западную публику невозможно водить за нос бесконечно. Купят один раз, может быть, и другой, но затем будут все-таки требовать экспертизы. В данном случае — оценок кри-

тиков современного искусства, статей в художественных журналах, выставок в западных музеях и т.д. Видимо, не случайно «Сотбис» после первого выстрела больше таким товаром не торгует: боится, что не купят. Последний аукцион «Филипса» в апреле 1991 года в Лондоне напугал всех западных торговцев: из 150 предметов 130 не нашли покупателей. Начало ли это конца для произведений русского авангарда на рынках Запада? Посмотрим...

Даниил ДОНДУРЕЙ

ТОРГУЕМ ПО-ЧЕРНОМУ, ТОЧНЕЕ – ПО-ЗЕЛЕНОМУ

Не в том смысле, что действуем по принципам родной теневой экономики. Внутренний рынок пластических искусств нарождается как бы начерно. Будто мы еще не продаем и не перепродаем живопись, а лишь прицениваемся, репетируем будущую настоящую жизнь.

Впрочем, пока торгуем не столько по-черному, сколько по-зеленому. А вся новоявленная художественная активность — галереи, биржи, ярмарки, слухи об умопомрачительных ставках на некогда неофициальное изобразительное искусство — великая постановка, потемкинская деревня, в которой запрятан легальный путь превращения картин в доллары. Международные художественные торги вошли в период спада, потому и готовят себе свежую резидентуру в еще не освоенных географических зонах, закамуфлированную под структуру так называемых новых экономических отношений.

Реальность такова, что все помыслы и действия галерейщиков, художников, экспертов и экспозиционеров сосредоточены почти исключительно на получении «зеленых». Известные идеологемы типа «пора осознать себя членами мирового художественного сообщества» или «нужна объективная оценка международного арт-бизнеса» выполняют лишь функции партизанских или уполномоченных связных между отечественной резервацией и валютной метрополией. Отсюда и все цены. От продукции наших коммерческих магазинов живопись отличается тем, что ее ценность эфемерна, к тому же рассчитана на очень, очень богатых людей. Если в среднем уровень жизни у нас сейчас в пятьдесят раз ниже, чем на Западе, то цены на картины, равно как на автомобили или компьютеры, только в два раза ниже. Конечно, пока еще никто не даст за работу самого именитого художника столько же, сколько за «Вольво» прошлогодней модели или за купленную на аукционе квартиру в Москве. И все-таки цены сопоставимы! Рублевый эквивалент долларов — страховка, позволяющая работать с этим весьма коварным, основанным исключительно на конвенциальных договоренностях «продуктом». Трудно продать, а тем более перепродать картины за ту же цену в многократно, с особым цинизмом униженных рублях. Галереи рискуют, так как в нашем отечестве число солидных клиентов ничтожно, а музеи по-прежнему существуют в феодальной зависимости от нищего государства. Вот и приходится выбирать между подвернувшимся заезжим покупателем и желанием оставить картину в стране вместе с романтической надеждой, что ее... можно продать в любую минуту.

Эмигрировавший тринадцать лет назад владелец двух галерей в Париже спросил меня: «*Зачем, скажите пожалуйста, вы организовали сейчас в Москве международную ярмарку АРТ-МИФ-2? Хотели доказать себе и другим, что здесь есть художественный рынок, что «и крестьянки любить умеют»? Но ведь это действительно арт-миф. Несколько ничего не смыслящих фирмачей и пара коммерческих банков одурачены сказками о гуманистическом характере вложений в культуру. Но все равно самый желанный клиент — иностранец. А весь этот камуфляж — провинциальный слепок «нормальной жизни»*».

И все-таки такая оценка слишком однозначна, чтобы адекватно описать ситуацию. Мой опрос полусотни участников московской ярмарки в Манеже выявил по крайней мере три точки зрения.

Первая сводится к безусловному удовлетворению работой АРТ-МИФа. Получилось даже успешнее, чем ожидалось. При всех накладках — отсутствии необходимой информации (галереи почему-то скрывали цены и свои отношения с художниками, к открытию так и не вышел каталог, не все галереи успели подготовиться к вернисажу), неадекватности цен (по мнению экспертов, они были занижены на немногих хороших художников и завышены на большое количество посредственных) — тем не менее АРТ-МИФ решил свои основные задачи: продано 334 работы на общую сумму около 10 миллионов рублей, привлечено некоторое количество иностранцев.

Вторая точка зрения. Не имеет значения художественное качество экспонированных работ или коммерческая эффективность ярмарки как механизма рынка искусства. Состоялось настоящее культурное событие, каких давно уже не было в Москве. Без подобных интеллигентских тусовок, профессиональных «домов свиданий» нет возможности привлечь достаточное внимание потенциальных покупателей к современному изобразительному искусству. А следовательно, и построить рынок.

Третье мнение выразили недовольные галерейщики, считавшие, что не получилось ни ярмарки, ни рынка, ибо в выигрыше оказались только те, кто держит контрольный пакет акций в этой сфере: семь —десять столичных галерей и некий немифический «центр» из дюжины пионеров и активистов арт-бизнеса. Эти лидеры быстро сдела-

ли свою игру. Посмотрите, вопрошали рассерженные, кто водит по ярмарке представителей банков, кто тасует покупателей, кто пишет большинство текстов в новых профессиональных изданиях, кто заседает в мэриях и комиссиях, кто проводит конференции и читает лекции. Это же одни и те же люди! Большинство из них само собой в правлении и экспертном совете АРТ-МИФа.

В каком-то смысле данная экспозиция в Манеже продолжила традицию знаменитых отчетных выставок к юбилеям советской власти. Только все перелицовано, переназвано в соответствии с рыночной идеологией вместо коммунистической. Многие ощущали себя статистами на чужом празднике. Та же триумфальная постановка, в которой хористы ждут приглашения спеть партию Паваротти. И как естественный символ этой преемственности — унаследованное от отца премьерство Айдан Салаховой.

На ярмарке победил Олег Целков (630 тысяч рублей). Среди лидеров и Николай Овчинников, чья работа ушла за 290 тысяч рублей. Что это значит? Что он — самый крупный мастер из всех, представленных семьюдесятью галереями? Да, известно, что не так давно его картину из этой серии продал в Чикаго сам знаменитый нью-йоркский Фельдман более чем за 40 тысяч долларов. А это рекомендация куда более авторитетная, чем атрибуция целого искусствоведческого конгресса. В нашей стране, конечно, адекватные чикагским полтора миллиона деревянных за вещь еще не платят. Так что 290 тысяч — жалкий эквивалент, полученный художником, которому на родине не посвящена ни одна персональная статья.

Пора расстаться с мыслью, что продается качество живописи, талант, мастерство. Придется смириться и с тем, что имя можно «делать». Посему важно, у кого ты выставляешься, кто написал о тебе в каталоге, кто пришел на вернисаж. А также множество других факторов, никакого отношения к качеству произведений не имеющих.

Хорошо это или плохо, но время самовластия художников проходит. (Даже Наталья Нестерова — чемпионка и АРТ-МИФа тоже (300 тысяч за «Грифонов») — должна будет подчиниться этой логике и не выставляться одновременно в нескольких галереях. Иначе престижные галереи в какой-то момент просто не будут с ней работать.) Пока же с художником даже подписывать контракт не имеет смысла. Как вы его накажете за обман, за то, что начал исподтишка подторговывать своими работами сам или — что тоже весьма распространено — через посредников? Будете апеллировать к общественному мнению, подадите в суд? Но для этого нужно хотя бы иметь профессиональное сообщество арт-дилеров.

Н.Андриевич, галерея «Московская палитра»: *«Один художник из Фурманного переулка, где еще не так давно жили звезды московского андерграунда — сейчас он, естественно, трудится в Париже, — недавно позвонил мне и попросил выкупить свою картину по старой цене. Я отказал, так как, покупая ее тогда, когда он был еще никому не нужен, очень рисковал. И предложил: скоро выставлю эту работу на аукционе в Вене — пусть твой парижский дилер ее купит. Через некоторое время узнаю, что этот художник воспроизвел со слайда принадлежащую мне работу, выставил ее, а затем продал как оригинал. Так я оказался обворован».*

(Конечно, разбой в куда большей степени характерен для рынка антиквариата. Десятки, если не сотни организаций работают с этим восхитительным предметом контрабанды. Тут создана отлаженная инфраструктура: чиновники министерства культуры и таможенники по собственному усмотрению решают, принадлежит вещь к национальному достоянию или нетØ здесь отработаны устойчивые ставки взяток, мафиозные связи, контролирующие планомерный вывоз, созданы удобные маршруты и «окна», причем не только через прибалтийскую границу. Не случайно же сегодня в стране отсутствуют торговые и аукционные дома, солидные информационные и экспертные службы, вообще все то, что, не дай Бог, могло бы превратить гигантский нелегальный вывоз антиквариата в чуть менее прибыльный, но зато законный.)

В общем, как обычно: то семьдесят лет нельзя было и слова произнести о том, что искусство стоит денег, и создавался лицемерный загон «чистой духовности» с потихушной экономической жизнью, то теперь — «рыночная» оголтелость. Разговор идет исключительно о ставках гонораров и вокруг тридцати имен. Критики нет вообще: она либо ангажирована, либо не способна соответствовать новой, очень сложной ситуации.

...И все-таки АРТ-МИФ выполнил свою фантомную миссию. Сработал как удачливый блюститель рыночных отношений. В стране ведь есть блестящие перспективы вложений в изобразительное искусство: масса бросовых денег, немалое число владельцев мгновенно сколоченных миллионных состояний, жаждущих культурной сатисфакции, ну и амбиции великой художественной державы. Но дело не в удаче конкретных коммерческих или социально-психологических акций, а в том, чтобы запустить самонастраивающийся механизм художественного рынка. Нетрудно уговорить банк или биржу истратить пять или пятьдесят миллионов. Но ничего не изменится, пока не заработает машина иных взаимоотношений, другой импульс к движению произведений искусства и денег, пока не «обустроится», говоря словами классика, наша художественная жизнь.

Фото В. Шишова

Древних обрядов загадка

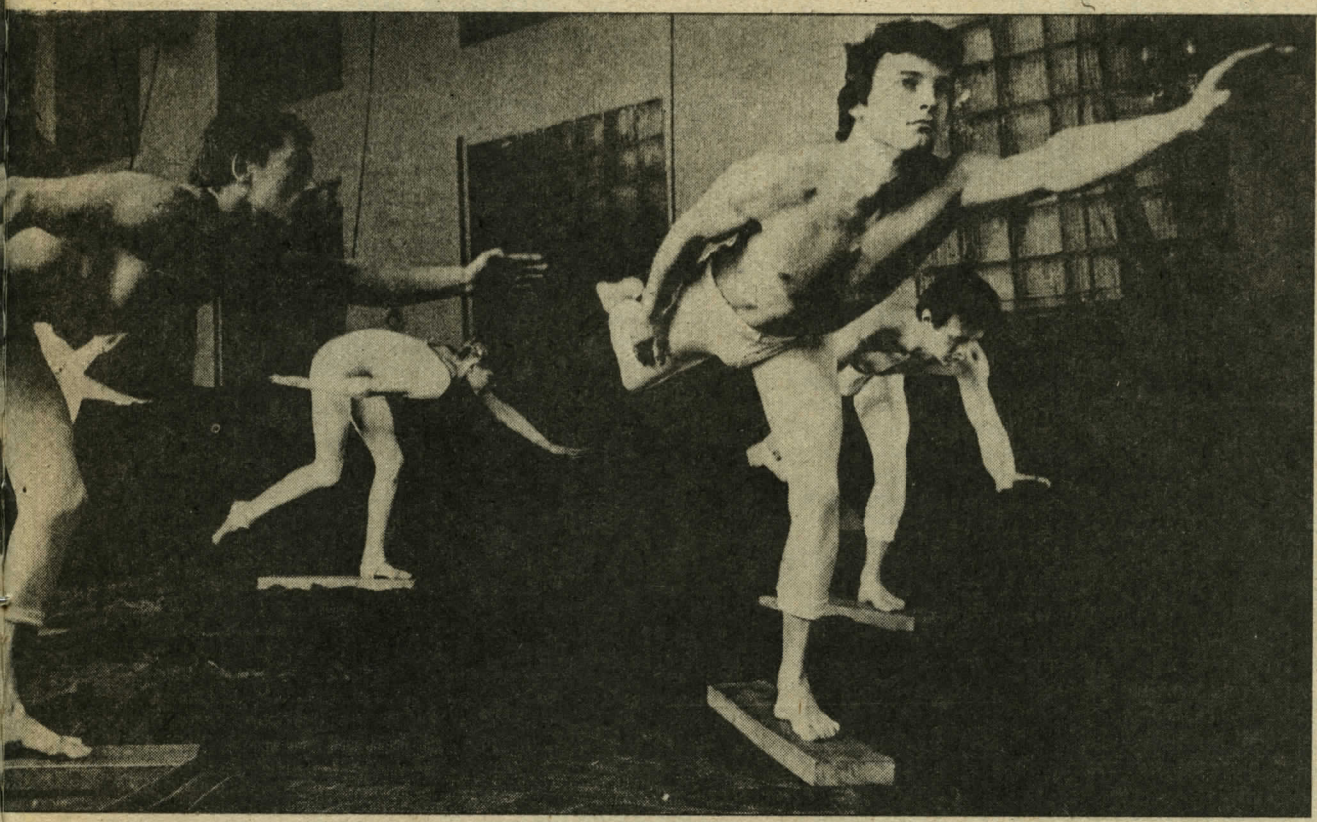
Фото Г. Макарычева

Искусство рождается красотой. Особенно искусство танца. Плясовые обряды древних народов, смысл которых покрыт завораживающей тайной, — его начало. Тогда это был не вид искусства, но форма самой жизни. С кем общались эти народы? Кто разговаривал с ними? А может, так они принимали энергию космоса? Или их сексуальная энергия вырывалась наружу? История танца полна взлетов и падений. Пришедшее на смену язычеству христианство отвергло его. Танец хирел и прятался. Его приютил король. Людовик XIV создал Королевскую академию танца. Танец превратили в часть церемониала, он помельчал, стал деланным и жеманным.

И кто спас мир? Ну, конечно, русские, в который раз. Не в смысле национальности, а в смысле жители России. Русский классический балет начал раскрывать великие страницы танца. К балету обратились многие люди со светлыми головами. Например, П.И.Чайковский. Он писал чудесную музыку, и три его балета — «Лебединое озеро», «Щелкунчик» и «Спящая красавица» — весь мир договорился считать шедеврами жанра. Талантлив был и Сергей Павлович Дягилев. Он сумел привлечь к балету Пикассо и Бенуа, музыку писали Стравинский и Равель (знаменитое болеро, например, Равель написал именно для балета).

Но все же русский балет только начал раскрывать страницы, ибо балет — это еще не весь танец. Посмотрите внимательно на эти фотографии. На них запечатлены прямые цитаты из постановок Мориса Бежара. Это великий хореограф нашей современности. Один из лучших его шедевров — «Весна священная» на музыку Игоря Стравинского. Вот несколько слов из книги Бежара «Мгновенье в жизни другого»: «Я принялся ежедневно слушать «Весну», «Весну» и только «Весну», с утра до вечера. Я плавал в музыке Стравинского как рыба в воде. Эта музыка пренебрегает паузами. Хотел бы я видеть, как он ходит по улице — фланирует ли он?

Мне нужна была животная сила. Случайно на каком-то киносеансе я увидел короткометражку об оленях — я вспомнил их, спаривающихся оленей, в пору течки. Они отвечали ритмам Стравинского!»



Казалось бы, как это можно: хрупкие пугливые тонконогие олени, и вдруг занимаются любовью среди солнца и брызг воды. Но контрастность — основа хореографии Мориса, соединяющего в одной постановке Бетховена и рок-музыку. Да. Бежару скоро 65 лет. С ним уже многое ясно: талант, скорее даже гений. А перед нами молодые люди. Красивые обнаженные тела поглощены танцем.

Андрей ШАРОМОВ

Дневник И.

РУССКИЕ ИЗБЫ ВИДНЕЮТСЯ

Выставка «Новиченто»
Центральный Дом художника

Напарили... Хоть и лучшая выставка в ЦДХ, а все равно — напарили. Ну я понимаю там «Чемпионы мира» — «изжевавши тонну нашего чуингама, вы станете обладателем железного здоровья и компьютерной памяти», — врут с голубыми глазами. А тут «Новиченто» — искусство нового столетия, то есть все эти культурные итальянские «...ченто», так гулко отдающиеся в замерзшем русском ухе. И на тебе: снова препарированные палины кальсоны, снова размалеванный мамин лифчик. Это еще хорошо. Хуже, когда на черном фоне эстрадный букет маков: Чио-Чио-сан, я хочу быть с тобой. Словом, все, как у Гоголя, — те же записки того же сумасшедшего: русские избы виднеются, краше всех душа моя Арина, а Италия... Италия опять с другой стороны.

Никола Самонов

ГЕМС И ХАРМС

«Стару—ха—рмса»
«Мосфильм», ст. «Старт», реж. В.Гемс

Хармс и раньше был невероятно своевремен, а теперь и вовсе. Вадим Гемс, решив экранизировать его «Старуху», попал в точку. Ведь именно теперь, когда из окон вываливаются работники ЦК, фильм можно счесть чуть ли не публицистическим. Но лучше в подобную ошибку не впадать. Картина эта — явление эстетического порядка. Это невообразимо скучное и безобразное зрелище психоделично, уже поскольку способно вызвать даже у подготовленного зрителя тошноту. Эстетика «некрореализма», представленная в «параллельном» кино, разработана достаточно, чтобы забыть о ней, как о кошмарном сне: основа этих ленинградских (именно ленинградских, а не петербургских) «противнюшек» сводится к тому, что тело способно жить после смерти. Гемс зачем-то следует этому постулату и показывает жизнь тел, лишенных духа (души) вовсе.

ГАЛЕРЕЯ
ИЗДАНИЕ ДЛЯ ХУДОЖНИКОВ И КОЛЛЕКЦИОНЕРОВ
ART-MIF-2
МОСКВА 1991
ОТ ИЗДАТЕЛЕЙ
FROM THE PUBLISHERS

Уроды, гнусность интерьеров и декораций, чудовищные эпизоды, из которых один — с родами и пожиранием младенца, другой — с битьем мертвой старухи, да, собственно, и все остальные, делают картину своеобразной «вещью в себе»: смотреть ее невозможно. Скорее всего она займет свое место на кинофестивалях благополучного Запада, где «весь этот Босх» воспринимается несколько иначе, чем, скажем, на Казанском вокзале после полуночи.
К самому Хармсу постановка Гемса не имеет непосредственного отношения. Впрочем, не исключено, что Хармсу постановка Гемса понравилась бы. Но лишь с той точки зрения, что сам Гемс — вполне герой Хармса.

Саша КИСЕЛЕВ

ИМПОРТНАЯ ШТУЧКА

Газета «Галерея»

Едва появившись, газета «Галерея» превратилась в зарубежную — эстонскую. Ее издатели А.Мазюк и Ю.Рупин, поигрывая оттенками слова «господа» от уважительного до уничижительного, замечают, что нам «не привыкать к ожиданию вестей из-за границы». Это правда, хотя в последнее время эти вести несколько утратили свою остроту и оперативность в сравнении с «Вестями». От души желаю, чтобы этого не случилось с «Галереей», обещающей информацию о художественном рынке, ценах на искусство, новых именах и коллекциях. Но, судя по первым номерам, угроза не выдержать конкуренции реальная, ведь круг потенциальных читателей — художники и коллекционеры — довольно узок и страшно далек от народа, даже от той его части, которая интересуется искусством непрофессионально. И этот круг отлично осведомлен об отрекламированных газетой телефонах и факсах галерей, а народ вполне может получить сведения по арт-бизнесу в «Декоративном искусстве», «Коммерсанте» или нашей «Столице». Хотя мы, конечно, не конкуренты «Галерее» по части прекрасной бумаги и роскошной печати. Так что пусть газета пока и пустовата, но в руки ее взять приятно, как и любую импортную штучку.

Марина КАМИНАРСКАЯ

ЖИВ КУРИЛКА-ТРАКТОРИСТ!

«За закрытой дверью» («Ад»)
Театр «Вернисаж», реж. Ю.Непомнящий и В.Хлестов

Видимо, безбожный Сартр, этот буревестник сытого

европейского радикализма, со своим стремлением нравственно высечь индивида наиболее тонким образом, заслужил как некое возмездие то триумфальное шествие «в языцы», которое сделало любую его сложную мысль беззащитной перед «свободным выбором» профанов. Вспомним песенку несравненного Б.Г. о том трактористе, что
...Жан-Поль Сартра лелеет в кармане
И этим сознанием горд, —
и порадуемся: жив курилка-тракторист, и все так же распирает его гордость, позволяющая плодотворно покрыть (в зоотехническом смысле) своими усвоенными в слишком «малых» театрах штампами тяжеловесно-обаятельный текст Сартра. А на необходимость актерской ансамблевости, грамотного построения мизансцен, учета специфики малой сцены и аккуратного обращения с аудиоэффектами попросту наплевать: во-первых, «кто нам, настрадавшимся актерам, указ», во-вторых, «пиеса-то какова — не переводилась и не ставилась в этой стране до сих пор». Впрочем, в «сказе про то, как мы до Сартра (Кафки, Камю, Пруста, Джойса...) доросли», трогательно то, как мы сами себе в этом качестве нравимся.

Михаил СМОЛЯНИЦКИЙ

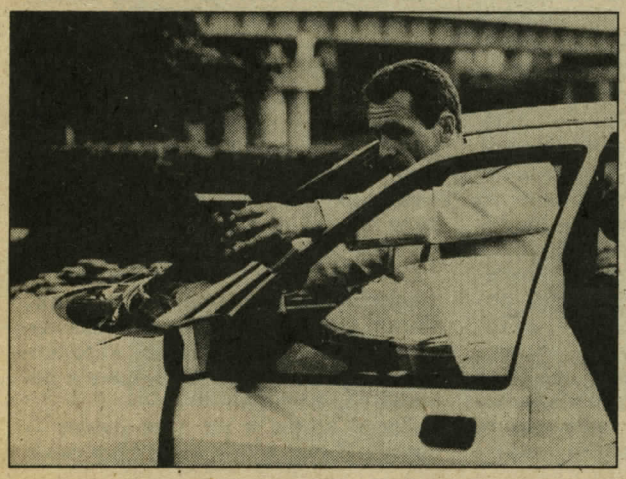
ПУСТЯЧОК, А ПРИЯТНО

«... По прозвищу «Зверь»
«Мосфильм», реж. А.Муратов

Конечно, это совсем не шедевр. Крепкий такой середнячок, что в эпоху тотальной киномакулатуры стало радовать безмерно. Найден замечательный герой — идеальный вариант отечественного Рембо. Мужественность и атлетизм удивительным образом сочетаются у Дмитрия Певцова с пронзительной тоской во взгляде и некоторым душевным надломом. Такой герой — уже полдела. Он как бы облагораживает всякие «совковости», не вполне вписывающиеся в американизированный сюжет, — типа афганского прошлого героев, хорошего начальника в зоне и прозрачных намеков на связь мафии с коммунистической властью. А поскольку все разыграно в хорошем темпе, злодеев играют такие актеры, как Борис Щербаков и Владимир Самойлов, то надо ли объяснять, отчего в Москве этот фильм более десяти кинотеатров крутят уже более месяца? Меняются, конечно: а что делать? Копий не хватает, а план (или что там у них теперь) выполнять надо. И ведь так приятно выполнить его отечественным кинопроизведением.

Сергей ЛАВРЕНТЬЕВ

Кадр из фильма «... По прозвищу «Зверь».



2 Наутилус 2

«Разлука», ***пластинка фирмы ЭРИО***
«Родившийся в эту ночь»,
пластинка фирмы «Русский диск»

Многолетняя безумная политика «Мелодии» привела к тому, что у очень многих музыкантов пластинки выходили настолько оторванно от их творчества, что представить себе по грамзаписи их часто многолетний путь было просто невозможно. Только сейчас благодаря появлению независимых, альтернативных и коммерческих фирм стали заполняться лакуны, высокомерно оставленные гигантом-монополистом. В последнее время появились сразу два диска популярнейшей группы «Наутилус Помпилиус». Фирма ЭРИО подарила нам известнейшую программу «Разлука», с которой, собственно, и началось триумфальное шествие «НП». А альбом «Родившийся в эту ночь», записанный в 1990 году, знакомит нас с новым составом. Эта программа — нечто переходное между прошлой манерой и новыми тенденциями. Особенно это видно в таких песнях, как «Последний человек на Земле», «Люди», «Она ждет». Новый саунд группы может нравиться или нет, старая программа может быть дорога сердцу или нет, но то, что эти пластинки вышли, — несомненное достижение двух фирм.

А.Г.

Дневник И.

P.S. ВИДЕО
Ведет Андрей ГАВРИЛОВ

Похороны крестного

«Крестный отец», фильм 3-й,
США, реж. Ф.Коппола

Один из самых ожидаемых фильмов на нашем видеорынке, третий «Крестный...», — зрелище грустное. Майкл Корлеоне, состарившись на 16 лет, прошедших после «Крестного отца-2», устал, по-прежнему заботится только о своей семье, но хочет выйти из игры и готов раскаяться. Кажется, все это в такой же степени относится и к Копполе. Понятно желание отца отдать одну из главных ролей своей дочери, но непонятно, куда при этом девается профессионализм режиссера. Весь фильм снят будто через силу, монтаж местами просто ученический. Непонятна хронологическая путаница — кардинал Ламберто никак не мог стать папой римским Иоанном Павлом I в 1979 году, если он умер в 1978-м, и т.п. Но все равно, когда слышишь ставшую классической мелодию Нино Роты, почему-то сжимается сердце...

ВЫ ВИДЕЛИ РУБЛЕВА ВБЛИЗИ?

«Третье решение»
Италия, реж. П.Скуитьери

Первые минут 10 фильма обещают роскошный политический триллер. Наверное, американцы такой бы и сняли. А картина итальянца Скуитьери получилась рыхлой. К тому же она явно подсокращена — то ли вообще для видео, то ли для англоязычной версии. И сделано это не слишком тщательно, есть нестыковки. Например, когда агентша КГБ беседует со своим любовником-американцем, не подозревающим, с какой змеей он связался, она спрашивает: «Ты когда-нибудь видел Рублева вблизи? Незабываемое зрелище». Увы, о фильме этого сказать нельзя.

Александр Угловский и Петр Капкин

Писатель Петр КАПКИН о художнике Александре УГЛОВСКОМ

СМЕРТЬ НЕ ВНУЧОНОК

В начале декабря 81-го года мы сидели в пивной на Грибоедовом канале. Пива выпили уже достаточно, но вообще-то показалось мало — пошли на Ракова, купили «Степного»—аперитива. К тому времени Угловский был уже изгнан из Города Ленина с двумя горбатыми в трудовой. Мы с Гогелем еще учились в МОПИ им. жены В.И.Ленина. Так что приехали мы к Угловскому на Фонтанку, 47, со статусом гостей. Угловский же, как мы уже узнали в пивной, статус хозяина потерял и вроде тоже был как гость, и хоть еще жил на Фонтанке, но тайно. Ну вот, купили мы аперитива «Степной» и ничего лучшего не нашли, как вернуться в этот самый гриль-бар на канале Грибоедова.

«Ну, Саня, дурак ты, надо было тебе со мной в МОПИ поступать», — сказал я. «Дурной», — согласился Гогель. «А вы, господа, чудаки! — ответил Угловский. — Вы же скоро сами оттуда полетите». И как в воду глядел. Я через два года ушел. Гогель даже через год. Конечно, застой-мастой, то да се, пятое-десятое, камни-мамни, но тогда было хорошо. Мы были молоды. Пили безбоязненно пиво — почки не болели, сердце не пошаливало, туберкулезом и не пахло. Генсек — клоун. Малина.

— В то героическое время я был крайне мал — я был дитя.

— Когда, Сань? Когда? — спросили мы с Гогелем хором.

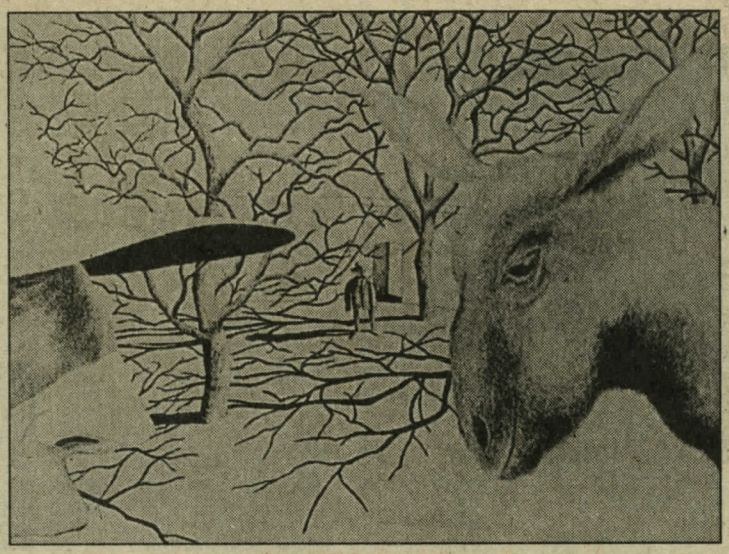
— Я любил лепить из детского пластилина мушкетеров, короля и гвардейцев кардинала, — сказал Угловский. — А Толик — старший брат и Витька — средний изобретали и изготавливали орудия массового уничтожения, как то: мортиры, пушки, бомбы, начиненные краденным у отца бездымным порохом. Когда родители возвращались с работы, все было как в Крыму во время боя. Отец с матерью к нашим забавам относились лояльно, пока мы не переступили за некие пределы: то есть два раза устроили пожар, один раз с пожарными, и т.д. Толик пошел по стопам отца — сварщиком на молибдено-цинковый комбинат, где делали гробы для героически погибших защитников Родины, а также всяческие защитные конструкции для недалеко находившегося Семипалатинского полигона.

Витька, т.е. Виталик, уехал в Куйбышев учиться на авиаконструктора и присылал мне Стругацких, ну и понятно было, что раз Витька будет строить звездолеты, то я должен на них летать. Ну а Толик обеспечит всем необходимым на всякий несчастный случай. Я был, как уже сказал, юн, свеж. И после школы поехал, естественно, в МВТУ им. революционера, убитого из-за угла дворником. Но меня почему-то не взяли, зато из Москвы я привез кучу Лема. На следующий год я опять поехал в это самое ВТУ, но меня потянуло в город на Неве, по приезде в который, как вам известно, днем я сидел на вокзале и рисовал, а ночью ходил по каналам.

Потом, Петька знает, попал я служить Родине в одну с ним часть. Читал лекции об инопланетных путешествиях неграмотным каракалпакам, курил анашу, пил чашму и рисовал где попало.

После армии я уж и не думал — сразу в Питер в ЛГУ на астрофизика,

Кошка и утро. 1989 г.



Наши в Самарканде. 1991 г.

работал, как вы знаете, кровельщиком в жэке, откуда и выгнали меня два месяца назад. А вот перед вашим приездом сидел я в Катькином саду, рисовал в тетрадке, цыганка подходит и говорит: «Не давай мне денег, дай десять копеек — всю правду расскажу». Дал я ей последний рупь. А она мне и говорит: «Ждет тебя, Александр, великая слава через десять лет. Не гляди по сторонам, говорит, делай свое дело — рисуй. Будет тебя судьба носить и на Крайний Север, и на крайний запад, и в столице ты будешь, и в провинции. Женат будешь два раза. Рисовать будешь много, раздавать будешь свои картинки, за бутылку отдавать, за доброе сердце, за злую настойчивость. Потом иностранцы покупать будут...» Ну, я прикинул. Думаю. В столицу я к Петьке поеду. Понятно. На Крайний Север — наверное, с Петькой в экспедицию подадимся. На крайний запад — это я, наверно, в Прибалтику махну. Не пойму только, что она про иностранцев говорила — будут покупать. На улице, говорит, продавать будешь в большом городе — где это — на улице? На Монмартре, что ли? Так ведь, говорит, слава-то с Родины начнется? — спросил нас Угловский.

— Будут перемены, — сказал Гогель многозначительно и заблестел глазами.

Прошло шесть лет. Мы сидели в пивной на Грибоедовом канале.

— Права была старуха, — сказал Гогель.

— Какая старуха? — спросили мы с Угловским.

— Ну, помните, шесть лет назад цыганка Сашке про Арбат говорила, — сказал Гогель.

— Да, как бы рамки не побить, — сказал Угловский.

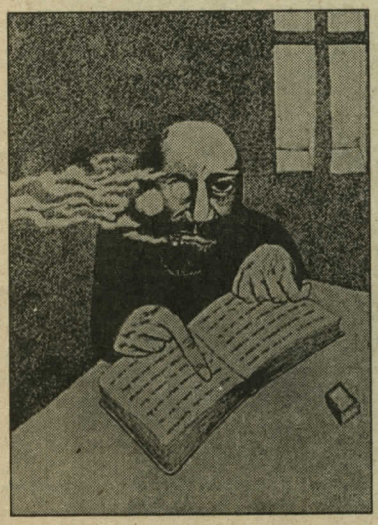
— Живем в Москве, а за рамками в Питер ездим, — заметил Гогель.

— Хорошо, что в Москве рамок нет, — сказал я, и Угловский меня одобрил.

Мы сидели в пивной на Грибоедовом канале.

— Да, — сказал Угловский, — вы остались в своей Валентиновке, а я решил податься в Ригу. Жил дней десять на вокзале, две тетрадки изрисовал, ну, естественно, примелькался стражам порядка, выгнали и предупредили, еще полмесяца жил по парадным. Денег нет. Одну тетрадку продал за трояк мужику какому-то у пивной на Суворова. Думаю, пора в Москву возвращаться. Дал телеграмму вам и буддисту Вите Львову. Шлите денег. Витя прислал. И я опять в Питер. В Питере, пока у Витькиного брата сессия была, они поили меня пивом, на уши — наушни-

Покинутые жилища. 1991 г.



Толкователь. 1988 г.

Адам. 1991 г.

ки, и я им отрабатывал за ночлег, за питье и хорошее настроение — не знаю, сколько там был, но тетрадок пятнадцать им оставил. Потом, не помню, с кем-то подрался. Витя Львов уже тогда известный в Ленинграде буддист был, купил мне черные очки и усадил на куйбышевский поезд, отправил к брату. А там меня стали воспитывать, устроили на завод, начали таскать в институт. Три дня я проучился в институте культуры, не помню, на каком факультете. Потом очнулся связанным. А они мне — ну, все, гений! Не будешь больше? Чего? — говорю. Виталий: «Ты, Саша, до такого скотского состояния напиваешься, на милицию бросаешься, на товарищей моих, на меня». — «Ладно, не буду». И уехал. Мне ведь, когда рисовать не дают, надо выпить — а как выпью, так у меня наутро бланш под глазом. В общем, уехал я от них. Ну, про Якутию, Гогель, тебе пусть Петька расскажет.

Мы сидели на Грибоедовом канале. Была зима. Промозглая, сырая, питерская.

— Худо-бедно — но как-то и себя кормил, и жену, пока Арбат не завшивел, не обосрался. На хлеб и сигареты хватало, — сказал Угловский.

— Да, голод — не тетка, — сказал Гогель.

— Холод — не дядька, — сказал я.

— Смерть — не внучонок, — закончил Угловский.

СПРАВКА

Александр Васильевич Угловский, 1960 года рождения, родился в Усть-Каменогорске Восточно-Казахстанской области Казахстана;

78 — 80 гг. — служба в стройбате ТУРКВО между Учкудуком и Навои;

80 — 81 — кровельщик в Ленинграде, осветитель в театре «Суббота». Около 500 рисунков;

81 — 82 — Рига. Около 300 рисунков;

82 — Куйбышев (Самара) — 100 рисунков. В конце года женитьба. До развода не рисовал;

83 — инициатор и первый председатель АССВОХ — Ассоциации свободных художников;

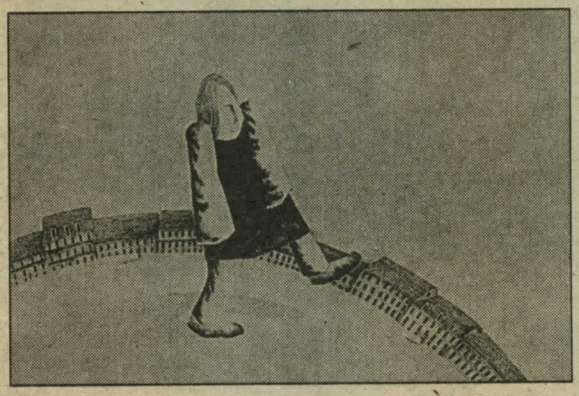
84 — работа в геодезической экспедиции в Якутии. В конце года — развод;

85 — работа кабельщиком в Мосэнерго. Вторая женитьба. Начал рисовать; 87 — продавал свои работы на Арбате, в Измайлове;

88 — в Дубне первая выставка-продажа (денег заработали на три дня с шампанским);

89 — «Московская палитра» стала продавать в своих киосках рисунки Угловского — в Швецию, Грецию и так далее.

ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ СВЕДЕНИЯ:
любимый художник — Ван Гог;
любимая женщина — жена Люся;
смерть — не внучонок;
к сегодняшнему дню нарисовал около 10 тыс. рисунков.



Сомнамбула. 1990 г.

«Дом под звездным небом» – фильм, о котором спорят

ДВА МНЕНИЯ О НОВОМ ФИЛЬМЕ СЕРГЕЯ СОЛОВЬЕВА

Виктория БЕЛОПОЛЬСКАЯ:

НЕ НЕБОМ ЕДИНЫМ

«Дом под звездным небом», последняя картина Соловьева, представляет собой своего рода антологию его творчества. И если подвергнуть само название фильма вульгарно-структуралистическому расчленению, то за каждым словом откроется, мне кажется, смысловой пласт интересного явления под условным наименованием «Сергей Соловьев, режиссер советского кино, год 1991». Если не возражаете, проделаем эту операцию. Итак:

ДОМ

Речь в данной картине идет именно о нашем доме, о России смутных недодемократических и постсоциалистических времен, о России «во мгле». И пусть один из героев целует благословенную американскую землю, в которой он нашел свою истинную родину, как в индийских мелодрамах персонажи находят истинных родителей. Пусть семейство, находящееся в центре сюжета фильма, отправится в финале в эту землю обетованную. Пусть здесь, дома, властвуют силы сатанинского зла — от КГБ до загадочного экстрасенса Компостерова, нанятого секретными службами, пусть у нас народный депутат идет на поклон к торговой мафии (надо же купить продуктов для деньрожденного празднества!), пусть... Соловьеву важно, что наш дом здесь, худо-бедно, но обжитой и наш.

От плоти и крови нашей общественной психологии и исторической судьбы и загадочность, разомкнутость драматургических ходов,

Ольга ФЕДЯНИНА:

«НАД НЕБОМ ГОЛУБЫМ...»

«Над небом голубым» — первая строчка знаменитой песни А.Хвостенко и А.Волохонского, неточно исполнявшаяся Б.Г. в фильме «Асса».

Похоже, что новый фильм Соловьева «Дом под звездным небом» будет дружно и неодобрительно встречен критикой, до этого точно так же дружно не одобрившей «Ассу» и «Черную розу...». Тогда гнев исходил в равной мере от защитников традиционной культуры и андерграунда, отстаивавших, казалось бы, противоположные, а на самом деле абсолютно тождественные идеалы «чистоты рядов», нарушенной режиссером. Тех и других оскорбило путешествие дилетанта по запасникам молодежной культуры и сорочья неразборчивость, с которой Соловьев утаскивал на съемочную площадку все, что ему в этих запасниках нравилось или просто вовремя подворачивалось под руку, и если первых раздражал сам факт такого путешествия, то гордые дети подземелья были задеты именно беспечностью режиссера, который, игнорируя тонкости новой иерархии, мог превратить рок-группу в ансамбль ресторанных лабухов или, хуже того, сводил иконописного Б.Г. и поп-механического анфан террибля Африку в единый экранный образ.

В «Доме под звездным небом» богемный полусвет из сюжета исключен, потому с этой стороны раздраженных откликов можно не ждать. Скорее — вежливого равнодушия. Зато те, кто с неудовольствием обнаруживал в предыдущих фильмах Соловьева нечто в высшей степени сомнительное, теперь с тем же неудовольствием обнаружат, что, оставив за пределами своего нового фильма гардероб «второй культуры», режиссер сохранил, более того, усовершенствовал и последовательно реализовал идеи, которые в свое время побудили его этим гардеробом воспользоваться. Речь идет, разумеется, об идеях эстетических. Потому что, снимая «Ассу» и «Черную розу...», Соловьев едва ли претендовал на роль покровителя юной богемы∅ и еще менее того заискивал перед ней, дабы не оказаться в свое время за бортом вполне гипотетичес-

когда не все происходящее в фильме убедительно мотивировано: скажем, что это был за разрисованный татуировками труп, над которым склонялся главный герой? Откуда взялся в кустах у академической дачи и куда делся? А нет ответа. Как нет до конца убедительного ответа, например, на вопрос, почему же все-таки не удался злополучный трехдневный янаевский мятеж. Почему кончился так быстро и так фарсово? В сущности ответ один, данный еще в бородатом анекдоте: потому что это наша родина, сынок. И нет другой. Убежденность Соловьева в этом мне всегда нравилась. А не нравится мне в нем то, что он всегда «под»...

ПОД

Сам этот предлог указывает на местоположение, приниженное по отношению к чему-либо. В данном случае — на соловьевскую страсть к авторитетам и даже кумирам. Вечно он «чистит себя под кем-то». На сей раз — третий после «Ассы» и «Черной розы...» — под культурной средой андерграунда. Так, наиболее удачны в фильме открытые вовсе не Соловьевым, а другими самоигральные фактуры, любопытные вне контекста соловьевского фильма, обладающие собственной эстетикой. Татуированный труп явно перекочевал из картин ленинградских (санкт-петербургских) «некрореалистов»-параллельщиков, врач-психиатр, с удовольствием поедающий контрацептивы, — из «Перехода товарища Чкалова через Северный полюс» М.Пежемского — тот же автор в фактически той же полуклоунской роли. Да и те интонации, с которыми психиатр приговаривает: «Какие хорошие таблетки» — стеб, уже отыгранный, уже вчерашний. Мы так разговаривали и так ходили, но уже года три как живем другим, а Соловьев с фанатизмом неофита и активностью отличника воспроизводит наш стеб и становится похож на маркитанта, везущего провизию-подкрепление на уже остывшее поле битвы.

ЗВЕЗДНЫМ

Звездным стало участие в картине М.Ульянова, да еще и в главной роли. Во-первых, он «звезда» в этом фильме единственная и потому, по выражению О'Генри, — «персональный магнит». А во-вторых, это принципиально удачная находка — совместить личную жизнь и судьбу «звезды»-исполнителя с жизнью и

кого корабля современности. Он всего лишь нашел и использовал такую художественнную среду, которая стала выразительным и бесспорным контрастом к золотому запасу идей и технологий советского кинематографа последних десятилетий.

В «Доме под звездным небом» режиссер соединяет почтенную социальную историю благородной и благополучной семьи с полуугоновной разудалой мистикой и складывает из этого сюжет. Возглавляемая М.Ульяновым в роли ученого (главы семьи и хозяина дома) актерская команда изображает семейный клан в лучших традициях фундаментального психологизма. Но все это убедительное и подробное великолепие окружено пошлой и зловещей шайкой, которая доводит почтенную семью до распада и гибели. За таинственными гонителями-оборотнями — лицедейство прямо противоположное и сознательно противопоставленное любому переживанию — эксцентрическая традиция и, если позволительно так выразиться, антипсихологический склад души.

Превратив тайную борьбу актерских технологий во внутренний сюжет фильма, режиссер запускает механизм взаимной эстетической провокации, который, раз приведенный в действие, работает помимо ведома, воли и усилий кого-либо из участников. Фильм, собственно, и образуется в этом взрывоопасном, неподконтрольном пространстве, созданном, главным образом, двумя актерами — М.Ульяновым и А.Башировым, с упоением изображающим то ли расходившуюся нечистую силу то ли мистическую сущность КГБ, то ли посланца международного масонского заговора, а на самом деле — ни то, ни другое, ни третье. Торжествует контраст (более декоративно использованный в двух первых фильмах трилогии), если под контрастом разуметь не выигрышное сочетание предмета и фона, а соединение взаимоисключающих, взаимоуничтожающих реальностей. Почтенный социально-бытовой сюжет рассыпается под напором иррациональной стихии, становится абсурдным, двусмысленным, неблагонадежным и завершается героической, но безусловно пародийной — и чем более героической, тем более пародийной — «гибелью всерьез» ульяновского героя. Впрочем, нельзя не заметить, что изрядно пострадала и помянутая иррациональная стихия: материализуясь, бес оказывается бессмысленным пакостником, обнаруживая цирковое фиглярство и пристрастие к дешевым мелодраматическим эффектам. Все это, разумеется, не вызывает сочувствия у поклонников нормативного сюжетосложения, видящих здесь лишь пристрастие к «штучкам», неумение-нежелание сводить концы с концами и равнодушие к своеобразным святыням и идолам — будь то Шамбала, андерграундная юность или обласканный властью выразитель дум и чаяний интеллигенции, отправляющийся на заседания парламента прямиком из

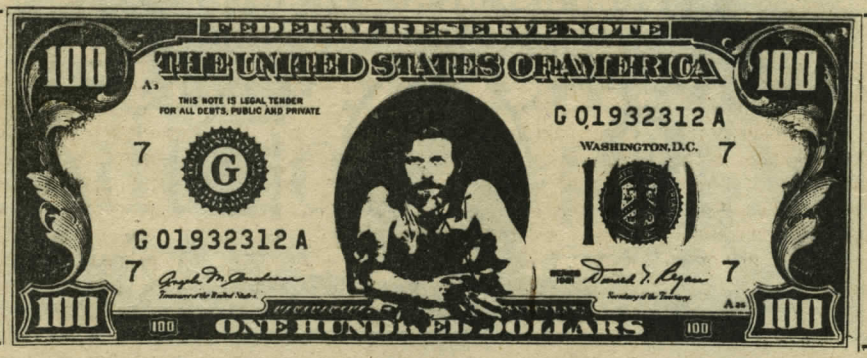
судьбой героя. И когда видишь, как в фильме персонажи с упоеньем смотрят по телевизору выступление на съезде народных депутатов отца своего семейства, а на телеэкране — документальная запись выступления Михаила Ульянова, ловишь себя на мысли: а не самого ли себя играет здесь Ульянов-Ленин? Находка в стиле культурных веяний — аура личности автора становится необходимой составляющей его произведения: скажем, разве отделимы фильмы Бунюэля от скандалёзов вокруг личности Бунюэля? (Хотя я, конечно, догадываюсь, что сопоставление великого испанца и нашего народного депутата не особенно корректно.)

НЕБОМ

Дольними высотами, выспренно духовным по-прежнему живет кинематограф Соловьева, невзирая на всякий стеб и на то, что хочет казаться искушенным, напрочь лишенным иллюзий. Истинный Соловьев, семидесятник с неизжитым шестидесятническим романтизмом, выглянет из финала, сцены любви двух юных существ на вздувающемся девственно-белом шелке воздушного шара. А дальше выбрасывание оружия из корзины летательного аппарата. И станет ясно, что эти подростки, мальчик и девочка, на самом-то деле — наследники по прямой, переживающие свои сто дней после детства. А вся эта романтическая серьезность после стеба выглядит достаточно пародийно и сильно отдает ностальгией по 70-м, Саманте Смит, «детям против войны» и даже Кате Лычевой.

Потому что стеб как тотальная ирония по отношению к жизни, и, что важно, к собственной тоже, Соловьеву неорганичен, и чудные находки, вроде ног, отделенных Компостеровым от туловища одной из героинь, живущих своей жизнью, не спасают, а смотрятся вставным эстрадным номером. Стеб всегда направлен против кумиров и против какой-либо, не важно какой, системы, канонов. А Соловьеву необходимо и то и другое. Стёб неисправимо индивидуалистичен, а Соловьев — неисправимый романтик, не избежавший шестидесятнического коллективистского «возьмемся за руки, друзья». К тому же он зачем-то хочет славы лучшего друга андерграунда (который уже в прошлом) и неба в алмазах, а ему бы жить небом единым.

■



В оформлении материала использованы элементы рекламного дизайна к премьере фильма

фамильной библиотеки. Действительно, режиссер с демонстративно отчужденным восхищением разглядывает всех персонажей собранного им самим паноптикума. Все это, по мнению критики, называется «стеб» — словечко было подсунуто самим Соловьевым не заподозрившей подвоха почтенной публике из словаря публики непочтенной и послужило причиной существенного недоразумения.

Соловьева после первых снятых им картин совершенно справедливо идентифицировали как романтика и сегодня главным образом упрекают в измене романтическому прошлому. Недоразумение же состоит в том, что тогда если он и был романтиком, то лишь в расхожем советском смысле, подразумевавшем в основном широко распахнутые глаза, мечтательное прекраснодушие и абстрактный энтузиазм. Теперь же, ополчась на то, что кажется ей стебом и тлеворным влиянием андерграунда, критика, не сильно продвинувшаяся в изучении понятий классической эстетики, ополчается на подлинную романтическую природу последних соловьевских фильмов. Романтическую природу, которая диктует художнику заведомо недоверчивое отношение к любому порождению коллективного разума и коллективного опыта и которая требует поставить под сомнение, испытать иронией любую сущую реальность — будь то социальное наваждение, эстетическая доктрина, философская система или вероучение. Испытать — и неизбежно отказаться от любой реальности во имя ценностей, не подвергаемых сомнению, недосягаемых для иронии, расположенных не в мире сущего, а в мире идей и истин — вечных, неоспоримых. И почти невыразимых. Вот это-то «невыразимое» заменяют, обозначают собою в фильме мальчик и девочка, лишь типажно совпадающие с персонажами раннего соловьевского кинематографа, — анемичная влюбленная пара, бесплотно скользившая через весь фильм и унесенная ветром в его финале, растворившаяся в воздухе, из которого и состояла на 99 процентов. Если в данном случае можно говорить о каких-то симпатиях, то симпатии режиссера, разумеется, полностью на стороне этой бестелесной призрачности, в которой нет ничего реального и во имя которой был затеян весь его земной балаган, доказавший лишь то, что и мог доказать: нет ничего надежнее и прочнее, чем звездное небо.

Об этой паре можно сказать словами Пушкина — «глупа, как истина, скучна, как совершенство». Впрочем, тот же Пушкин предложил и другой вариант: «скучна, как истина, глупа, как совершенство» — тоже хорошо получается. Но ни то, ни другое не подлежит критике, как не подлежит ей фильм, называющийся «Дом под звездным небом». Над небом голубым есть Сад, под небом — Дом. Дом, говорят вам, под звездным небом. Чего же боле?

■

Просвет в небесах обетованных

«Осень жизни, как и осень года, надо благодарно принимать» — вы помните слова из песни в «Служебном романе»?

Да, такова была тогда философия Эльдара Рязанова. Всегда мягкие краски сглаживали горечь тех историй, которые он нам рассказывал. Но вот и пришла она — поздняя, жуткая, промозглая осень советской жизни, «осень совка». Как ее принимает Рязанов?

Его последний (тьфу-тьфу, надеюсь — не последний!) фильм «Небеса обетованные» — это страшный фильм. Говорят, толстым людям трудно быть злыми. Может быть. Но впадать в отчаяние им комплекция позволяет, не правда ли?

Именно потому, что в нем снимаются почти все знаменитости, которые много раз работали с Рязановым (Басилашвили, Гафт, Невинный, Немоляева, Ахеджакова), фильм невольно воспринимается как вторая серия «Гаража» или того же «Служебного романа». Но, Боже, как все изменилось!

Рухнула та жизнь — лицемерная, с полунамеками, с полусытостью, подержанными, но приличными вещами, — в которой 30 лет жили герои Рязанова, в которой 70 лет жили мы все. Кожа слезла — и торчит голый и во многих местах покарябанный череп. Внешне это выражается в простом и беспощадном символе — рязановские чиновники, научные сотрудники, пенсионеры, ворованые продавцы, словом, тот средний класс, который (и для которого) он снимал всю жизнь, исчез. Гафт? Кем он был в «Гараже»? Научный сотрудник, председатель гаражного кооператива. Он — хромой нищий, «президент» свалки, клоаки, где голые и голодные (буквально, буквально!) ютятся герои «Небес обетованных». А Басилашвили? В «Служебном романе» вылощенный чиновник-карьерист, теперь он нищий сторож на чужой даче, неудачно попытавшийся выдать себя за владельца, а владелец с догом явился, чтобы его вышибить. А Невинный? В «Берегись автомобиля» — нагло-здоровый механик, в «Гараже» — мурло советское, преуспевающий сукин сын, в должности профессора и завлаба. Теперь он — алкаш в лохмотьях, безнадежный нищий. Ахеджакова? Да, паршивенький, но был же и у нее автомобильчик в «Гараже»! В «Небесах» она просто нищая, выпрашивающая со всякими забавными прибаутками милостыню на мосту рядом с «домом на набережной»... Но те, кто прямо милостыню не просит (Немоляева, скажем), — они еще беднее, им еще хуже, «скромной, но опрятной» бедности нет в СССР больше, как и самого СССР нет больше. И честная коммунистка, ветеран войны Немоляева ест за счет нищенки Ахеджаковой.

Все кончено. Кончена эта жизнь. Кончена — и кончена безобразно. У нее не будет надгробия и речей.

Отныне любимая Рязановым Москва, которую он так необыкновенно, так тепло и грустно снимал в «Служебном романе», — это грязный пустырь. Вагончики и просто собачьи конуры, в которых живут последние советские люди — недоэмигрировавшие евреи и антисемиты, коммунисты и диссиденты, бывшие художники, бывшие врачи, бывшие домработницы, бывшие скрипачи, бывшие люди бывшего советского общества из бывшего «СССР». Это не профессиональные попрошайки и забулдыги, ничего подобного. Они старались, трудились, карабкались вверх по лестнице, ведущей вниз... А пол под лестницей раскололся, и вся она провалилась. Страна — рухнула в тартарары, общество, со всеми его чистыми и нечистыми, провалилось. Все кончено.

Что такое есть Москва-91? Грязный пустырь, где сгрудились нищие.

Чем будет Москва-92? Местом, где совместное с американцами предприятие построит свой завод по производству презервативов (чтоб эти нищие не размножались?).

Что для этого нужно? Пустырь — расчистить, нищих — выгнать.

Как это сделать? Танками и ОМОНом.

Кто будет командовать этими танками? Вчерашняя коммунистическая номенклатура, нынешние «демократические партнеры» своих американских компаньонов.

Что остается делать нищим советским людям? А — ни-че-го. «За Волгой для нас земли нет», — говорили во время войны. Ну вот, а сейчас выяснилось, что по обе стороны Волги, для нас земли нет. Для тех, кого уже перемолола советская система, но они еще не сдохли в работном доме для нищих, — для них земли нет. Они могут отправляться... куда? А — прямо на небо. Как в известном анекдоте: «построим ероплан и улетим на нем к... матери». Вот и валяйте, летите. Здесь будет американский завод по производству презервативов, совместный с номенклатурой. Впрочем, работать же на нем какие-то туземцы должны, и покупать презервативы тоже кто-то должен? Ну вот, молодые, сильные, мечтающие об СП, они и могут остаться... Впрочем, это уже будет другой фильм.

«А что же наше поколенье? Оно пойдет на удобренье» (Э.Рязанов).

Все. Все кончено. А просвет-то должен быть? Наверное... На небесах обетованных.

Л. РАДЗИХОВСКИЙ

Ему должны быть благодарны все женщины, а в особенности — женщины-актрисы: за роль Бабы-Яги. Милляр самоотверженно сыграл этот сугубо женский, но не самый прекрасный образ.
Про многих говорят: человек-оркестр, человек-скандал, человек-энциклопедия. А это — человек-мультик. Для любого Милляр — в первую очередь — сказочный злодей, который в отличие от сказочного героя обаятелен, весел и, следовательно, интересен всем, а особенно детям.
Когда мы в детстве смотрели сказки с его участием, он уже был старичком. Сейчас ему 88 лет. Георгий Францевич этот факт драматизирует и говорит: «Без двух лет девяносто». Он живет почти под крышей восемнадцатиэтажного дома на окраине Москвы («Чудной дом. Лифтовые площадки больше, чем квартиры») и думает, что его начали забывать...
Сейчас в Институте киноискусства под художественным руководством режиссера Марины Голдовской снимаются видеофильмы о старейших мастерах кино: Солнцевой, Габриловиче, Райзмане, Медведкине. Режиссер Алексей Кублицкий делает фильм о Милляре. Но это совсем не сказка...

Фото В.Шишова

БАБА-ЯГА ПО ФАМИЛИИ МИЛЛЯР

— Георгий Францевич, что для вас интереснее — жизнь или искусство?

— Искусство я люблю за условность, но, скажем, в спектакле всегда знаешь, чем кончится дело, а в жизни — нет. Вот у меня была тетя, она начинала в Художественном театре. Потом вышла замуж, сказала, что жизнь интереснее сцены, и бросила театр.

— Значит, ваша семья была актерской?

— Нет, тетка была единственной актрисой, и то неудачной. Мои родители были средненькими такими интеллигентами. Мать работала в железнодорожной конторе, а отец — инженером. Он был француз. От него мне в наследство осталась способность парадоксально мыслить. Отца-то я плохо помню, потому что он умер, когда мне было два с половиной года. Его лицо я больше видел на фотокарточках. Ребенок — он вверх голову не очень задирает. Я запомнил синие брюки с белой полоской.

— А вы себя считаете интеллигентом?

— Нет... Можно сказать, нет. Я занимаюсь грязным, потным, физическим трудом. У меня трудовые руки. У меня пока еще ходовые ноги, которые уже перестают танцевать, к сожалению. У меня натруженная глотка и очень мозолистое лицо, и профиль у меня смешнее, чем фас. Но одним поворотом головы я могу рассказать больше, чем каким-нибудь дурацким длинным монологом.

— Вы начинали играть в театре?

— Да, после школы я пошел экзаменоваться в Театр Революции. Там конкурс был ужасный, но поскольку я... Мне сказали, что я какой-то чудной, но я чудной и есть. Внешность

плохая, голоса нет. Приняли, так сказать, из любопытства. Грипич был главным режиссером. Помню, я ему на экзамене какой-то нечеловеческий танец изображал...

— Вы известны как сказочный актер...

— Нет, я актер комедийный, и поэтому сказка мне ближе, это ведь, по сути, комедия. И нельзя думать, что сказка придумана для детей. Вообще нельзя делить искусство, а особенно кинематограф на взрослое и детское. Если бы Пушкину сказали, что он писал «Капитанскую дочку» и «Дубровского» исключительно для детских хрестоматий, наверное, Дантесу нечего было делать: поэт застрелился бы сам!

— Какая ваша самая любимая роль?

— Трудно сказать. Это как в семье: любимый ребенок — не обязательно тот, который самый удачный. Мне понравилась роль палача. Маленький эпизод. Там была одна или две фразы. Я их вычеркнул. Я даже в театре, когда роль получал, старался поменьше оставлять текста, потому что выразительность интересна не словесная, а другая — пластическая выразительность.

— А черт в «Вечерах на хуторе близ Диканьки»!

— О! Страшные были съемки! Роу решил снимать в Заполярье — там снег прочный был. Холод ужасный, без спиртного никак нельзя! Вообще у всякого актера есть свои приспособления, чтобы выпить на рабочем месте или там, где нельзя. Вот один, например, прятал бутылку в режиссерском пальто: приезжал на съемки трезвый, прятал бутылку, а потом потихоньку напивался. Все очень удивлялись. А кто ж станет режиссерское пальто обыскивать? А другой — его звали Василий Иванович — был высокого роста, а жена — маленького. Он перед обедом шел в уборную и там выпивал. Там в бачке, наверху, у него стояла бутылка коньяка и бутылка водки. В холодной воде. То что надо. А жена не дотягивалась.

— А у вас были какие-то приспособления?

— Нет, у меня все было просто и довольно откровенно. Я употреблял одеколон, преимущественно тройной. Он крепче. И вот когда на Севере снимали «Вечера на хуторе...», Роу даже кричал: «Налейте ему тройного». Знал, что без этого мне... А там открытое поле. Северное сияние. Холодище. Ох! С ветром. Но этого мало. Ставили еще два ветродуя. Это самолеты без крыльев. Их закрепляли, чтобы с места не сдвинулись. А винты работают с огромной силой. И под эту струю воздуха лопатами подбрасывали снег (по сюжету — пурга). И этот снег острыми комочками впивался в актера. Потом подходила костюмерша, добрая женщина, откалывала от меня лед. Так несколько ночей. Я очень обрадовался и перекрестился в костюме черта, когда узнал, что ветродуи отправили обратно в Москву.

— А неудачные роли были?

— Да. Вообще говорят, что это не так страшно, дескать, что это за актер, который не завалил ни одной роли. Я завалился в театре. Один раз в спектакле по Островскому, другой — по Чехову. Сильно завалился — страшно вспоминать. Ну просто плохо сыграл. Существует такая система переживаний, что ли. У актера есть два переживания: ему приятно, когда работа удается, и ему неприятно, когда работа не удается. И плюньте в глаза тем, кто будет рассказывать о каких-то других эмоциях и системах. Нет, не признаю я эту станиславщину, не признаю! Это случайное явление. Русская интеллигенция — страшные люди. Изобрели систему Станиславского. Она много вреда принесла в искусстве. Возникла как протест против классического театра и настолько повлияла на все это дело, что превратилась в борьбу с театральностью в театре и уничтожила основную природу театра. Зачем тогда это? Тогда и театр надо закрывать, и кинематограф не начинать.

— Георгий Францевич, вы интересуетесь политикой?

— Да, у меня есть свои убеждения. Вот я слушаю Горбачева. Но что же это! Одни обещания. Он разъезжает, перестраивает весь мир, кроме Советского Союза. Нам обещали коммунизм, его нет до сих пор. Обещали перестройку. Где она?

— И вы верили в коммунизм, когда его обещали?

— Я и сейчас верю. Дело в том, что он исторически неизбежно придет, даже если господа коммунисты этого не захотят.

— А что вы любите?

— Люблю музыку. На симфонические концерты до сих пор хожу. Когда я в Театре Революции учился, там по воскресеньям симфонические утренники бывали, дирижеры знаменитые приходили. Я ведь с детства собирался быть музыкантом, но мать боялась, что это на здоровье повлияет. А меня привлекала виолончель. Красивый инструмент. Вот старик приезжал. Он интересно работает с виолончелью. Он очень смешной. Ростропович. Он с серьезным видом играет, потом заканчивает — и в-о-о. Вот как я вам всем воткнул! Вот ведь старик! Ту-ру-ру... Очень здорово он играл.

Лошадей люблю. Замечательный зверь лошадь. Вот если с детьми и животными трудно играть — собака или кошечка всегда переиграет актера, — то лошадь, наоборот, помогает. Она как-то вовремя ушами двинет, хвост пальмой загнет. Мне даже как-то приснилось, что я в конюшне подбираю себе лошадку, чтобы сыграть Суворова. Мечта у меня есть — сыграть три исторические роли: Суворова, Юлия Цезаря и, может быть, Вольтера.

— И каким бы вы сыграли Суворова?

— Таким, какой я есть, — старым. Суворов — это целое собрание анекдотов исторических. И были такие, что... Хулиганистый старик был очень. Характер такой, что у-у-у. Кого не полюбит — берегись! Он однажды не полюбил одного очень высокопоставленного сановника. И во время придворного приема Суворов открыл карету этого вельможи и, извините, нагадил в карете. И через другую дверь вышел. А уже смеркалось, так сказать, к вечеру дело шло. И это взрослый человек, генерал такие номера выдавал... А вообще, между прочим, что такое артист? Старый артист. На моей памяти никто так здорово не играл молодость и любовь, как это делал старый, толстый, хриплый Собинов, который дыхание брал — «хр-р-р» — вот таким способом. Да-а.

— Георгий Францевич, а вы верующий человек?

— Я хотел бы верить, но это как-то не всегда получается. Потому что на свете настолько сильна несправедливость, что одно с другим как-то не монтируется...

Елена АВЕРИНА

Давид САМОЙЛОВ

«Памятные записки»

(фрагменты из будущей книги)

ОБ АРИСТОКРАТИЗМЕ И ПРЕЕМСТВЕННОСТИ ВЛАСТИ

Аристократия не сословие. Аристократизм — понятие высшей элитарности, порожденной, однако, средой власти.

Потому и путается порой аристократизм с принадлежностью к среде власти. (В России путалось барство с аристократизмом.)

Эта среда, неминуемо просвещаясь и приобретая высшие понятия, порождает нечто противоположное своей необходимой грубости — аристократизм.

У нас еще аристократизма мало, его почти нет, ибо среда власти еще только формируется, еще не отграничена, еще происходит постоянная диффузия между народом и этой средой.

Аристократизм, т.е. высшее понятие о человеческом достоинстве, — необходимый фундамент демократизма. Демократия появится у нас только вместе с аристократизмом.

Главное историческое понятие сталинизма — преемственность власти. В этом его антиреволюционная сущность. Сталин выстраивал эту преемственность от Ивана Грозного до Петра Великого. Дальше, до себя, достроить не успел.

У него было плебейское уважение к дворянству. Ради чего и держал графа Игнатьева и сомнительного графа Толстого. Наше начальство графьев не знало и потому полагало, что таковы и должны быть графья. Все графы и дворяне в нашей среде власти — мнимые либо уж совсем подлые.

Алексей Толстой — граф сомнительный, а аристократ никакой. По недоразумению его числили аристократом. А он певец власти, он если и дворянин, то времен петровских, когда аристократизмом в России и не пахло. Оттого с таким смаком писал о петровском насилии. У него все герои насильники — от царей до акцизных чиновников. О насильничанье он писал с грубым удовольствием.

Самый точный его портрет у Кончаловского: толстый, жизнерадостный человек, полный сил и вожделений, жрет мясо.

Жил Алексей Толстой с грубым удовольствием. Талант его от чресел. Однако подлинный.

Эренбург себя выдумывал. Алексей Толстой — нет. Он таким и был — воспеватель насилия и сам насильник. И в этом был талантлив.

В нем ни сентиментальности, ни святого — нет.

Он ни помещикам из ранних своих вещей, ни мужикам, которые жгут помещиков, не сочувствует.

Сильный, жизнерадостный, талантливый. Креста на нем нет.

Русский аристократизм начинался с Пушкина, окончился Ахматовой.

Из русских царей аристократами были два первых Александра. Первый тоже с небольшой оговоркой — участвовал, хоть и без желания, в убийстве собственного отца.

ЛИТЕРАТУРА И СТИХОТВОРСТВО

Лишь на пороге пятидесяти лет понял я, что занимался половину прожитой почти жизни стихотворством, иногда — поэзией, а о подлинном занятии литературой имел лишь общие абстрактные понятия.

Между тем литература это не стихотворство, даже не поэзия — это лишь ее части и формы выражения, — даже не самовитое, пусть хоть точнейшее и тончайшее, раскрытие личности, — а служение, жертва и постоянное обновление соборного духа, обновление его в форме личного опыта мысли и чувствования.

Я понял, что усилия этого обновления радостны, что ничтожна застойная идея о сложившемся мире и о бесплодности единичного усилия к его обновлению. Литература и есть единичное усилие обновления. И коллективное усилие, т.е. социальное действие, часто гораздо бесплодней единичного усилия литературы, ибо разнонаправлено и лишь внешне кажется устремленным к одной цели.

Я понял также — и не менее радостна эта мысль — что никогда не поздно подвергнуть свое духовное существо этому усилию, ибо бессознательно все мы, снабженные дарованием к писанию, к поэзии или к прозе, — все мы всю жизнь дозреваем до литературы. Иные рано вызревают, другие поздно, а кто и совсем не дозревает; но это вызревание — внутренняя цель дарования. Счастливы дозревшие — и рано, и поздно.

Дарование — даровано. Но нельзя всю жизнь тешиться дарованным. Дарованное, но не обновленное ветшает.

Здесь можно привести целый мартиролог нашей литературы — Тихонова, Сельвинского, Федина, Леонова, Фадеева, — несть им числа, тем, что не сделали единичного усилия обновления.

О «СЕМИ ДНЯХ ТВОРЕНИЯ» В. МАКСИМОВА

Роман В.Максимова «Семь дней творения» принадлежит к новому периоду русской литературы, может быть, впервые так четко и полно обозначает его начало.

Истоки этого романа лежат в предыдущем периоде нашей литературы — в произведениях Солженицына и «Докторе Живаго» Пастернака.

Но Максимову удалось соединить эти две важнейшие струи предшествующей прозы в нечто единое, мощное и стройное и впервые выразить практическую потребность современной души в обновлении, утвердить веру в возможность этого обновления и наметить пути к нему.

Пастернак жил в верхнем этаже духовной сферы, о практическом приложении своего идеала он не мыслил, заботясь, скорее, о построении личной кельи духовного спасения и воспаряя из нее лишь в высоту, в беспредельность, а не выращивая свой идеал вширь; не видя возможности беспредельно выращивать его вширь, ибо обступили его слепые души, которые (по ощущению Пастернака) неминуемо воспрепятствуют этому расширению.

Солженицын, напротив, воспаряя ввысь, постоянно думал и об обширности потребности народа в духовном обновлении и с ней сообразовывал возможность расширения сферы своего идеала. Однако эта сообразованность идеала со слепотой душ, эта боязнь натыкания на слепоту невольно сужала сам идеал Солженицына, придавала ему вид промежуточной организации. Кроме того, Солженицын, в отличие от Пастернака, взыскующего града, — учитель жизни, проповедник и много лучших сил положил на обличение, на расчистку места для будущего храма. Он предлагает практическое начало обновления в понятной массам работе построения храма, где потом только прозвучит истинный призыв к обновлению.

Сужение сферы идеала у Солженицына существенным образом деформирует сам идеал. Промежуточное дело построения храма требует некой промежуточной организации, которая для Солженицына есть церковь, нация, государство — земное триединство на пути к внеземному.

Солженицын считает, по Ветхому завету, по слову Моисея, что поколениям рабов не завоевать землю Ханаанскую, не возродить духовное существо нации. Поколение рабов способно лишь к промежуточному делу строения храма, не зная, может быть, об истинном назначении храма («история иррациональна»). Поколение рабов может построить и языческое капище, ибо не знает, что строит. Ему нужна вера в непогрешимость вождя и пророка. И себя вождем и пророком предлагает Солженицын, смело принимая на себя показательный для несвободных подвиг гражданского поведения.

Мысль Солженицына: одним еще рано идти к высотам духовного обновления, другим — поздно.

Максимов — и в том его сегодняшнее значение — с

полной силой художественной убежденности утверждает, что никогда не поздно. У него нет ни снисходительности к народу, ни неверия в силы нации. То, что Солженицыну кажется концом дела, Максимов утверждает в качестве начала.

Сперва построение духа, потом построение храма, церкви, нации, общества.

Максимов предлагает сообщество в духе при равной индивидуальной ответственности, при равных способностях к постижению истины, без вождя и пророка. При посредстве мысли и искусства, а не учителя.

Высоту Пастернака он полагает возможным раздать беспредельно вширь.

Искусство наших дней с подобной задачей — задачей человеческой, демократической, путеводной — требует особой эстетики. Требует нового определения литературы.

ЕВРЕЙСКИЙ ВОПРОС

Среди множества других трудноразрешимых вопросов существует у нас и пресловутый «еврейский вопрос». Скорей не вопрос, а ответ — еврейский ответ на другие, истинно существующие вопросы: кто виноват в экономических, политических, разведывательных провалах? в сложностях национальных взаимоотношений? в диспропорциях присвоения благ?

На это существует еврейский ответ.

О СОВРЕМЕННЫХ ХРИСТИАНАХ

Россия все еще не доросла до христианства. Современные наши христиане — «крещеные бундовцы» (иудеи), включая Солженицына.

У нас нет покаяния без обсирания. Кающийся современный интеллигент начинает и кончает свое покаяние не любовью и самоосуждением, а злобой и осуждением. Чтобы не быть ничтожным в своих собственных глазах, он обсирает прежде всего ненавистников власти — от народовольцев до красногвардейцев. Ненавидя власть, он вместе с тем оправдывает свое бездействие якобы историческим опытом.

Методами зла, дескать, не исправишь зла. Но исправишь ли его огульной злобой и твердым нежеланием понять психологию массы, ее интересы и взаимоотношения с властью?

О МЕТОДЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ

В сущности, у нас нет истинного метода исследования действительности. Истинным методом я называю такой, который на основании знания о настоящем дает знание о будущем.

У нас же нет и желания познать настоящее. Ни у «тех» — у власти, ни у «других» — у оппозиции. Ни те, ни другие по разным причинам не желают знать, что же происходит в фундаменте общества, в его почве, какие факты и идеи вырастают внутри и к чему приведет все это.

И «те», и «другие» живут в мире аналогий. «Те» — марксистскими схемами, выхолощенными и догматическими; «эти» — другими схемами, опрокидыванием в современность «Выбранных мест из переписки...», или «Бесов», или истории русского провокаторства, или русского насилия.

Все это — «ебля слепых в крапиве», как говаривал Твардовский.

«Те» оттого так боятся аналогий и «аллюзий», что сами живут аналогиями; «другие» так же хватаются за аналогии, ибо презирают знание, непредубежденный взгляд на действительность, свежее восприятие процесса.

Дети времени хотят выйти за рамки времени, не познав его уникальной природы, физической неповторимости и уникальности процесса, великой детерминированности происходящего.

Оттого так неверны выборы пути у «тех» и у «других», что выбираются они по аналогии, а не в живом мире явлений. И выбранные по аналогии, приложенные к миру явлений, они оказываются путями «никуда», в мир кафкианского абсурда. И у «тех», и у «других».

О СОВРЕМЕННОЙ ЦЕРКВИ

Сама потребность веры еще не создает верующих. Потребность осознаваемая, «духовная жажда», создает часто «неразборчивость» веры, ибо уровни этой потребности разные, соответственно уровню личности. Жажда требует удовлетворения, и тем скорей, чем слабее личность. Терпеть жажду умеют лишь сильные.

Средняя статистическая «духовной жажды» и выражается в среднем предмете веры. Жажда эта порождает чаще не людей религии, а людей церкви. По нашему времени это естественно, ибо исходит из сложившегося годами и уже поколениями мышления субординационно-коллективистского.

Слабые верой приходят к церкви, забыв, что в России церковь веками подрывала веру и немало сделала сама, чтобы народное возмездие постигло ее в начале нашего времени. Сейчас она исподволь возрождается. Приток людей веры несколько ее оживляет.

Невольная ошибка людей веры в том, что они, став людьми церкви, полагают, что стали верующими христианами. Божья благодать кажется им легко достижимой посредством помазания и причастия.

Если бы было так! Истинная религиозность, вера в бога даются с трудом, либо собственным глубоким прозрением в бога, либо принятой безропотно мукой, либо строем и направлением жизни, воспринятым с детства как данность, т.е. в конечном счете — той же выстраданностью, но исторической, семейно-традиционной.

Глубокое же прозрение — явление редчайшее. Оно порождает пророков и апостолов, т.е. не приводит к вере, а лишь вскрывает заложенное.

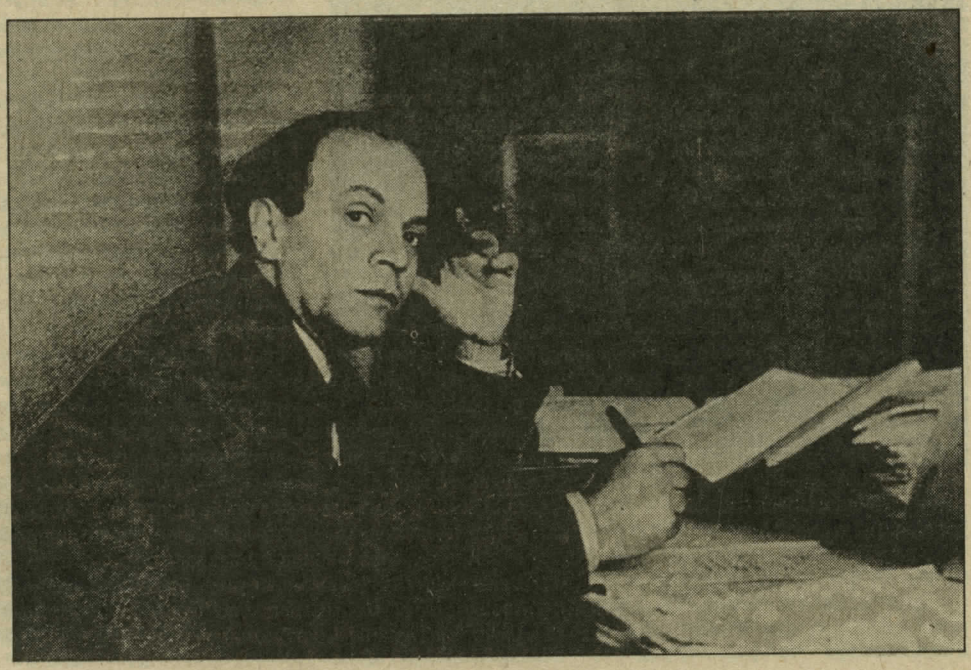
О ПРЕЗРЕНИИ К НАРОДУ ВЛАСТИ И ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

Ничто больше не сближает нашу правящую проходимскую элиту с нашей страждущей интеллектуальной эссенцией, чем презрение к народу.

Не знаю, достоин ли каждый народ своего правительства, но уж наша уксусная эссенция вполне достойна именно нашего правительства.

Ибо хамско-элитарный взгляд на народ вполне соответствует хамски-элитарному устройству власти.

Что, дескать, за народ, и кто он, и где он есть, если как бы вовсе и не существует, если можно с ним и так и эдак?



Взгляд элитарный и уксусный имеет свои посильные вариации и мелкие различия. В хамско-элитарном есть элементы подловатой сентиментальности. В эссенциальном — некая даже умственная беспощадность и разрыв с иллюзиями. Но вариации эти несущественные. Главный взгляд происходит от несложенности среды власти, не успевшей породить у нас аристократическое понятие, в том числе и аристократическое понятие о народе.

Российская среда власти с Петра I по наши дни менялась в своем составе раз шесть и все порывами, не успев или едва успев породить аристократию.

Успевало поспешно и жадно порождаться барство, как и сейчас поспешно и жадно порождается. Оттого у нас и высших демократических понятий нет, что нет аристократизма, т.е. встроенной в общество среды власти, успевшей не только обокрасть и обожраться, но и уже понять вред и безнравственность жратвы и воровства и почувствовать существование народа, свое отличие от него, свою благодарность к нему, выстроить свою концепцию нации и ее истории.

Бедный переходный период! Как подумаешь о нем, то внезапно спадает раздражение против уксусников, а только уксусная унылость охватывает душу.

О ЗАГРОБНОМ СУЩЕСТВОВАНИИ ДУХА

Я не верю в идею загробного страдания или блаженства в зависимости от земного греха или земной же нашей безгреховности. В этой идее есть что-то от коммерции.

Теряя телесную форму, дух не должен уничтожаться, но лишается воли и времени, т.е. коренных условий страдания и блаженства. Он существует как бы диффузно до того момента, пока родственный дух живущего, своей волей не собирает его к страданию или блаженству. В этом смысл культа предков — непревзойденного учения о бессмертии единичной души.

Дух усопшего не может быть судией духа в телесной форме, не может быть ему критерием, ибо лишен перед ним обязательств времени и воли. Наоборот, дух, телесно воплощенный, как бы верховодит бестелесным, отвечает за него и, как своему дитяти, старается принести блаженство, будучи нравственным духом.

«Я нравствен не для того, чтобы для себя обрести бессмертное блаженство. Я нравствен, чтобы блаженным стал ты — в благодарность тебе за то, что дал мне телесный облик, высшую форму всякого духа».

О ФАШИСТАХ

Фашист — это националист, презирающий культуру.

Поэтому Марцинкявичюс или Яан Кросс — просто люди, болеющие за свой народ, а Кожинов, написавший подлую статью об ОПОЯЗе, — фашист.

ОБ УДОВОЛЬСТВИИ

Удовольствие самое острое доставляет нам тщеславие или просто нечто физическое — еда, выпивка, женщины. Это удовольствие острей, чем интеллектуальные пиры. Но потом все становится на свои места. Низменные удовольствия отходят. Остается главное.

О СЫТОСТИ И НРАВСТВЕННОСТИ

Только неотъевшиеся нации боятся, что сытость и комфорт погубят их. Поскорей бы отъесться, отмыться, расселиться, чтобы перейти к духовным интересам!

Заблуждение о том, что сытость ведет к безнравственности, сытые поддерживают в голодных.

О ЕВРЕЯХ

Странные штуки выкидывает с нами чувство национальной принадлежности. С русско-татарско-финской

В.Лукин, Ю.Ким, Д.Самойлов

Д.Самойлов, М.Козаков, Ю.Абызов

национальностью, именуемой и ощущающей себя как русская нация. И с еврейской нацией, которая отличается от русской тем, что она мечта, а не факт исторического существования.

Русские есть разные по социальной принадлежности, по идеям, но русские едины по историческому происхождению и по подтексту культуры. Евреи разные по-другому.

Есть евреи русские, бухарские, грузинские, американские, французские. Были польские, немецкие, литовские — и еще евреи как таковые.

Думаю, что и этнический их состав разнороден. Но, главным образом, они разнородны по культурному подтексту.

В конце Х1Х — начале ХХ вв. начало распадаться единство украинско-польско-литовского еврейства, еврейства в черте оседлости, которая и была истинной границей еврейского государства или полугосударства, где несколько наций жили по-своему — коренные в деревне, пришельцы в местечке, в малом городе, который и был очагом культуры, веры и языка.

Единственная точно определимая черта еврейства — это тяга из местечка в столицу, с периферии на главную историческую арену. Такой тяги нет ни у одного малого народа. Историческое тщеславие евреев, видимо, питалось библейской традицией, притязания, в целом, принимались и христианским миром. Единство евреев держалось на вере. Как на вере держалось единство католических наций. Как только исчезла вселенско-иудейская религия, перестало существовать еврейское единство.

Современный русский еврей — не нация, а составная часть русской нации, чем-то похожая на индийскую касту или на социальную прослойку.

Современный русский еврей — это Пастернак, Мандельштам, Юлий Даниэль или Александр Гинзбург.

Откуда же пресловутая и кажущаяся антипатриотической тяга в Израиль?

Да это всего лишь исконная, российская тяга на Запад, в мир кажущейся свободы. Это исконное русское увлечение Западом и преклонение перед ним.

Конечно, в лучших образцах отъезжающих. Остальные — мещанство — едут в поисках лучшей жизни, как русские в Магадан — подшибить деньгу. И не о них речь.

Отъезжающие — может быть, самая возбудимая и легковерная часть еврейской касты. Кто помудрей, больше дорожит своей Индией, чем возможностью высказать все о ней и даже издали вносить свой вклад в ее свободу.

Тягость разлуки глубоко испытал Иосиф Бродский, самая большая потеря среди всех отъехавших.

О ПОКОЛЕНИЯХ СОВЕТСКОЙ ПОЭЗИИ

Странная у нас периодизация поэзии. Не по возрастам, а по территориальной принадлежности.

К первому поколению советских поэтов причисляют тех, кто жил или, на худой конец, умер (как Цветаева) на территории Советского Союза.

Можно ли считать первым поколением советских поэтов Блока, Брюсова, Пастернака, Ахматову, Цветаеву, Мандельштама, Есенина, Хлебникова, даже Маяковского — гениев, родившихся в конце прошлого века и уже вступивших на стезю поэзии до 17-го года?

Они формировались иным временем и по-своему про-

живали наши времена, с трудом их выдерживая, не умея сдержать и погибая от нашего времени, как Есенин, Маяковский, Цветаева, Мандельштам.

Твердые гении, впрочем, дожили до старости — Ахматова, Пастернак. Доказав, что не счастье прочно, а характер. Счастливый Пастернак и несчастливая Ахматова; нетрадиционный Пастернак и традиционная Ахматова; Пастернак приемлющий и Ахматова неприемлющая; Пастернак сперва нетвердый, а потом твердый, Ахматова сперва твердая, а потом — нетвердая перед славой; Пастернак, вкусивший сперва, Ахматова, вкусившая потом; Пастернак — первых иллюзий, Ахматова — последних; Пастернак, счастливый сперва, Ахматова — потом; Пастернак страдающий, Ахматова сострадающая; Пастернак неконтактный, Ахматова общительная — это два характера, принадлежавшие не территории, а времени. И времени, скорей, не нашему, а предыдущему.

Наше время долго рожало свою поэзию. Первое пополнение — это Тихонов, Сельвинский, Заболоцкий; второе — Твардовский, Павел Васильев, Б.Корнилов, Тарковский, Кирсанов, Липкин, Петровых, Симонов — и вся Алигер. И, конечно, Смеляков. Изломанное, несчастное, полуубитое поколение.

Третье — наше. Неполучившееся военное поколение. Луконин, Наровчатов, Слуцкий. Убитые на войне: Кульчицкий, Коган, Майоров.

Особо — Глазков.

Сюда же — Гудзенко, Межиров, Окуджава, Винокуров, Коржавин.

Четвертое — Евтушенко, Ахмадулина, В. Корнилов, Мориц, Вознесенский и иже с ними.

Особо — Бродский. Самый большой поэт четвертого поколения. И такое же отрицание поколения, как у Глазкова своего и как, может (подумать!), Тарковского — Петровых — своего.

Пятое приходит еще дольше и мучительней.

Пока это только Ефремов.

Есть еще полупоколение, которое следа не оставит: Куняев," кляревский и им подобные.

О ТВАРДОВСКОМ

Как ни странно, Твардовский великий поэт только потому, что написал «Теркина». Удивительно, что сам он долго не понимал смысла «Теркина», а может, до конца и не понял.

Твардовский написал последнюю русскую былину. Изобразил последнего крестьянского богатыря и тем самым приобщился к последнему акту великой крестьянской трагедии, так мощно завершившейся последней войной.

История нашла потрясающий финал для трагедии многих веков, трагедии, которая могла бы угаснуть в бытовых комплексах Новых Черемушек, чеховским угасанием питая литературу, которая до сих пор не осознала размаха и значения произошедшей неминуемой трагедии.

«Новый мир», т.е. его проза, осознанно или неосознанно, был для Твардовского продолжением «Теркина», его темы.

Поэтическая эпопея дописывалась прозой. В этом смысл существования «Нового мира», гораздо более важный смысл, чем либеральная публицистика и эстетика этого журнала.

«Новый мир» дописывал «Теркина», может быть, более остро, но никогда так обобщенно, нутряно и всенародно.

ОБ ОТВЕТСТВЕННОСТИ НАЦИИ

Вопрос об ответственности нации или поколения за участие в историческом деянии или даже за присутствие при нем — одна из самых древних и до наших дней не решенных нравственных проблем человечества.

Решался этот вопрос обычно, исходя из политики, волей победителя, его властью, предписывающей либо избиение младенцев, либо милость к побежденным.

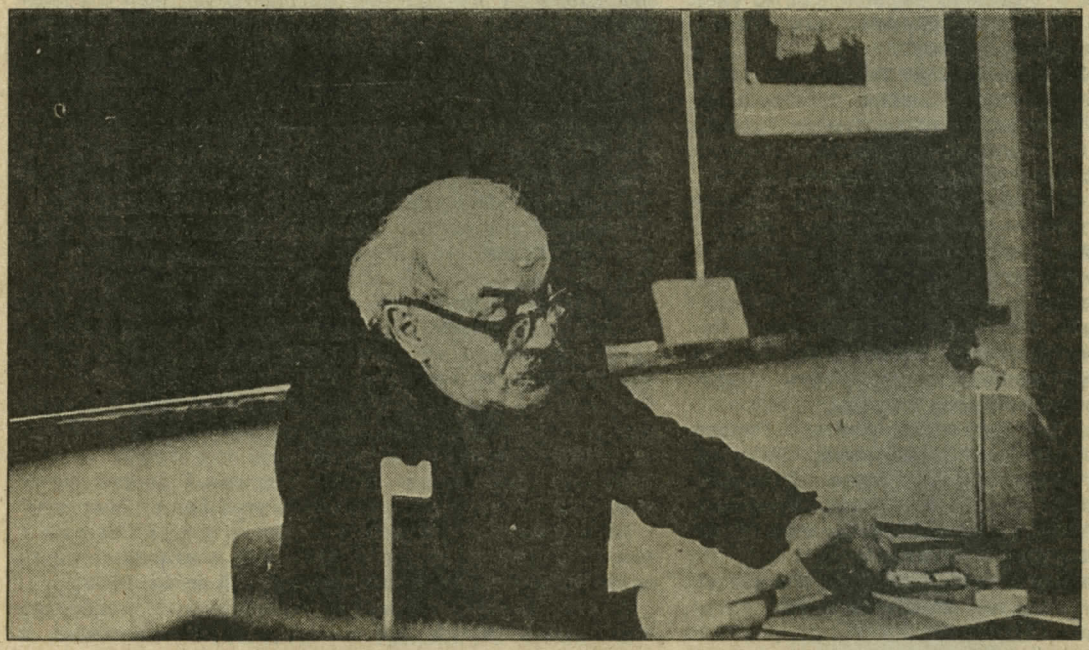
Вопрос о нравственной ответственности победителей обычно не ставился. И проблема нравственных последствий победы как исторического деяния предстает еще более запутанной.

Между тем и победа, и поражение являются результатом участия нации в историческом деянии, во всех видах его психологической и материальной подготовки.

Лозунг «убей немца» решал старинный вопрос методом царя Ирода. И все годы войны не вызывал сомнения.

Разъяснение 17 апреля и особенно слова Сталина о том, что Гитлеры уходят и приходят, а немецкий народ остается, как бы отменяли предыдущий ясный взгляд.

Армия, однако, понимала политическую подоплеку этих высказываний. Ее эмоциональное состояние и нравственное понятие не могли принять помилование и



амнистию народу, который принес столько несчастий России.

Уже после 17-го трибуналы продолжали судить солдат и офицеров, заподозренных в «буржуазном гуманизме» по отношению к побежденным.

Об этом можно будет прочитать в мемуарах Копелева.

Итак, все же разрешили ли вопрос об ответственности нации или поколения перед историей?

Я думаю, что вопрос этот надо решать с других несколько позиций, сравнив прежде всего на почве нравственной ответственности победителей и побежденных.

Если мы принимаем ответственность за 37-й год и за сталинизм, то и немцы должны принять ответственность за гитлеризм.

Официальная точка зрения, да и большинство нашего общества, не принимает этой ответственности и, не принимая, в разной степени оправдывает сталинизм.

В этом выражается низкая нравственная подготовка нашей власти и приемлющего ее общества.

Неприятие ответственности, как это ни парадоксально, означает оправдание зла или, что то же, самооправдание себя во зле.

Вероятно, такими были в большинстве немцы 1945 года.

Для принятия исторической ответственности нужно нравственно развитое **ответственное общество.**

Речь должна идти не об ответственности нации или поколения, а об ответственных нациях или поколениях.

Историческая ответственность не возлагается, а принимается.

В 1945 году обе нации — победившая и побежденная — решительно были не подготовлены к ответственности. И это можно понять. Действовали психологические синдромы победы и поражения, искажавшие многие нормальные нравственные представления. В острые моменты истории редко кому удается не заболеть болезнью победы или поражения. И я думаю, инфекции не подвержены отнюдь не самые лучшие люди.

Легко не заболеть холерой, не входя в холерный барак. Не болели холерой, не переболели ею лишь те, кто не соприкасались с холерой.

При всей абсолютности десяти заповедей, для каждой из них существуют свои времена.

И ответственность за войну существует только в Германии Белля, как ответственность за поражение и победу 1812 года воссуществовала 14 декабря 1825 года — на Сенатской площади.

А преступников надо судить. И Нюрнбергский суд был первым судом над политиками.

Прижизненный суд над политиками — важный момент воспитания правового сознания народов.

ЕЩЕ О ЧЕСТНОМ РАСТИНЬЯКЕ

Уже в письме к Слуцкому я выражал сомнение в возможности существования честного Растиньяка.

Идеализм советского чиновника окончился вместе со Сталиным. При Сталине была «идея» и страх божий. С ним это окончилось.

Бек блестяще описал жертвенный идеализм сталинского чиновника, с его аскетизмом, внутренней выхолощенностью, самоотверженностью и готовностью на подвиг, с его глубокой зависимостью от центральной «идеи» и т.д.

Чиновник наших времен совсем иных кровей.

Он хочет сталинизма без Сталина.

Он самостоятелен, корыстен, жизнелюбив, враг аскетизма, циничен, не верит ни во что и это свое неверие, прагматизм и деловитость почитает главными своими достоинствами.

КАДРЫ РУССКОГО АБСОЛЮТИЗМА

В Европе абсолютизм выработал традиционную систему кадров — королей-профессионалов. Наполеон нару-

шил этот порядок, но ненадолго. Русский абсолютизм, самый стойкий, был наиболее богат проходимцами. Екатерина I, Бирон, Екатерина II, потом век законных царей. И дальше, в XX в. — один за другим — случайные диктаторы без традиций.

О ЗНАНИИ И СОЗНАНИИ

Мистико-интуитивистская философия утверждает, что новорожденное дитя **знает** гораздо больше, чем мы предполагаем. Мистико-позитивизм утверждает то же самое, называя **знание** заложенной в нас информацией.

В сфере нравственности знание не имеет цены без **сознания**. Любой пехотный солдат знает о войне не меньше, чем Виктор Некрасов. Важно, как он осознает это знание, к каким нравственным высотам это его приводит.

Критик Дымшиц много знает о немецкой литературе. Его знание не является нравственным сознанием.

Дерево **знает**, куда тянуть ветки и куда пустить корни. Человек знает свою единственность. Сверхчеловек — это знание о себе без сознания.

Со-знание — это со-измерение, знание связей. «Со» означает присоединение к знанию чего-то иного, необходимость этого присоединения. «Со» — это со-имение, т.е. семья; со-поставление, т.е. поставление себя в ряд, со-юз — т.е. взаимное распределение обуз; со-противление — т.е. совместное противление. И дальнейшее — со-поставление, со-ображение, со-отношение, со-прикосновение всегда означает учет объекта, учет «другого».

Только из этого учета рождаются нравственные понятия, нравственные оценки. А это и есть **сознание.**

Сознание не заложено в нас и является высшим результатом и достижением познания действительности, т.е. результатом активного процесса, рядом с которым меркнет значение пассивного знания, заложенного в дитяти.

ОБ ОТЪЕЗДАХ

В России особое отношение к отъездам, потому что — с глаз долой — из сердца вон.

Уехавшие очень хотят остаться в сердце, да не удается (Якобсон).

Двоих только не удалось из сердца вынуть — князя Курбского и Герцена. Обоим удалось затеять с русской властью спор, полемику. Всех других власть не удостоила полемики, потому что разбередить власть, пробудить в ней совесть и желание спорить может только личность выдающейся силы, личность, которую нельзя упрекнуть в самоспасении.

Современное общество еще не выработало нравственной квалификации для отъезда. А нравственное отношение к этому — один из необходимых элементов современной жизни.

Задержка в решении этого вопроса понятна. Очень трудно разобраться в чувствах необычных. Отъезд — явление недавнее, многое в нем спутано и переплетено. Спутано стремление к свободе с «выбыванием из игры», с самоспасением.

Спутаны, во-первых, разные мотивы и категории отъездов. Происходит как будто нечто нелогичное и странное. Одной из наций России разрешено покинуть родину и отправиться на прародину. Почему бы тогда не разрешить немцам, живущим в России с времен Екатерины, отправиться в Германию? Или калмыкам разрешить откочевать в степи Монголии? Или татарам разрешить возвратиться в Крым?

Логики здесь нет. Одна из наций поставлена в особое положение. Ей разрешено то, что запрещено другим. Почему, спрашивается?

Да потому, что у нас всегда совершается не по логике, а по чувству. И чувства власти здесь разнородны. Власть, чувствуя неприязнь к евреям, вместо того, чтобы сохранить их как извечного козла отпущения, чувствует еще более явно, что евреи не обычная нация, а скорее социальный элемент общества, от которого лучше всего избавиться. То, что евреи не сеют, не пашут, а являются сильным и динамичным отрядом интеллигенции, то, что интеллигенция сращена с евреями, то, что евреи не нация, а каста, — вот что побуждает власть избавиться от них, вот что является важным в оценке отъездов.

Отъезжают националисты — и бог с ними. Хотя я не верю в существование русского сионизма. Националисты — ущемленная часть народности, чьи амбиции превышают возможности. Еврею, как и интеллигенту, всегда путь труден. Убоявшиеся трудности пути или неспособные трудности преодолеть — и есть националисты. Националисты — слабая, самоспасающаяся часть общества, однако наиболее откровенная и понятная.

Те, кто хочет спасать шкуру, называя себя патриотами Израиля, — бог с ними. Извечное наше представление о загранице как о земле обетованной владеет самыми посредственными кругами интеллигенции, спецами, считающими, что им недоплачено, или общественными мещанами, жаждущими хорошей жизни.

Таких среди евреев и среди русских можно найти сколько угодно.

Отпусти русских — и они поедут в любой западный Израиль продавать свое умение программировать или логарифмировать, или говорить на санскритском языке.

Дело, конечно, не в номинальных национальностях. Дело в интеллигентской элите, которая покидает Россию из идейных соображений.

Публикация Г.Медведевой

■

МЕДИЦИНСКИЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЦЕНТР «ФЛАМИНГО»

ИНТЕНСИВНОЕ обучение на факультете повышения квалификации и специализации врачей на следующих циклах:
— психотерапия неврозов, соматогений, табакокурения, алкоголизма
— психотерапия в детской психиатрии
— логопедия — специальные методы лечения заикания
— сексопатология — комплексная подготовка врачей-сексопатологов
—иглорефлексотерапия с методами специальной акупунктуры
— мануальная терапия
— биоэнергетика (экстрасенсорика) в медицине
— практическая косметология
— тепловедение в медицине (приобретение тепловизоров, пусконаладка и обучение персонала).
ЗАНЯТИЯ ПРОВОДЯТ высококвалифицированные специалисты с большим опытом работы. Только практический подход! Слушатели изучают оригинальные авторские методики, гипнотерапию, наркопсихотерапию, аутогенную тренировку, кодирование по А.Р.Довженко, семейную психотерапию и др.
ЦЕНТР ОБЕСПЕЧИВАЕТ: проживание слушателей, горячее питание.

Адрес: 107258, Москва, б-р Рокоссовского, 35. Телефон: 169-49-00.

Имя Людмилы Улицкой пока еще не на слуху. Один рассказ в «Огоньке» (1989, № 52) и три в «Крестьянке» (1989, № 2, 1990, №3) — вот и все, что у нас опубликовано, если не считать двух тонких детских книжек. Между тем «Континенту» и «Русской мысли» это имя хорошо знакомо, как, впрочем, и зарубежным издателям, которые охотно включают ее рассказы в выпускаемые ими сборники. А во французском издательстве «Галлимар» уже готова к выходу отдельная книга писательницы. В кино ей повезло больше. По сценариям Улицкой сняты несколько мультфильмов и «Сестрички Либерти» Владимира Грамматикова.
С Людмилой Улицкой беседует наш корреспондент Екатерина ГУЩИНА.

Людмила УЛИЦКАЯ:

«Я ПИШУ В ШКАФ»

— Я знаю, что по образованию вы — биолог, но по специальности почти не работали...

— Да, я — генетик. И у меня жизнь сначала складывалась очень хорошо: я закончила Московский университет, потом была стажировка в Институте общей генетики, аспирантура... Но в году 68—69-м моими друзьями заинтересовался КГБ. У меня изъяли пишущую машинку и чужую рукопись. Это была достаточно неприятная история, которая кончилась в некотором смысле счастливым образом, потому что «дело» на нас не открыли, только с работы выгнали. После этого много лет не работала: тогда у меня умерла мама, потом родились дети... Но бесконечно так жить нельзя, надо было куда-то устраиваться. Биология к тому времени от меня уже ушла, как старая карточная партия: вот ты сидишь, играешь, потом отошел от стола поговорить по телефону — возвращаешься, а войти в игру не можешь. Поэтому, когда режиссер Еврейского камерного театра Юрий Шерлинг предложил мне стать у него заведующей литчастью, я согласилась. И работала там до тех пор, пока тема для меня не была исчерпана.

— Значит, в театре Шерлинга вы оказались только потому, что другой работы не было?

— При всей своей случайности эта работа нашла меня все-таки неслучайным образом... У меня был прадед: маленький кроткий человек, который ходил по комнате, завернувшись в молитвенное покрывало — талес, а я сидела под столом и ловила его за кисточки. Он молился и читал Тору. Такое ощущение, что позади, за моей спиной, стоят евреи из Польши, Германии, Испании. Мне очень многие места в мире кажутся кровно родными. Может, это оттого, что могилы евреев раскиданы по всей Европе, по всему Средиземноморью.

— А вы сами пробовали писать «еврейские рассказы»?

— Я написала цикл рассказов о евреях «Бедные родственники». Есть пьеса «Мой внук Вениамин», которая идет в Кирове. Там могучая еврейская старуха хочет женить своего сына на настоящей еврейской девушке. И женит... на бывшей детдомовке, удочеренной еврейской семьей. В общем, история трагикомическая, но важная для меня. Что же касается самой еврейской темы, то сейчас она не занимает меня вообще, мне про это все ясно: и про еврейство, и про антисемитизм. Я сегодня гораздо больше интересуюсь другими вещами: всякими незначительными людьми, сумасшедшими, «второсортными», т.е. свое-

образной «провинцией» жизни.

— Об этой «провинции жизни» пишут сейчас многие. Не боитесь ли вы, что вас будут называть, например, второй Татьяной Толстой, а не первой Людмилой Улицкой?

— Нет. Мне не страшно попадать в уже «отработанный» материал, когда такой сюжет, как у меня, кем-то использован. Потому что если скажут, что, предположим, рассказ о двух нищих уже написан до меня, то это не имеет отношения к моим двум нищим. Вообще про все в мире уже написано и не по одному разу.

— Пишете вы давно, а печататься начали лишь в последнее время и то мало. Почему?

— Для меня главное — написать... и положить в шкаф. Написанное меня больше не волнует. Я не могу ходить, добиваться публикации. Не потому, что я такая ленивая, просто это мне уже не интересно.

— Получается, что вы заранее пишете «в шкаф»?

— В общем-то да. Я пишу не для человечества, а для своих друзей. Публикация для меня — дело случая. Так, в свое время в издательстве детской литературы должен был выйти мой сборник рассказов. Но потом там посчитали, что книга слишком «взрослая».

— Рано или поздно у писателей, которых охотно публикуют за рубежом и неохотно — на родине, появляется желание бросить все и уехать из этой страны...

— Мне, вне всякого сомнения, всегда будет интереснее жить здесь. Это не значит, что я не смогла бы найти свою «нишу» на Западе, но мои корни все-таки здесь. Хотя, поскольку я с большой готовностью отношусь к судьбе, могу представить, что жизнь развернется таким образом, что иного выхода, кроме отъезда, не будет. Тогда я уеду. Но я не знаю, хватит ли у меня силы заново родиться для той жизни. Ведь для того, чтобы взрослому, сложившемуся человеку выжить в тех необычных для него условиях, необходимо поменять себя целиком. Я не могу сказать, чтобы мне этого очень хотелось.

Сегодня мы — чума для мира. Приезжают огромные толпы эмигрантов (не обязательно евреев, у нас нет национальности, мы все — советские, это гораздо более важный признак, чем «пятый» пункт. И общество «Память» совершенно напрасно беснуется, мы все, к сожалению, стали одинаковые. Различия сохранились тончайшие, на том уровне, который «Память» своими грубыми механизмами даже не может проанализировать). Так вот, приезжают советские и стараются обмануть на каждом шагу∅ американцы, воспитанные в уверенности, что закон — это святое, диву даются, они не могут понять, что это за порода людей. Но Америка — сильное государство, и дети сегодняшних эмигрантов, наверное, вырастут другими, воспитанными в идее, что не надо делать другому того, чего не хочешь себе.

— Но мы с вами живем здесь, и живется нам все хуже и хуже...

— Я вовсе не оптимистично настроена относительно будущего нашей страны, полагаю, что нам предстоят очень тяжелые годы, когда мы будем ходить друг к другу в гости и приносить с собой две морковки. Но тот факт, что у нас, скажем, напечатан Бердяев, который на самом деле мало кому нужен, ибо все, кто хотел, прочли его раньше, когда брали книгу на одну ночь, имеет огромное мистическое значение. Какие-то добрые всходы от этого должны быть.

Наработанные в России огромные культурные ценности возвращаются и, может быть, приживутся. Тогда страна научится свободе, этому особому внутреннему состоянию человека, когда у него исчезает страх, когда он несет ответственность за свои поступки, когда исчезает ад толпы, кошмар, наваждение общего мнения.

Культура, во-первых, медлительна, а во-вторых, она рассчитана на избранного потребителя. Культура не может изменить мир, его меняет что-то другое. Ведь те, кто имеет отношение к творчеству, работают, в первую очередь, из внутренней потребности. К тому же культура связана со свободой, и она — для свободных людей...

Я прекрасно понимаю человека, которому нужен кусок колбасы. Мы все должны кормить свои семьи. Но дело в том, что возмущение и негодование по поводу такого страшного падения жизненного уровня бессмысленно, потому что НАМ НИКТО НИЧЕГО НЕ ДОЛЖЕН. Мы все должны сами себе. Человек же, который больше всех гневается, как правило, готов вырвать этот несчастный кусок колбасы из глотки другого и, собственно говоря, недостоин никакого куска...

Не так давно мне в руки попали бумаги члена Государственной думы от кадетской партии Винавера. Они меня поразили: страной правили другие люди, тема государственного блага была для них основной. Эти люди — патриоты в незнакомом для нас смысле. Сейчас это слово звучит почти неприлично, в нем есть некий подтекст, который нас сразу отбрасывает к обществу «Память».

Читая эти записки, я подумала: как легко быть патриотом, когда понимаешь, что ситуация взаимна — человек любит свое государство потому, что оно любит гражданина. У гражданина есть чувство защищенности.

О каком чувстве защищенности советского человека можно говорить, когда единственной страной, которая не допускала посылки Красного Креста в концлагеря, была наша страна? Я уж не говорю о внутренних ситуациях, таких, как тайный указ 1946 года об инвалидах. Да, они ходили по вагонам, собирали свои рубли, покупали на них бутылку водки и потом пьяными валялись на улице. Но за это их собрали и отправили в специальные лагеря. Государство отторгло от себя своих стариков, своих защитников.

Всю жизнь от нас требовали патриотизма. Но нам даже в голову не приходило, что патриотизм — это процесс отношений гражданина и государства. И государство, которое ТАК относится к своим гражданам, других, естественно, иметь не будет. И поэтому я уповаю только на моисеевы 40 лет, на то, что та пустыня, в которой мы будем существовать долгие годы, может быть, даст возможность развиться новому поколению. ■

Людмила УЛИЦКАЯ

Перловый суп

Почему ранняя память зацепилась трижды за этот самый перловый суп? Он был действительно жемчужно-серый, с розоватым, в сторону моркови, переливом и дополнительным перламутровым мерцанием круглой сахарной косточки, полузатопленной в кастрюле.

Вечером, после запоздалого обеда мама перелила часть супа в помятый солдатский котелок и дала его мне в руки. Я спускалась по лестнице со второго этажа одна, а мама стояла в дверях квартиры и ждала. Эта картина осталась у меня почему-то в этом странном ракурсе, сверху и чуть сбоку: по лестнице осторожно спускается девочка лет четырех в темно-синем фланелевом платье с клетчатым воротничком, в белом фартучке с вышитой на груди кошкой — в одежде, соответствующей дореволюционным идеалам моей бабушки, полагающей, что фартук именно потому должен быть белым, что на темном грязь плохо видна, — коротенькая толстая косичка неудобно утыкается сзади в шею, но поправить невозможно, потому что в одной руке теплый котелок с супом, а другой я держусь за чугунные стойки перил.

Туфли на пуговицах немного скользят по стертым ступеням, и потому я иду младенческими приставными шагами, с большой опаской.

Я спускаюсь на марш, поворачиваюсь, вижу маму, которая терпеливо ждет меня в дверях и улыбается своей чудесной улыбкой, от которой красота ее немного портится.

Я вздыхаю и продолжаю спуск. Внизу, под лестницей, в каморе, живет пара нищих, костлявый носатый Иван Семенович и маленькая старушка по прозвищу Беретка. Я их боюсь и брезгаю, но мама, как мне кажется, об этом знать не должна.

Под лестницей нет электричества, иногда у них горит керосиновая лампа, иногда совсем темно. Обыкновенно Иван Семенович лежит на какой-то лежанке, покрытый тряпьем, а Беретка, в вытертом бархатном пальто и серо-зеленой вязаной беретке, сидит у него в ногах.

Я стучу. Никто не отзывается. Спиной я открываю дверь. Керосиновая лампа выдает мне Беретку, которую без головного убора я сначала не узнаю. Оказывается, что она лысая, вернее, не совсем лысая: и лицо, и голова ее покрыты одинаковыми редкими длинными волосами и крупными коричневыми родинками. Она жалко улыбается и суетливо натягивает на лысую голову берет:

— Ой, детка, это ты, а я и не слышу...

Я отдаю ей котелок, из кармана фартука вынимаю два куска хлеба и говорю почему-то «Спасибо».

Беретка переливает суп из котелка в банку и бормочет что-то неразборчивое, похоже на «мыло, мыло».

Сухой грязной рукой возвращает мне котелок. Старик кашляет. Беретка кричит ему:

— Иван Семенович! Вам покушать прислали, вставайте!

Пахнет у них ужасно.

С облегчением бегу я вверх по лестнице, мама стоит на свету, в дверном проеме и улыбается мне. Она в белом фартуке, даже с кружевной ленточкой на груди. Мама красивая, как принцесса. Одно только смущает: кажется, у принцесс белокурые волосы, а у мамы веселые черные кудряшки, подхваченные сзади двумя заколками...

Нищие исчезли незадолго до праздника, который я запомнила очень хорошо. Отец вел меня за руку по нарядному городу, и повсюду были выставлены косые красные кресты. Я начинала тогда разбирать буквы и спросила у отца, почему всюду написано «ХА-ХА-ХА...». Он раздраженно дернул меня за руку, а потом объяснил, что эти косые кресты означают еще цифру тридцать.

Вечером того же дня, уже лежа в постели, я слышала, как мама говорит отцу:

— Нет, не понимаю, отказываюсь понимать, кому они мешали...

— Город к празднику почистили... — объяснил ей отец.

* * *

Во второй истории перловый суп не был главным действующим лицом, а лишь скромно мелькнул на заднем плане.

Воскресным утром в дверь позвонили. Один раз, а потом еще один. Дверь в нашу комнату была первой по коридору. Один звонок был общий, два — к нам, три — к Цветковым... восемь — к Кошкиным.

— Вероятно, это общий, — пробормотала мама. Коленями она стояла на стуле, а локтями упиралась в стол. Таблицы с синими, красными и взятыми в кружок цифрами лежали перед ней. Две мелкие морщины образовывали между бровей деревце, когда она работала.

Она спрыгнула со стула и, все еще неся напряжение мысли на круглом умном лобике, пошла открывать.

Огромная темная женщина стояла в дверном проеме. На ней был длинный военный плащ до полу, ярко белел пробор на круглой толстой голове.

Мама смотрела на нее выжидающе, и тетка не обманула ожидания: она распахнула плащ и предъявила огромное голое тело. У меня дыхание перехватило от этого зрелища: грудь низко свисала и оканчивалась большими, чуть не с чайное блюдце сосками, пупок был размером с чашку, выпуклый и тоже темный, глубокий неровный шов шел поперек живота, над треугольной бородкой вытертых волос, и все вместе это было каким-то страшным великанским лицом, а не женским телом.

— Погорельцы мы! Все-все погорело... как есть... — сказала женщина немосковским мягким голосом и запахнула ужасный лик своего тела.

— Ой, да вы заходите, заходите, — пригласила мама, и женщина, озираясь, вошла.

Прихожая нашей многосемейной квартиры была заставлена сундуками, корытами, дровами и шкафами.

— Я сейчас, сейчас, — заторопилась вдруг мама. — Да вы сядьте, — и мама сняла ящик с венского стула, который был втиснут между Цветковским сундуком и Тищенковской этажеркой.

Мама кинулась в комнату, вытянула нижний ящик шкафа, села перед ним и стала выбирать из старого белья подходящее для погорелицы. Две длинноногие пары дедовых кальсон бросила она на пол и побежала на кухню. Разожгла примус, поставила на него кастрюлю и снова метнулась в комнату.

Женщина сидела на стуле и все разглядывала рогатую вешалку Кудриных, на которой висели ватник и шинель.

А мама выбросила все с полок шкафа и быстрыми пальчиками перебирала свои тряпки. Мама была маленького роста, и все ее вещи были маленькие, но она нашла то, что искала, — бабушкину коверкотовую юбку и старинную огромную рубаху из пожелтевшего батиста.

И снова мама побежала на кухню, а я понеслась за ней, потому что боялась остаться наедине с тем великаном, что был спрятан у тетки под плащом.

Сосед Цветков высунулся в коридор.

— Погорельцы вот, — сказала ему мама виноватым голосом, но он быстро захлопнул свою дверь.

Мама налила большую миску переливчатого перлового супа, отрезала кусок серого хлеба и вынесла погорелице.

— Вот покушайте пока, — попросила мама тетку, и тетка приняла миску.

— Ой, да так неудобно, — всполошилась мама и притащила газету. Постелила ее на покрытый сине-красным ковром Цветковский сундук, усадила женщину как бы к столу.

— Дай тебе Бог здоровья, — сказала женщина и принялась за суп. А я наблюдала сквозь щель неплотно прикрытой двери, как лениво она ест перловый суп, бросая в него кусочки хлеба, скушно водя ложкой в миске и посматривая по сторонам.

Зубов у нее не было.

— Видно, и зубы сгорели, — подумала я. И еще, — она тоже не любит перловый суп.

А мама засовывала в узел шелковое трико лососинового цвета с луковыми заплатами и говорила тихонько не то мне, не то самой себе: .

— Господи, ну надо же такое, чтоб прямо голой, на улицу...

А женщина доела суп, поставила миску на пол... встала, распахнула плащ... глаз я не могла отвести от ее странных тихих движений.

Наконец, мама выволокла узел в коридор:

— Вот. Собрала... Да вы оденьтесь, оденьтесь. У нас ванная комната есть, — предложила мама,

Но женщина отклонила предложение:

— Детки меня ждут... Мне бы деньжонок сколько-нибудь... А мама уже вынимала сложенную в четыре раза тридцатку.

— Спасибо, век вашу доброту не забуду, — поблагодарила женщина скороговоркой, и мама закрыла за ней дверь. Потом, собирая с полу разбросанные вещи, мама говорила мне в некотором недоумении:

— А штаны сразу могла бы надеть, правда?

Я не сразу ответила, потому что мне кое-что надо было обдумать и понять.

— Штаны холодные, — сообразила я наконец, — а ковер теплый.

Было солнечно и снежно, с детьми в такую погоду полагалось гулять.

— Может, погуляешь сама под окошечком? — извиняющимся голосом предложила мама, кося на свои таблицы.

Я согласилась великодушно. Мама бросила в меня ворохом шерстяной одежды — кофтами, рейтузами, варежками и носочками. Меня снарядили, подвязали поясом желтую плюшевую шубу, сшитую бабушкой из старого покрывала, желтую шапку из того же самого покрывала, застегнули под подбородком, дали лопату и синее ведрецо и вывели на лестницу... Прямо перед нашей дверью лежала разворошенная куча маминых вещей. И бедные отвергнутые трико лежали сверху.

— Ой, что же это... — пролепетала моя маленькая мамочка.

— Я же тебе говорю, штаны-то холодные, а ковер теплый... — все пыталась я объяснить маме положение вещей.

— Да какой ковер? — наконец услышала меня мама.

— Тот, что на сундуке лежал... Она его на себя надела, — объяснила я несмышленой маме.

И тогда мама вдруг всплеснула руками и захохотала:

— Ой, что же я наделала! Ну, Цветкова меня убьет!..

* * *

Моя мама была биохимиком, и любовь ее к восхитительно-стеклянной науке происходила, вероятно, из того же милого женского корня, откуда произрастает любовь к стряпне. Как мне нравилось в детстве бывать в маминой лаборатории, разглядывать на высоких столах штабеля пробирок с разноцветными растворами, стройные, с птичьими носами бюретки, толстые темные бутыли. И как же ловко мама управлялась со всем этим сверкающим стеклом... Готовила мама тоже преотлично. И соуса, и пироги, и кремы... Дался же мне этот перловый суп! Не так уж часто мама его варила. Но в тот день был как раз перловый...

С колючим шарфом на шее я сидела в кухне, на маленькой скамеечке и смотрела, как мама что-то химичит. Еще две соседки копошились у своих столов, мелко гремели посудой и звякали ножами.

И тут в кухню вошла Надежда Ивановна. Странная была старуха, вся в разноцветных заплатах. И на одном глазу, тоже вроде неуместной заплаты, сидело бельмо. Молча потянула она маму за рукав, и мама, бросив морковку и вытирая на ходу руки, мелкой своей походочкой пошла за ней, встревоженно спрашивая:

— Что? Что? С Ниной?

Нина была дочь Надежды Ивановны, взрослая девушка, тяжелая сердечница с ракушечными голубыми ногтями и синими губами, плохо закрашенными красной помадой.

Я было двинулась за мамой, но она почти грубо махнула мне рукой:

— Сиди здесь.

И я осталась сидеть, обиженно перебирая кисточки кусачего шарфа. Соседки, на минуту оторвавшись от хозяйства, снова застучали и загремели. Потом одна ушла со стопкой чистых тарелок, а вторая пошла отвечать по телефону, который был привинчен к стене в другом конце коридора.

Я сидела довольно долго, успела сплести все кисточки в одну перепутанную косичку.

А потом мама и Надежда Ивановна вернулись. Что-то переменилось. Они шли медленно. Мама, взявши соседку за плечи, усадила ее на табурет. Лицо Надежды Ивановны было неподвижное, белое, казалось, что у нее не одно бельмо, а два. В руке она держала картонный футляр от градусника. Мама ей тихо говорила:

— Мы сейчас валерьянки... валерьяночки... Надежда Ивановна...

— А если «скорую», так ведь увезут... — не меняя неподвижного лица, говорила соседка. И совсем невпопад, — а я думаю, спит-то как спокойно...

— Сейчас, сейчас... Позвоним... все сделаем, Надежда Ивановна, — торопливо говорила мама, громко капая в рюмку. А соседка в коридоре кричала в телефон:

— Это тебе не отдел снабжения, Шура, ты имей в виду... Пусть заявку пишет, от меня не дождетесь!

Надежда Ивановна отвела мамину руку с протянутой рюмочкой и с лицом как будто вдруг проснувшимся сказала маме:

— Марина Борисовна, налей-ка ты мне тарелку супчику...

Мама заметалась, вытащила из-под меня скамеечку, потому что красивые тарелки стояли на верхней полке и она до них не доставала. Налила в белую фаянсовую тарелку с выпуклыми квадратиками по краю серебристого и переливчатого перлового супу, поставила тарелку на край кухонного стола. Вытерла серебряную ложку с тонким черенком свежим полотенцем и подала соседке.

— И ты поешь со мной, Марина Борисовна, — попросила Надежда Ивановна, и мама протерла еще одну ложку и, придвинув вторую табуретку, села рядом с одноглазой старухой и запустила ложку в ту же самую тарелку.

Мне очень хотелось сказать этой старухе, что мамочка моя никакая ни Марина, что ее зовут Мириам, но сказать я не могла ничего, — потому что они ели из одной тарелки, и слезы текли по лицу Надежды Ивановны, и не только из живого, но и из белого, неживого глаза, и по маминому лицу тоже текли слезы.

— Вкусный ты суп варишь, Марина Борисовна, — сказала Надежда Ивановна. — И чего ты в него ложишь?

Она последний раз облизнула ложку и положила ее рядом с тарелкой:

— Спасибо тебе. Отмучилась моя доченька.

...Давно никого нет. Нины, Надежды Ивановны. Мамы уже двадцать лет как нет. И перловый суп я никогда не варю.

Валерий РОНЬШИН

МНЕ ВСЕГДА ХОТЕЛОСЬ НАПИСАТЬ «ТАМАНЬ» М.Ю.ЛЕРМОНТОВА

Тамань — самый скверный городишко из всех приморских городов России. Я там чуть-чуть не умер от голода, да еще вдобавок меня хотели утопить. Я приехал туда поздней осенью 1953 года. Поезд был не скорый, часто останавливался, предоставляя мне сомнительную возможность подолгу любоваться на покосившиеся деревянные домики, старух в фуфайках и кирзовых сапогах да дохлых коров, мокнущих под проливным дождем.

Потом состав медленно трогался с места. Старые вагоны начинали громыхать по разбитым рельсам...

Я ложился на нижнюю полку и через открытые двери купе продолжал смотреть в коридорное окно. А что еще было делать? В моем лежачем положении я видел теперь проплывающие мимо верхушки деревьев, столбы, провода с сидящими на них воронами, а чуть выше — кусок серого неба∅ иногда я видел проводницу — толстую вульгарную тетку, которая, закрывая своим необъятным задом проход в купе, игриво интересовалась: «Чайку не желаете?». При этом она ме-е-дленно водила кончиком языка по густо намазанным красной помадой губам. «Не желаю», — отвечал я, про себя добавляя: «Сука старая!»

В Тамань поезд приволокся под самый вечер. Да еще и с часовым опозданием.

...Солнце уже закатилось. Выглянули звезды.

Мимо памятника Сталину, выкрашенного золотистой краской, я прошел в зал ожидания. Здесь висели два его огромных портрета и стоял еще один памятник. Здесь же на скамеечке сидела молодая красивая девушка, одетая по последней моде. У нее были длинные, ярко накрашенные ногти и сумасшедший бюст. Неподалеку от нее, прямо на полу, сидел слепой мальчик лет четырнадцати, в грязной белой рубашке и расстегнутых штанах. Когда я проходил мимо, он жалобно заскулил:

— Дяденька, дайте денежку.

— Перебьешься, — сказал я.

Молодая красивая девушка, не докурив сигареты и до половины, выплюнула ее на пол. Слепой быстро схватил окурок и жадно затянулся.

— Вот бляди! — сказала молодая красивая девушка. — В кои-то веки решила не брать тачку и проехать до «Космоса» на метро. И что же? Выхожу как умная Маша на станции ВДНХ и попадаю в мужской туалет этого чертового вокзала. Вы мне можете объяснить, где я, собственно, нахожусь?

— Это Тамань, — сказал я, — самый скверный городишко из всех приморских городов России.

— Тамань? — достала девушка новую сигарету из пачки.

— Да, — кивком головы подтвердил я. — Тамань.

— Обалдеть, — она снова закурила. — А кабак здесь есть?

Я пожал плечами.

— Эй, пацан! — окликнула девушка слепого. — Здесь есть кабак поблизости?

— Ха—ха—ха, — бессмысленно засмеялся слепой.

— Ясно, — сказала девушка. — Дурак!

Звали ее Мери. Мы пошли искать ресторан. Слепой поплелся вслед за нами.

...По небу плыла луна.

Вскоре мы увидели неоновую вывеску. Ресторан почему-то назывался «Белая дыра». Я постучал кулаком в дверь. На стук выглянул двухметровый детина с лысой, как бильярдный шар, головой.

Я его тут же про себя окрестил — Лохматый.

— Закрыто! — грубо сказал он. — Валите отсюда!

Мери вытащила из сумочки пять долларов и помахала у него перед носом.

Лохматый задумчиво почесал свою лысину.

...В коридоре, за загородкой гардероба, сидел мрачный старик с лицом бульдога.

В черном пиджаке, черном галстуке и черной рубахе.

Прямо бери его как есть и тащи на кладбище.

На полу, у загородки, сидел черный откормленный кот. Он лениво глядел на наши ноги.

— Ой, кисонька! — взвизгнула Мери придурошным голосом, каким все женщины разговаривают с домашними животными и младенцами. — Какая холосынькая. А как тебя зовут?

— Не приставайте к кошке, — хмуро сказал старик. — Она этого не любит.

Как бы в подтверждение этих слов черный кот лениво встал, потянулся и не спеша прошел в приоткрытые двери ресторанного зала. Вслед за ним прошмыгнул слепой...

На поверхности загородки лежал большой лист ватмана, приколотый кнопками. Справа от него лежала фотография. На фотографии в гробу тоже кто-то лежал.

Старик, разлиновав снимок на мелкие квадратики, тщательно перерисовывал его на ватман.

— Это Максим Максимыч, — бодро пояснил Лохматый. — Наш местный художник-некрореалист. Рисует исключительно покойничков. Так что, когда сыграете в ящик, можете заказать ему свой портрет.

Мы прошли в небольшой круглый зальчик. За одним из столов сидел аккуратно одетый молодой человек. Он слегка привстал, поклонился в нашу сторону и представился:

— Немухин. Очень рад.

И снова сел.

Мы тоже сели. На столике стоял маленький ночничок с красным абажуром. Мери нажала кнопку. Свет загорелся. Стало уютно.

Обстановка располагала к интимным отношениям.

— Мери, — сказал я, — если честно, как тебя зовут?

— Если честно, — сказала Мери, — то Соня.

— Мармеладова?

— Помидорова!

Я пощекотал ее кончиком пальца за правым ухом.

— Мяу, — сказала Соня и прикрыла глазки.

— Не приставайте к кошке! — зло закричал из-за дверей Максим Максимыч. — Она этого не любит!

— Соня, — сказал я и тяжело задышал. — Я тебя люблю. Сколько ты стоишь?

— Я тоже тебя люблю, — ответила Соня. — Но я порядочная девушка, поэтому стою очень дорого. И к тому же — чем больше партнеров, тем больше риска.

Подошел Лохматый.

— Что будем заказывать? — бодренько поинтересовался он.

— А что есть? — в тон ему спросил я.

— Есть китайское блюдо из трех ароматов. Мы выписали китайца из Пекина. Господина Ю. Он вам сделает. Стоит стольник!

— А что еще есть?

Лохматый скривился, как от зубной боли.

— Ну, есть еще макароны, — скучно сказал он. — Вчерашние.

— Давайте макароны.

— Нет, зачем же, — вмешалась в наш разговор Соня. — Давайте свое блюдо.

Лохматый убежал довольный...

— Соня, — спросил я, — а почему у вас часики на обеих руках?

— У меня и на ногах часики, — кокетливо склонила она головку набок.

Я полез под стол, чтобы убедиться...

Действительно, поверх черных атласных чулочков на правой ноге тикали часы фирмы «Заря», а на левой — какие-то иностранные. Со светящимся циферблатом.

Под соседним столом сидел слепой и гладил черного кота.

Я тоже погладил Сонины ножки чуть выше коленок.

— Но-но, — сказала Соня.

Под стол заглянула озабоченная физиономия Лохматого.

— Извините, — сказала физиономия, — но господин Ю просит вас непременно зайти к нему на кухню.

Я нехотя встал, отряхивая брюки.

...На кухне у плиты стоял то ли японец, то ли китаец. Маленький. Старенький. В грязном заношенном фартуке.

— Вот, привел, — сумрачно сообщил Лохматый, показывая на меня рукой.

— Вы говорите по-японски? — строго спросил господин Ю.

— Нет, — сказал я.

— А по-китайски?

— Так же, как по-японски.

— Ну что ж, будем говорить по-русски, — вздохнул господин Ю и, не делая никаких пауз, разразился целым монологом: «Я ехал в метро. Народу, как всегда, было много. И вдруг я увидел молодую женщину. Она стояла у дверей вагона. Меня потянуло к ней. Но одновременно с этим я почувствовал, что не должен подходить к этой женщине. Мы долго смотрели в глаза друг другу. А потом какая-то сила вытолкнула меня из вагона. Поезд ушел. Я вышел из метро на улицу. Холодный ветер остудил мое разгоряченное лицо. Я быстро пошел боковым переулком. Я должен был разобраться в своих ощущениях. Когда я в них разобрался, то понял, что эта женщина была моей женой в одной из прошлых жизней. И тогда мы друг другу принесли несчастье. Меня охватило чувство полнейшей безысходности. Я бросил свой ресторан, жену, детей, приехал в вашу страну. Но и здесь не нахожу себе места...»

— А что вы хотите от меня? — осторожно спросил я, когда он закончил свой рассказ.

— Я хочу, чтобы вы мне помогли. Сейчас я стану делать себе харакири...

«Этого мне только не хватало», — в смятении подумал я.

— ...по старинному японскому обычаю при харакири присутствует слуга. И когда хозяин вспарывает себе живот, слуга спрашивает его: «Господин, вам помочь?» Потому что нет смерти болезнее, чем при харакири. И не каждый может выдержать столь чудовищную боль. И если хозяин говорит: «Помоги» — слуга длинным самурайским мечом отрубает ему голову.'

Господин Ю замолчал, нагнулся и вытащил из-под плиты длинный самурайский меч с рукояткой на две руки.

Я все понял. И, кажется, слегка побледнел.

— Но вы же, извините, китаец, — жалко залепетал я. — А харакири, если мне не изменяет память, делают японцы.

— Господин Ю — китаец японского происхождения, — сухо пояснил Лохматый, хранивший до сих пор гробовое молчание. — Он — потомок древнего самурайского рода и...

— Оставим это, — важно сказал господин Ю. — Сейчас разговор о другом.

Его узенькие глазки снова принялись сверлить мое лицо.

— Возьмите себя в руки, — тихо сказал господин Ю, протягивая мне меч.

Я взял себя в руки. В конце концов, мне-то что?

— Ладно, — сказал я. — Можете начинать!

Господин Ю достал из кармана фартука небольшой кинжал с длинным прямым лезвием. Потом посмотрел на свой живот...

— Вы бы тряпочку какую подстелили, — предусмотрительно подсуетился Лохматый. — А то кровью все испачкаете. Вытирай тут потом после вас...

Господин Ю ничего не ответил, продолжая пристально смотреть на свой живот...

Мы ждали.

Я крепко сжимал рукоятку меча.

Но тут дверь отворилась, и вошла Соня.

— Слушайте, — с раздражением заговорила она, — вы что, хотите меня голодом умо...

И застыла. Умолкнув на полуслове.

Еще бы не застыть, увидев японца, собирающегося делать себе харакири, и русского с острым как бритва мечом, собирающегося отрубить этому японцу голову.

— Не понял юмора, — сказала Соня.

Лохматый в двух словах ввел ее в курс дела.

— А чего ради? — все еще не понимала Соня.

Тогда принялся разъяснять сам господин Ю.

— У меня в душе чувство полнейшей безысходности, — на сей раз кратко пояснил он. — По-научному это называется — ментальная клаустрофобия.

— Го-осподи, — скривилась Соня презрительно. — Да у нас в эсэсэре у каждого второго эта самая клаустрофобия. И ничего. Живем. Кишки себе не вспарываем.

— Резонно, — заметил Лохматый, ткнув в Соню пальцем.

Господин Ю ушел в глубокую задумчивость. И находился там минут десять. Мы терпеливо дожидались его возвращения.

Наконец он торжественно произнес:

— Если сомневаешься, делать тебе что-либо или не делать, — лучше не делать, — поучающе поднял вверх свой короткий указательный палец, — так гласит древняя восточная мудрость!

Его тут же поддержал Лохматый.

— Если сомневаешься, пить тебе или не пить, — сказал он, — лучше не пить!

Лохматого тут же поддержала Соня.

— Если сомневаешься, трахаться тебе или не трахаться, — сказала она, — лучше не трахаться!

Соню тут же поддержал я.

— Если сомневаешься, писать тебе «Тамань» или не писать, — сказал я, — лучше не писать!

И в заключение нас всех из-за дверей поддержал Максим Максимыч.

— Если сомневаешься, быть тебе или не быть, — философски изрек он, — лучше не быть!

— Ладно, — сказал господин Ю и снова спрятал кинжал в грязный карман фартука. — Дискуссия окончена. Что-то меня не тянет сегодня харакири делать.

— Правильно! Сделаешь в следующий раз, — согласно покивал головой Лохматый. — А сейчас лучше сделай блюдо из трех ароматов.

— Дак уже сделано давно, — спохватился господин Ю и снял крышку с огромного чана, стоящего на плите.

Густо пахнуло помойкой.

Я пулей выскочил в первую попавшуюся дверь.

И оказался в коридоре...

Одиноко сидел Максим Максимыч и печально смотрел на ползущую по стене жирную муху.

Увидев меня, он слегка оживился. Предложил:

— Хотите, я вам расскажу веселенькую историю?

Я из вежливости кивнул...

— Когда я был маленьким мальчиком, — начал свой рассказ Максим Максимыч, — я больше всего на свете любил ходить по кладбищам...

Я закрыл глаза и уснул.

...Мне приснилось, что я тону в болоте. Противная, мерзко пахнущая жижа, напоминающая блюдо из трех ароматов, чавкая и хлюпая, вбирала меня в себя. Тащила за ноги. Я чувствовал на губах вкус гнилой воды. А между тем кругом стоял светлый денек. На небе ни облачка. Опушка невдалеке вся в белых березках. На полянке весело качают головками синенькие цветочки. Солнышко ласково пригревает... Красотища, ну не описать! А меня засасывает...

Проснулся я вовремя. Максим Максимыч уже заканчивал свой рассказ.

— Вот так, — грустно говорил он, и в его старческих глазах стояли слезы. — Сейчас мне 59 лет, жизнь прошла, ничего я хорошего не видел. И в сущности в моей жизни осталось всего два больших события: уход на пенсию и собственные похороны...

Вот такие у него веселенькие истории.

— Да, — сказал я.

— Что да? — спросил Максим Максимыч.

— Ничего, — сказал я и вернулся в зал.

За столом сидели: Соня, господин Ю, Лохматый и аккуратно одетый молодой человек. Они с аппетитом доедали блюдо из трех ароматов.

На соседнем столе, свернувшись клубком, спал черный кот. Под столом храпел слепой.

Когда я подошел, аккуратно одетый молодой человек слегка привстал, поклонился в мою сторону и представился:

— Немухин. Очень рад.

— Слыхали уже, — сказал я.

— Между прочим, вот такой парень! — выставил Лохматый большой палец.

— Тоже японец китайского происхождения? — поинтересовался я.

— Извините, нет, — скромно сказал Немухин. — Я, видите ли, консультант по вопросам семейной жизни. Вот у вас есть жена?

— Есть, — сказал я, — но лучше б ее не было.

— Вот-вот! Тогда я могу помочь! — светился весь Немухин.

Он положил перед собой аккуратненькую папочку.

Раскрыл ее.

— Вы как хотите, чтобы ее вообще не было? — сверкнул он на меня стеклами очков.

— Ну не то чтобы вообще, — замялся я. — А так, чтоб вроде есть, — я сделал паузу, — а вроде и нет.

— Понятно, — сказал Немухин как бы самому себе. — Инструкция № 24. Помещение объекта в сумасшедший дом.

— Ничего у вас не выйдет, — убежденно ответил я. — Такая умная, зараза, начнешь ей что-нибудь рассказывать, перебивает, исправляет...

— Вы ничего не понимаете, — сладко улыбнулся Немухин. — Как раз умного-то и легче всего дураком выставить...

И он протянул мне белый лист бумаги, мелко исписанный.

— Читай вслух, — сказал Лохматый. — Может, и мне пригодится.

Я прочел:

«Инструкция № 24. Купите в хозяйственном магазине килограмм гвоздей и затейте в квартире небольшой ремонт... как можно более непринужденным тоном сообщите своей жене, что для того, чтобы забить гвозди в стену, их надо предварительно закалить. Для этого на электроплиту ставится сковорода, в нее (сковороду) наливается подсолнечное масло и насыпаются гвозди. Закалять их надо в течение часа, непрерывно помешивая вилочкой. Как только ваша жена сделает это, не теряя ни минуты, звоните в сумасшедший дом и сообщайте, что ваша жена сошла с ума: гвозди на сковороде жарит... Помните, что у вас должен быть очень расстроенный голос. Дальнейшее вашего непосредственного участия не требует. Консультация по вопросам семейной жизни гарантирует полный успех предприятия при условии точного выполнения данной инструкции. Спасибо».

— Заня-а-а-тно, — с восхищением протянула Соня, раскачиваясь на задних ножках стула. — Просто, как все гениальное.

— Работа такая, — застенчиво улыбнулся Немухин, поправляя очки.

— А если там разберутся и выпустят ее денька через два? — скептически хмыкнул господин Ю. — Тогда как?

— Не разберутся, — убежденно сказал Немухин. — Вы просто не понимаете специфику советской жизни. У нас легко человека посадить. Что же касается выпустить... — он широко развел руками. — Тут уж, как говорится, — извините.

— Это точно, — заметил Лохматый, ткнув в Немухина пальцем.

— Ну спасибо, — с чувством сказал я. — Завтра же упрячу свою любимую в психушку.

— Пожалуйста, — потупил глазки Немухин. — С вас трешечка за услуги.

— Заня-а-тно, — снова повторила Соня, раскачиваясь на стуле.

— Сейчас Максим Максимыч припрется, — вдруг сказал Лохматый.

И как в воду глядел...

Приперся Максим Максимыч.

— Последние известия, — крутил он в руках задрипанный транзистор. К уху приставлял.

С надеждой говорил:

— Может, кто помер.

БАМ! БАМ! БАМ!

Били кремлевские куранты.

— Полночь, — сказал диктор. — Наступил вторник. Завтра будет среда. А сегодня свел счеты с жизнью известный рок-певец такой-то. Ехал на машине, не справился с управлением и вр... — Неожиданно он запнулся на полуслове.

— Водичку хлебает, — предположила Соня.

— ... а сейчас послушайте его последнюю песенку.

Заиграла музыка. Пошла песенка: «Я любил целовать твои грязные ноги...»

— Вот так, — сказал Максим Максимыч удовлетворенно. — Машину водить — это тебе не на гитаре бренчать.

Слепой проснулся и подошел к нашему столику.

— Дай денег! — сказал он, с ненавистью глядя мне в лицо.

— Дайте ему денег, — посоветовал Немухин. — А то сейчас истерику закатит.

— Дай денег!!! — заорал слепой, уже начиная закатывать истерику.

Я поспешно схватил со стола открытую бутылку минералки и сунул в его потные ладони. Слепой мгновенно успокоился, присосался слюнявым ртом к горлышку и жадно, взахлеб начал пить.

...В коридоре звонил телефон,

— Пардон, — сказал Лохматый и вышел.

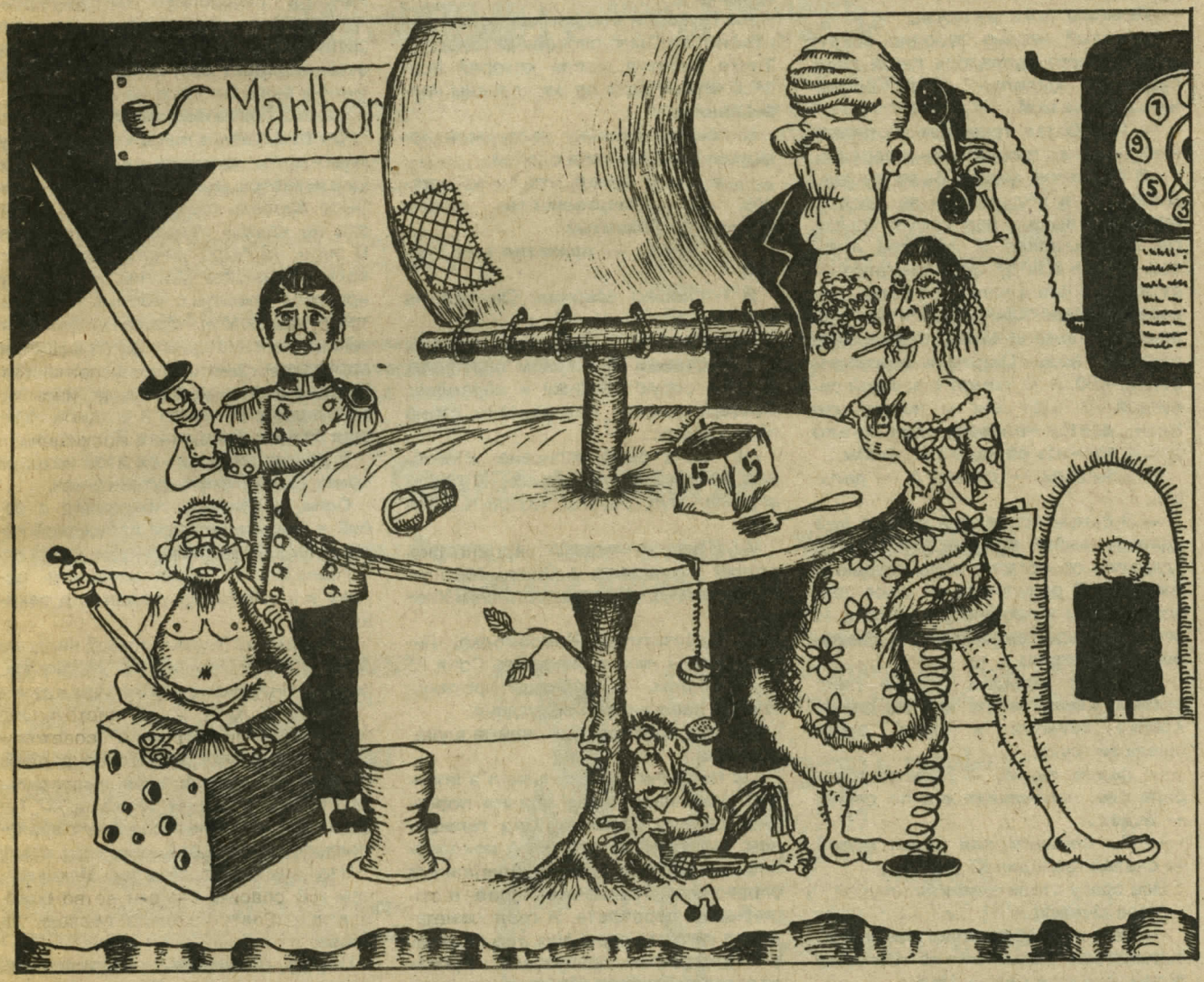
Соня, потеряв равновесие, грохнулась вместе со стулом на пол.

В зал вбежал Лохматый. На нем лица не было.

— Товарищи! — выкрикнул он срывающимся голосом. — Сталин умер!

— Слава Богу, — отозвалась Соня с пола. — Подох, собака! Ося корявый!

У Лохматого забегали глазки. Он попятился. И снова убежал в коридор.



Рисовал А. Заяц

— К телефону побег, — определил Максим Максимыч. — Сейчас он вас посадит.

— Сидеть не стоять, — сказала Соня и встала с пола.

— Знаете, о чем я сейчас думаю, — задумчиво произнес господин Ю.

— Не знаем, — сказал я.

— Я думаю о том, что если хоть одному человеку плохо, то зачем весь этот мир?

Вернулся Лохматый.

— Стуканул? — спокойно поинтересовалась Соня.

— Да, сейчас приедут, — ответил он. И с гордостью добавил: «Каждый советский человек на моем месте поступил бы точно так же. Бдительность и еще раз бдительность! Поняли?»

— Поняли, — сказала Соня. — Не дураки.

...Повисла тяжелая пауза.

Лохматый нервно заходил вокруг стола. У него сделалось такое лицо, будто он силился что-то вспомнить... Но не мог!

— Я работал тренером по плаванию, — начал говорить он торопливо. — В бассейне всегда было душно... Душно... И я поднимался на десятиметровую вышку, под самую крышу, где попрохладнее. И спал там. А потом прыгал в воду. Этот контраст — от теплого сна к холодной воде... Непередаваемо... Как-то раз я вот так прыгнул. Лечу и вижу, в бассейне спустили воду. Осталось сантиметров 50—60. И те уходят с каждой секундой. В этот миг я понял, что жизнь дается человеку один только раз. И прожить ее надо так, чтобы...

— Слышали, — сказал я, — дальше...

— В самый последний момент мне удалось выйти на «ласточку». И я ударился об остатки воды грудью и животом. В результате — ожог первой степени и профнепригодность. И вот я здесь — вышибалой! А теперь еще и стукачом!..

Лохматый зарыдал, закрыв лицо руками. Соня обняла его за плечи. Крепко прижала к своей сумасшедшей груди.

— Ладно, ладно, — ласково говорила она, поглаживая его по спине. — Будет...

— Вы слышите, как шумит море? — сказал господин Ю.

Все сразу стали слушать.

Море шумело...

— Нет! — вдруг начал энергично вырываться Лохматый из Сониных объятий. И еще раз: — Нет!

И кулаком по столу!!! По столу!!!

Слепой жалобно захныкал.

— Соня! — крикнул Лохматый и в исступлении стал рвать ворот рубахи. — Соня!!! Я подлец! У меня есть моторка! Давай начнем жизнь сначала! Сейчас на берег и в Турцию! Пока туман! Завтра — там!!!

— Нет! — сказала в свою очередь Соня тихо, но твердо. — Я свою Родину не брошу. Тем более в момент бифрукации. Я советская проститутка — и горжусь этим!

Господин Ю торжественно поднялся со своего стула. В его глазах блестели слезы.

— Помните, как у Пушкина, — воскликнул он восторженно. — «Гвозди бы делать из этих людей — не было б крепче в мире гвоздей!» Это про вас, Соня!

— А что такое бифрукация? — спросил я.

— Термин в теории катастроф, — ответил за Соню спокойный голос. — Точка отсчета, после которой процесс может идти по нескольким направлениям.

К нашему столику неспешной походкой приближался слепой.

— Я так и думал, что он из органов, — помертвевшими губами прошептал Лохматый.

— А ну-ка... — приказал мне слепой.

Я поспешно вскочил. Он сел на мое место.

Неторопливо отомкнул блестящие застежки на черном портфеле. Достал серую папочку и карандаш. Локтем очистил поверхность стола перед собой...

На папке было написано: «Протокол допроса заключенных». В левом верхнем углу стояло: «Хранить вечно».

— Итак, — сказал он, наставив острие карандаша в Сонин глаз. — Профессия?! Партийность?! Взгляды?!

— Проститутка! Комсомолка! Либералка! — лихо отчеканила Соня.

— Тэ-э-эк, — зловеще протянул слепой записывая. Следующий.

Мы все притихли. За окнами шумело море.

...Я тихонечко выскользнул в коридор. Мне надо было срочно позвонить своему адвокату. Под телефоном, висящим на стене, на покоробленном столике лежал телефонный справочник. Толстенная книга в коричневом переплете. Я стал лихорадочно листать страницы. Но, видимо, в типографии допустили производственный брак. Вместо номеров был указан год смерти абонентов.

...Мелькали знакомые имена.

Первым я обнаружил Немухина. Он сделал блестящую карьеру. Заочно окончил институт международных отношений и был направлен послом в дружественную африканскую республику, стоящую на пути социалистических преобразований.

Ничто не предвещало кровавой развязки...

Но вот однажды Немухина съели местные жители. Произошло это в 1960 году. Был праздник по случаю начала сезона дождей, и его съели. Причем съели не какие-нибудь реакционеры, а самые что ни на есть прогрессивно настроенные борцы с апартеидом. Конечно, была нота советского правительства, на которую президент дружественной африканской республики непринужденно ответил: «Возьмите у нас двух дипломатов и тоже съешьте». На этом инцидент был исчерпан. Но Немухину было от этого не легче.

...А вот Лохматому не повезло.

Он взлетел на воздух в 1973 году. Вместе с автодорожным мостом. Оказывается, его любимым занятием было бросать горящие спички с моста на крыши проходящих поездов. В этом не было ничего особенного, если вдуматься. Многим, к примеру, нравится плевать с мостов. А Лохматому нравилось бросать зажженные спички. Но однажды под мостом проходили цистерны с бензином. Крышка люка одной из цистерн была открыта. В нее-то и угодила горящая спичка, брошенная Лохматым...

У других персонажей этой истории конец был не столь романтичен.

Соня, к примеру, покончила с собой в грязном номере парижской гостиницы в 1965 году.

Господин Ю уехал осваивать целину и в 1958 году угодил под сенокосилку.

Черный кот Васька пошел на мыло в 1954 году. Проводницу Нюрку переехал тепловоз в 1970 году.

Нашел я, конечно, и себя. Я шел под буквой «Р», третьим по списку. После Рема, убитого в 1934 году. И Радека, убитого в 1939 году. Меня расстреляли ранней весной 2027 года в одном из новосозданных воркутинских концлагерей...

Что сталось с Максим Максимычем и с бедным слепым — не знаю. В книге о них не было сказано ни слова.

Поутру явилась возможность ехать, и я оставил Тамань. Навсегда...

«Вторичные ресурсы России»

УНИВЕРСАЛЬНАЯ ТОВАРНАЯ БИРЖА – АКЦИОНЕРНОЕ ОБЩЕСТВО ОТКРЫТОГО ТИПА «ВТОРИЧНЫЕ РЕСУРСЫ РОССИИ»

— это уставный капитал в 15 000 000 рублей;
— это помощь в получении лицензий и источник валютных поступлений для предприятий, заинтересованных в продаже вторичного сырья за рубеж;
— это уникальный банк данных о вторичных ресурсах, охватывающий все регионы и республики;
— это единственная биржа страны, гарантирующая поставку вторичных материалов с сертификатами качества, разработанными специалистами с мировым именем, дающими всеобъемлющую информацию об их составе и экологической чистоте;
— это информационное обслуживание клиентов по каналам ТАСС, правовое, научное и инженерное обеспечение любых проектов по использованию вторичного сырья и экологическому оздоровлению регионов;
— это не только рынок вторичных ресурсов, но и проведение торгов в неограниченном диапазоне товаров, сырья и услуг.

Сегодня и всегда

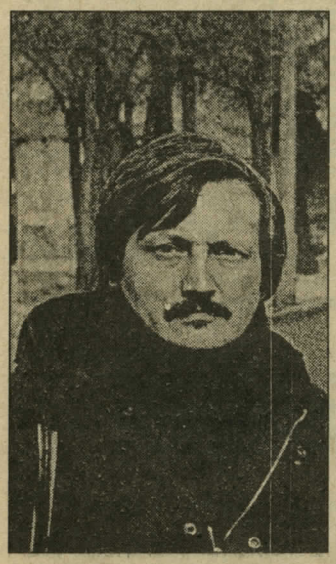
биржа «Вторичные ресурсы России» живет девизом: ЧИЩЕ СТРАНА – БОГАЧЕ ЛЮДИ!

УТБ «ВТОРИЧНЫЕ РЕСУРСЫ РОССИИ» ПРОВОДИТ ПЕРВЫЕ ОТКРЫТЫЕ ТОРГИ В ПОСЛЕДНЕЙ ДЕКАДЕ ТЕКУЩЕГО МЕСЯЦА НА ВДНХ СССР (ПАВИЛЬОН «МЕЛИОРАЦИЯ И ВОДНОЕ ХОЗЯЙСТВО»)

Право проведения первых торгов предоставлено брокерской фирме «МБФ» ассоциации «Инфрастройинтекс».
Телефоны для справок: 204-88-36, 204-01-79.
Вход на торги – свободный.
Стоимость входного билета – 200 руб.

Наш адрес: 121409, г.Москва, ул.Петровка, 26, К-51, КТФ «Полиграфресурсы», комн. 110, 112, 114.
Контактные телефоны:
921-82-87
921-77-07
292-95-74
Телефакс: 2006308
Телетайп: 207787 ИМПЭКС
Телекс: 412211 ПИМЭКС

КАК СДЕЛАТЬ ФЛЕЙТУ ИЗ ВОДОСТОЧНОЙ ТРУБЫ



О плакатистах Т.Немковой и Г.Каменских

Мы познакомились с Таней и Гошей в 1989 году. Агония перестройки была в самом разгаре, все безумно устали от политики, потянуло обратно на кухни и в спальни, чтоб изолировать себя от кипения общественных страстей. В искусстве западный рынок педантично дожевывал нашу посткоммунистическую экзотику. Начали с китов концептуализма, Кабакова, Булатова, а под конец пошла совсем мелкая рыбешка — плакат и самовары. Готовилась выставка плаката в Италии — тогда мы впервые и встретились.

Сказать, что, увидев их работы, я испытала чувство, близкое к катарсису, — означало бы закамуфлировать факт поэтическим преувеличением. Стрелка любопытства чуть отклонилась от нуля, что было уже в радость, ибо, как правило, наш плакат давал повод лишь для глубочайшего скепсиса. Кирпич в банковской денежной упаковке — да, мило, смешно. Но как-то, знаете ли... не очень. Немкова и Каменских входили в элитарную группу московских плакатистов «Плацкарт», что уже само по себе обязывало. Но по сравнению с Юрой Боксером и Александром Чанцевым, которые всегда блистательно остроумны, саркастичны и разливают желчь по поводу и без, — наши герои виделись в приглушенных пастельных тонах. Они были далеки от той черты, где экстравагантность граничит с гениальностью и безумием, в широкой полосе «просто хороших людей». Естественно, узнав их поближе, я изменила и представление об их творчестве. То, что вначале казалось банальным, осветилось смыслом разумного ограничения, сдержанности, чтобы в погоне за хитроумной идеей не переступить границу вкуса и не впасть в пошлость.

Меня всегда интересовало, как становятся плакатистами. Кто в 20 лет, учась в Строгановке или Полиграфическом, терзаясь либо идеей, либо грандиозным меркантилизмом, согласится работать в советском плакате? Ведь помимо таланта и призвания нужны объективные условия, которых как не было десять лет назад, так и сейчас нет: во-первых, нормальная полиграфическая база, во-вторых, потребность общества в профессиональной рекламе, в-третьих, политическая культура, дабы не делать вместо шаржа пасквиль. Перед художником-плакатистом стоит задача, условно говоря, с помощью кувалды и топора построить самолет, сыграть ноктюрн на ржавой водосточной трубе.

Гошу и Таню в плакат привел случай и, как ни странно, романтический склад характера.

После института Гоша уехал на несколько лет в Казань и там построил по собственному проекту парк, стилистикой напоминающий работы Гауди, — в нем неправильные, как змеи ползущие, дорожки и скамейки с закругленными, как шляпка гриба, краями. Был бетонщиком, каменщиком, облицовщиком. Вернувшись в Москву, стал искать чем заняться.

Таня работала дизайнером, и первый плакат сделала только потому, что было интересно попробовать себя в новом качестве, не преследуя никаких конкретных целей. Дебют был удостоен первой премии на конкурсе...

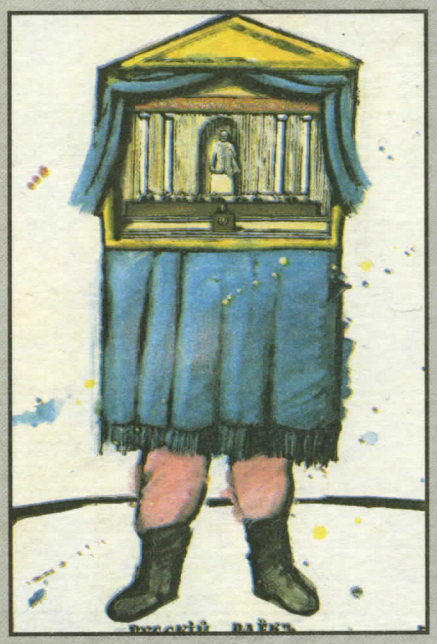
Сегодня, если принять во внимание награды, участие в международных выставках и конкурсах, Таня и Гоша очень благополучные плакатисты.

Мне, однако, всегда казалось мнимым это официальное благополучие. Работы Каменских и Немковой выпадают из границ жанра. Их политические шутки не острее укуса комара и, главное, сильно разбавлены «живописностью», эстетическими нюансами, в которых плакат политический в общем-то не нуждается. Они балансируют между двумя различными направлениями — карикатурой на злобу дня и «просто графикой», чистым искусством. Это в первую очередь относится к Гоше: он явно подавляет в себе тягу к экспрессивной абстракции.

Таня не живописец, а дизайнер, у нее «крен» в сторону жесткого конструирования плакатного листа. И в то же время она делает изысканные, вне конкретного сюжета коллажи.

Сегодня мы представляем вам лишь политические работы Георгия Каменских и Татьяны Немковой, что, конечно, не вполне адекватно их творческому потенциалу. Завяжем узелок на память, доживем до того понедельника, когда дилемма «Горбачев или Ельцин?» станет неактуальной и мы займемся, например, выведением чайных роз в собственном саду. Тогда и поглядим. Ведь романтический склад души у художника — род вечного двигателя. Движение постоянно, и, к счастью, направление его может быть самым разным.

Людмила ЛУНИНА



Г.Каменских
«РУССКИЙ РАЕК», 1990 г.

Г.Каменских
«СССР – страна героев», 1990 г.

Т.Немкова
«Начнем все сначала», 1990 г.

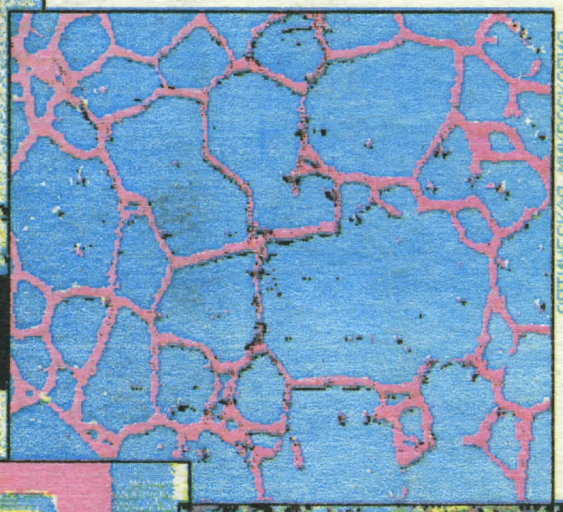
индекс 7374с

Фирма ПРОЦЕССОР

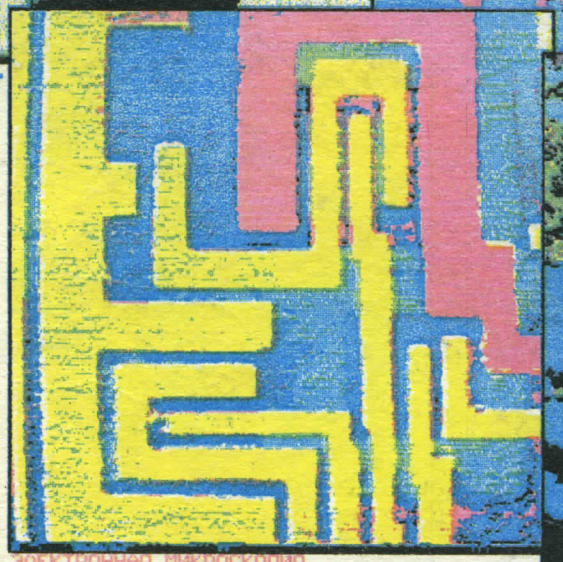
21-3-198

ИЗГОТОВЛЕНИЕ И ПОСТАВКА "ПОД КЛЮЧ"
ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫХ НАУЧНЫХ ПРИБОРОВ
НЕ ИМЕЮЩИХ СОВЕТСКИХ АНАЛОГОВ И
КОНКУРЕНТОСПОСОБНЫХ НА ВНЕШНЕМ РЫНКЕ

ТВ-ИЗОБРАЖ.



ОПТИЧЕСКАЯ МИКРОСКОПИЯ



ЭЛЕКТРОННАЯ МИКРОСКОПИЯ

ДИСТАНЦИОННОЕ ЗОНДИРОВАНИЕ

системы обработки и анализа изображений
цветные сканнеры высокого разрешения
платы для ввода цветных телеизображений
реконструкторы технической томографии
интеллектуальные системы сбора данных
контроллеры КАМАК для IBM-компьютеров
полная автоматизация дифрактометров

Закажите нам любую из этих систем
и мы с удовольствием выполним Ваш заказ
Телефон фирмы ПРОЦЕССОР в Москве 2480241